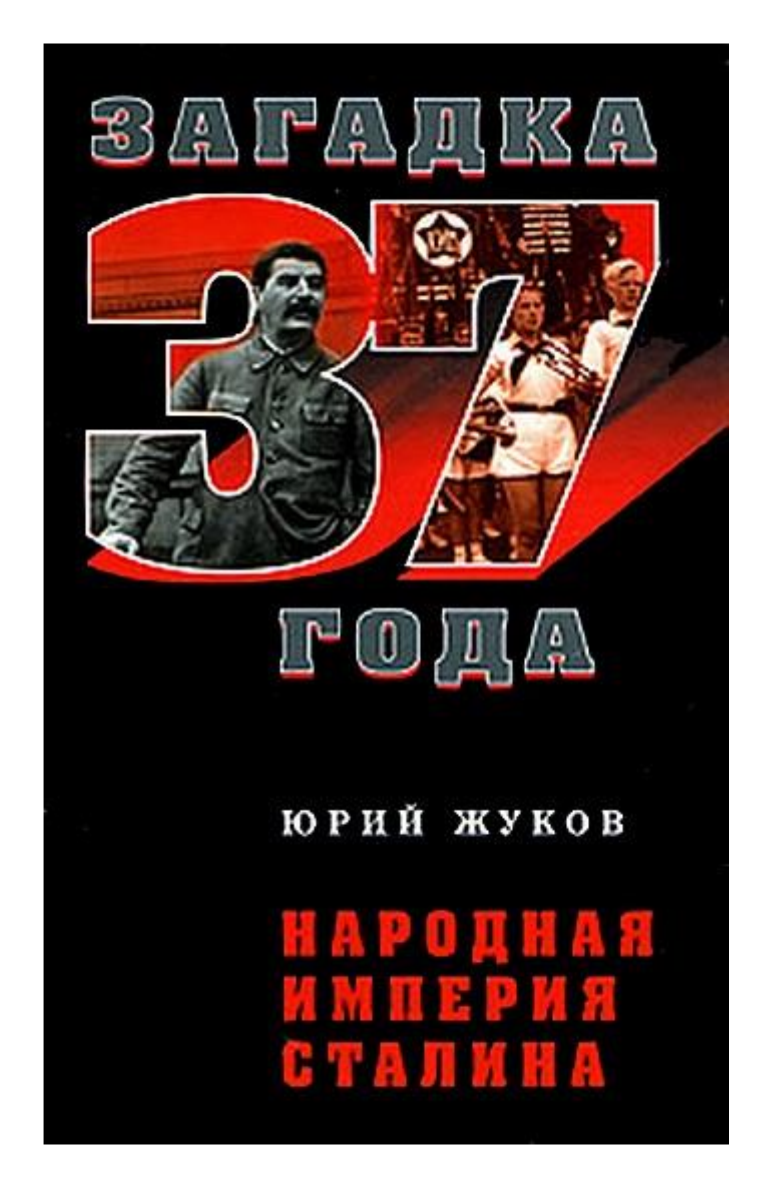
ЖУКОВ ЮРИЙ

Народная империя Сталина

Часть 1
Необходимость пересмотра старых доктрин

Межвоенное двадцатилетие… Термин этот давно устоялся, прочно вошел в словари историков и политологов. Определяется же он двумя датами: подписанием победителями в Первой мировой войне, странами Антанты 28 июня 1919 года в Версале мирного договора с побежденной Германией, только что ставшей республикой, — и нападением нацистской Германии 1 сентября 1939 года на Польщу, что послужило началом Второй мировой войны.

Но Версальский мир оказался на редкость хрупким, непрочным. В действительности продлился не два десятилетия, а всего одно. Во всяком случае, для Восточной Азии. Японию,

практически не участвовавшую в войне, не удовлетворило приобретение бывших германских колоний — Каролинских, Марианских и Маршальских островов в Тихом океане, порта Цзяочжоу (Кяочао) на китайском Шандуньском полуострове. В ночь на 19 ноября 1931 года, воспользовавшись как предлогом взрывом полотна Южно-маньчжурской железной дороги (ЮМИД) под проходившим японским воинским эшелоном, Токио отдал приказ разоружить китайские гарнизоны во всех городах вдоль ЮМЖД и занять их. Лидер партии гоминьдан и глава национального — нанкинского правительства Китая Чан Кайши запретил диктатору Трех восточных провинций (Маньчжурии) маршалу Чжан Сюэляну оказывать какое бы то ни было сопротивление захватчикам, дабы взбежать расширения конфликта, перерастания его в войну. Однако японские вооруженные силы все же не ограничились лишь зоной ЮМЖД и оккупировали всю Маньчжурию. А 9 марта 1932 года объявили ее «независимым государством» Маньчжоу-Го, возглавляемым сыном последнее китайского императора Пу И.

Советско-японская граница, прежде практически морская, увеличилась почти вдвое — за счет появления весьма протяженного, от Владивостока чуть ли не до Читы, сухопутного участка. На нем почти сразу же разместилась мощная японская армейская группировка, генералы которой не скрывали своих агрессивных устремлений.

Но первыми расценили происшедшее как угрозу для СССР отнюдь не в Москве. Посланник США в Китае Джонсон сообщал 13 января 1932 года в государственный департамент: «Я все более и более убеждаюсь, что японские действия в Маньчжурии должны рассматриваться больше всего в свете русско-японских отношений, чем китайско-японских… Высшие военные власти Японии пришли к заключению, что для них имеется возможность действовать в Маньчжурии и продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке к столкновению с Советской Россией, которое они считают неизбежным».

Советское руководство, занятое нелегкими проблемами, связанными с индустриализацией, поначалу не захотело поверить в серьезность возникшей на Востоке угрозы и уповало на иное, безопасное для СССР развитие событий. Дело в том, что буквально накануне японской агрессии, 11 ноября 1931 года, в небольшом городе Жуйцин на юго-востоке Китая, открылся I Всекитайский съезд Советов. Он провозгласил образование Китайской советской республики, сформировал Совет народных комиссаров во главе с Мао Цзэдуном и Реввоенсовет, который возглавил Чжу Дэ. Советское правительство и руководство китайской компартии, узнав о событиях в Маньчжурии, тут же обратились к гоминьдану с предложением прекратить шедшую пять лет братоубийственную гражданскую войну и создать единый антияпонский фронт. Чан Кайши отклонил это предложение и бросил все имевшиеся в его распоряжение силы против советских районов. Однако те устояли, отразили нападение. Более того, 5 апреля 1932 года Китайская советская республика объявила Японии войну.

Как свидетельствуют факты, Сталин решил, что новая ситуация коренным образом изменит положение в Китае. Приведет рано или поздно к образованию общего фронта коммунистов и гоминьдана, который и вынудит Японию повернуть свои армии на юг, от советской границы. Потому-то Сталин попытался сделать все, лишь бы не провоцировать Токио. Предложил начать переговоры о продаже принадлежащей Советскому Союзу Китайской восточной железной дороги (КВЖД), потребовал полного прекращения «подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии».[1] И в то же время остался равнодушным к предложению национального, гоминьдановского Китая восстановить дипломатические отношения, разорванные еще в 1929 году, и заключить пакт о ненападении, 19 июня писал из Сочи, где он находился в отпуске, в Москву Молотову, что США «пытаются вовлечь нас лаской в войну Японией… Предложение нанкинцев о пакте ненападения — сплошное жульничество. Вообще нанкинское правительство сплошь состоит из жуликов», правда, на всякий случай сделал оговорку: «Это не значит, конечно, что мы не должны считаться с этими жуликами или их предложением о пакте ненападения».[2] Но уже через девять дней, скорее всего под влиянием наркома иностранных дел М.М. Литвинова, стал менять свое отношение к проблеме. 28 июня

указал остававшимся в Москве членам узкого руководства Молотову, Кагановичу, Шилову и Орджоникидзе: «Согласен, что в отношении Нанкина нужна сдержанность, но позицию сдержанности нужно проводить так, чтобы не получилось отталкивание нанкинцев в объятия Японии. Этот вопрос, как и вопрос о наших отношениях с Америкой, имеет прямое отношение к вопросу о нападении Японии на СССР. Если Япония благодаря нашей излишней сдержанности и грубости к китайцам заполучит в свое распоряжение нанкинцев и создаст единый фронт с ними, а от Америки получит нейтралитет, — нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено. Поэтому сдержанность в отношении нанкинцев, а также американцев не должна превращаться в грубость и отталкивание, не должна лишать надежды на возможность сближения…».[3]

Заняв такую — промежуточную — позицию, Сталин не спешил с принятием окончательного решения. Да, с его согласия в Москве заведующий 2-м восточным отделом НКИД Б.П. Козловский и в Женеве М.М. Литвинов начали вялотекущие переговоры с представителями национального Китая. На этих переговорах обсуждалась возможность восстановления полномасштабных дипломатических отношений, которые, мол, позволят позже вернуться к вопросу о пакте о ненападении. И лишь для того, чтобы оказать давление на Японию, 1 июля «Известия» оповестили мир о проходивших беседах. Но в то же время, и не менее официально, советское руководство оценило события в Жуйцине как важную победу тактики и стратегии Коминтерна. В тезисах по докладу О.В. Куусинена 12-му пленуму ИККИ, одобренных Сталиным 16 августа,[4] с нескрываемой гордостью отмечалось: «Наступил конец относительной стабилизации капитализма… В Китае — революционная ситуация, на значительной территории — победа советской республики… В Китае — массовый подъем антиимпериалистической борьбы, развертывание советского движения, крупные успехи героической китайской Красной армии…».[5]

Только четыре месяца спустя Сталин отказался от надежды на скорую победу революции в Китае. 12 декабря 1932 года в Женеве М.М. Литвинов и глава китайской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений Янь Хойцин обменялись нотами, объявившими о восстановлении нормальных дипломатических и консульских отношений между СССР и нанкинским правительством,[6] отношений Москвы с той самой властью, которая шестой год вела кровопролитную борьбу с коммунистами, с Китайской советской республикой. Правда, пакт о ненападении с Нанкином был заключен только 21 августа 1937 года, уже после открытого нападения Японии на Китай.

Еще более взрывоопасная ситуация начала складываться в Европе, а причиной тому стали события в Германии. На эту страну, как на самый надежный центр пролетарской революции, по-прежнему продолжали делать ставку Г.Е. Зиновьев и Н.И Бухарин. 14 октября 1928 года «Правда», редактируемая Бухариным, опубликовала подборку материалов без подписи «Какое дело русскому крестьянину до германской революции», в которой утверждалось: «Соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та, и другая получат громадный толчок к развитию. Только тогда наше сельское хозяйство получит дешевые и лучшие машины в нужном количестве и сможет дать такое количество продуктов, что хватит накормить с избытком не только двухсотмиллионное население (СССР и Германии. — Ю.Ж.), но и всю Европу».

В том же был непоколебимо уверен и Зиновьев. Две недели спустя в той же «Правде» заявлял: «Союз с победоносной пролетарской революцией (в Германии. — Ю. Ж.) может быстро и радикально обезвредить опасные стороны нашего нэпа. Союз пролетарской Германии и Советской России создал бы новую фазу нэпа, ускорил бы и упрочил бы развитие нашей государственной промышленности и подрезал бы в корне тенденцию новой буржуазии занять господствующее положение в хозяйстве нашего Союза Республик».[7]

Практически то же утверждал Троцкий. «Мы сейчас, — писал он, — несомненно подходим вплотную к одному из тех исторических узлов, которые определяют дальнейшее развитие на ряд лет, а по всей вероятности, и десятилетий. Центром европейских и мировых проблем является Германия».[8]

Но четыре года спустя, в 1932-м, в Германии на прошедших внеочередных выборах в рейхстаг КПГ оказалась на третьем по поддержке избирателей месте. После нацистов и социал-демократов. Такое же положение сохранилось и после новых выборов, прошедших 6 ноября. Коммунисты получили всего 100 мандатов из 608, социал-демократы — 121, нацисты — 196.

30 января 1933 года президент Гинденбург назначил канцлером Гитлера, поручил ему формирование правительства. 27 февраля нацисты инсценировали поджог рейхстага, обвинив в том коммунистов — лидера КПГ Эрнста Тельмана, а также болгарских эмигрантов Димитрова, Попова и Танева. На следующий день Гитлер подписал декрет «Об охране народа и государства», которым приостанавливалось действие семи статей конституции, гарантирующих права и свободы граждан. 3 марта был арестован Эрнст Тельман. На еще одних, проведенных 5 марта, выборах нацисты в блоке с националистами сумели получить абсолютное большинство голосов. Спустя шесть недель были распущены профсоюзы, а затем и все, кроме нацистской, политические партии.

В Германии, где так и не произошла пролетарская революция, победил, придя к власти чисто демократическим путем, нацизм с его никогда не скрываемой доктриной ревизии Версальского договора, реванша, а также намерением расчленить СССР, превратить Украину и Белоруссию в «жизненное пространство» только для немцев.

Первой реакцией на события в Германии стало выступление министра иностранных дел Франции Жозефа Поля Бонкура в Женеве на заседании политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений, вырабатывавшей определение агрессии. Он поднял вопрос о столь же важной, с его точки зрения, назревшей необходимости заключения пакта о взаимопомощи в случае агрессии. Закончив речь, демонстративно подошел к полпреду СССР во Франции В.С. Довгалевскому и пожал его руку. Выразил тем без слов, с кем его страна желала бы заключить такой пакт.[9] Ту же идею, но уже от имени Малой Антанты — Чехословакии, Румынии и Югославии, изложил 8 марта министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш в беседе с представителем СССР в Праге А.Я. Аросевым. Однако всего десять дней спустя он, из-за якобы выявившегося отрицательного отношения к пакту Румынии, попросил «считать его предложение и весь вопрос не существующим».[10]

В действительности Бенеш лукавил, ибо истинной причиной его отказа от собственных слов оказалось иное. В тот день, 18 марта, Муссолини предложил Великобритании, Франции и Германии заключить Пакт четырех — «пакт согласия и сотрудничества». Пакт, предусматривающий возможность, прежде всего, пересмотра условий Версальского мирного договора, признание равенства прав Германии в области вооружений, а кроме того, принятие в будущем аналогичных решений в отношении остальных проигравших войну центральных держав — Австрии, Венгрии и Болгарии. Почти сразу же против сущности Пакта четырех выступили Польша и страны Малой Антанты, не без основания опасавшиеся ревизии своих границ. А вскоре ту же позицию заняла и Франция, осознавшая весьма опасные последствия и для себя. Поэтому пакт, хотя и подписанный 15 июля 1933 года в Риме Муссолини и послами Франции — де Жувенилем, Великобритании — Грэхемом и Германии — фон Хасселем, так и не был ратифицирован ни в одной из четырех стран.

Обеспокоенная становившейся все более и более несомненной угрозой со стороны Рейна, Франция начала свою игру. Шестого июля М.М.Литвинов сообщил шифротелеграммой лично Сталину о том, что французский премьер Эдуард Эррио и Поль Бонкур, причем каждый порознь, информировали его о подготовке германо-польских переговоров.

Эррио и Поль Бонкур сообщили о том, что 2 мая 1933 года при встрече Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии фон Нейрата, с польским посланником Высоцким, обсуждались возможности заключения между двумя странами пакта о ненападении. А 15 ноября состоялась еще одна встреча Гитлера — с послом Польши Липским, в ходе которой было выявлено «единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путем непосредственных переговоров».[11]

Оставалось слишком мало сомнений в том, что Варшава намеревается сменить ориентацию с Парижа на Берлин. Но если она все же поступит именно так, то нарушит равновесие, созданное в Европе. Ликвидирует ту военно-политическую систему, которая и обеспечивала безопасность Франции, угрожая Германии в случае агрессии войной на два фронта. Не могло серьезно повлиять на менявшуюся ситуацию и то, что Чехословакия отклонила предложение Гитлера решить судетскую проблему также путем только двусторонних переговоров. Парижу срочно потребовался более сильный союзник, и непременно к востоку от жаждавшей реванша нацистской Германий.

Именно поэтому 19 ноября Поль Бонкур встретился в Женеве с Довгалевским. Поведал ему о нажиме, «которому подвергается Франция со стороны Англии и Италии в смысле дальнейших уступок Германии и перевода переговоров на рельсы Пакта четырех». Выходом из тупикового положения было бы, по его мнению, вступление СССР в Лигу Наций.

Не имея необходимых полномочий, советский полпред вынужден был дать на такое недвусмысленное предложение отрицательный ответ. Однако глава внешнеполитического ведомства Франции не оставил своих попыток. В ходе новой встречи с Довгалевским, 22 ноября, еще раз вернулся к тому же вопросу, только на этот раз был более откровенно. «Если бы французское общественное мнение, — заметил он, — узнало и убедилось бы в том, что Франция может осуществить положительную политику путем создания прочного барьера против натиска гитлеровской Германии, то это внесет успокоение в общественное мнение и выбьет оружие из рук тех, кто настаивает на сговоре с Германией». Барьер же Поль Бонкур представлял себе «в виде договора о взаимопомощи» и считал «вопрос назревшим и не терпящим отлагательств».[12]

В тот же день на помощь своему французскому коллеге поспешил Бенеш. Правда, он говорил еще не о договоре, а лишь о том, что должно было ему предшествовать. Об установлении дипломатических отношений СССР со странами Малой Антанты, в том числе и с Чехословакией, с которой Советский Союз поддерживал всего лишь официальные «полудипломатические» отношения. Добавил, что «в Чехословакии, которая не имеет спорных вопросов с СССР, вопрос назрел настолько, что возобновление отношений не представляет серьезных трудностей».[13]

Советскому руководству потребовалось принять судьбоносное решение. Такое, которое в корне меняло не только внешнеполитический курс страны, но и стратегию, тактику Коминтерна, а вместе с тем и внутриполитическую пропаганду. Ведь требовалось дать согласие на вступление не просто в какую-то международную организацию, а в Лигу Наций. Ту самую, которую определяли следующим образом: «Ничем не прикрытый инструмент империалистических англо-французских вожделений. Антанта направляет работу Лиги Наций сообразно своим хищническим интересам… Замаскированный союз так называемых великих держав, присвоивших себе право распоряжаться судьбами более слабых народов и подготавливающих военные действия для дальнейшего их угнетения… Лига Наций — опасный инструмент, направленный своим острием против страны диктатуры пролетариата».[14]

29 ноября 1933 года Н.Н. Крестинский, в отсутствии М.М. Литвинова (готовившего в Вашингтоне установление дипломатических отношений с США) руководивший Наркоминделом, сообщил Довгалевскому: «Вопрос о Лиге Наций считаем дискутабельным и согласны обсудить. Но при этом у нас будут существенные оговорки, которые изложим при конкретных переговорах, если таковые будут иметь место. Вопрос о взаимопомощи также считаем

дискутабельным и не прочь выслушать конкретные предложения. Можете на основании директив (решения Политбюро. — Ю. Ж.) начать беседу с Бонкуром».[15]

К переговорам приступили уже 5 декабря. Бонкур, естественно, прежде всего спросил Довгалевского, не может ли тот «сказать что-либо нового по поводу Лиги Наций», но услышал вынужденно невнятный — выработанный в Москве — ответ: «жду… конкретных предложений». Министру иностранных дел Франции, привыкшему к иному ходу такого рода бесед, пришлось заметить, что он «затрудняется сделать предложение, ибо ему не ясно», что под тем подразумевает собеседник. Но все же постарался объяснить свой настойчивый интерес к теме. Вступление Советского Союза в Лигу Наций, сказал Поль Бонкур, «весьма облегчило бы переговоры о взаимопомощи, которые в противном случае будут очень затруднены, ибо взаимопомощь не будет гармонировать с пактом Лиги Наций, не говоря уже о том, что Польше будет трудно увильнуть от участия в договоре о взаимопомощи, если СССР станет членом Лиги».[16] Так он, хотя и контурно, обозначил суть замысленной на Кэ д'Орсе идеи. Подписание договора о взаимопомощи Франции, Советского Союза, Польши, стран Малой Антанты в случае нападение на одну из них Германии, обуславливалось непременным вступлением СССР в Лигу Наций.

В создании европейской системы безопасности Москва была заинтересована не меньше Парижа, ибо такая система снимала для страны ставшую вполне реальной угрозу войны на два фронта (на Западе и на Востоке). И потому не возникло бы никаких проблем при решении такой задачи, если бы не необходимость вступать для того в еще вчера осуждаемую и проклинаемую Лигу Наций. Только это, одно лишь это и порождало немыслимые сложности. Требовалось сделать выбор: либо старые доктрины, либо гарантия безопасности СССР. Сделать же выбор следовало очень быстро, ибо любая затяжка оттолкнула бы Париж, вынудила бы его поддержать Пакт четырех, подтолкнув тем самым Германию к агрессии против Советского Союза.

И выбор был сделан. 11 декабря 1933 года нарком иностранных дел СССР поспешил известить советского полпреда в Париже: «Мы взяли твердый курс на сближение с Францией».[17]Литвинов чуть-чуть поторопился, на неделю опередив событие. Окончательно решение ПБ о согласии СССР вступить в Лигу Наций формально было принято 19 декабря 1933 года в присутствии Литвинова и Довгалевского, срочно вызванного в Москву.[18] Оно гласило: «Дать тов. Довгалевскому для ответа Бонкуру следующие директивы: 1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций. 2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. 3. СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши. 4. Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлению Франции, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения. 5. Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите, участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу».

Так были сформулированы те детали будущего, пока еще проблематичного пакта, которые в любом случае должны были закрепить тесные отношения Советского Союза с Францией, а кроме того, предусматривали помощь и на случай нападения Японии. Помимо этого, но уже чисто декларативно, всего лишь как необходимая дань идеологии, классовым позициям, были занесены в «директиву» и те условия вступления СССР в Лигу наций, на

выполнение которых ПБ просто не могло рассчитывать. Среди них — арбитраж «лишь по спорам, которые… будут иметь место после вступления Союза в Лигу»; исключение из статуса Лиги Наций санкционирования войны для решения международных споров; отмена мандатного управления великими державами ряда территорий; обязательность «для всех членов Лиги расового и национального равноправия».[19]

В полном соответствии с указаниями из Москвы, 28 декабря Довгалевский изложил советские условия Полю Бонкуру, который сразу же согласился с большинством из этих предложений. Одобрил перечень участников будущего пакта, но подчеркнул: «Самое существенное — это СССР, Польша, Франция и Чехословакия». Возразил лишь против материальной помощи, о которой речь шла в 5-м пункте условий, аргументировав свою позицию «тем, что помощь военными материалами может создать презумпцию участия в конфликте». Правда, тут же заметил: «Как эти его замечания, так и последующие являются только первой реакцией», — и просил не считаться с ними.[20] Подразумевал, что отныне только и начинаются настоящие переговоры о создании Восточного пакта.

«Директивы» Довгалевскому занесли в «особую папку» решений ПБ, что означало право знакомства с ними лишь для нескольких человек, призванных претворять их в жизнь, и недоступность их для всех остальных членов ЦК. Несмотря на это, Сталин поспешил разгласить тайну, взял на себя возможное негодование со стороны противников вступления страны в Лигу Наций. Уже 25 декабря Сталин принял корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Дюранти, дав ему интервью. И намекнул американскому журналисту на секретное решение.

«ДЮРАНТИ: Всегда ли исключительно отрицательна ваша позиция в отношении Лиги Наций?

СТАЛИН: Нет, не всегда и не при всяких условиях… Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги Наций (19 октября и 27 марта 1933 года соответственно. — Ю. Ж.) — или, может быть, именно поэтому — Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки».

Часть 2

Доклад Сталина на XVII съезде ВКП(б). Принципиально новые положения Советской политики

4 января 1934 года все центральные газеты Советского Союза опубликовали это интервью. А спустя три недели в Москве открылся XVII съезд ВКП(б). Открылся традиционным отчетным докладом Сталина о работе ЦК за истекшие три с половиной года. Тот же, в свою очередь, начался с неизменной для такого рода докладов характеристики международного положения. Но Сталин ни словом не обмолвился о самом главном, наиболее значимом: об уже предрешенном и единственно возможном повороте во внешней политике.

Скорее всего, Сталин расценил отсутствие какой-либо реакции на свои слова о вроде бы возможной «поддержке» Лиги Наций либо как полное непонимание смысла сказанного, либо как нежелание ортодоксальных кругов партии начинать дискуссию по этому поводу. И потому заговорил о более привычном для слушателей, о том, что от него ждали — о революционной ситуации. Правда, в отличие от оценок, данных 12-м пленумом ИККИ, отметил: революционный кризис только назревает, а чуть позже выразился еще более осторожно — он будет назревать. Затем, как то бывало уже не раз, напомнил об угрозе войны и пообещал делегатам: в случае нападения империалистических держав на СССР «отечество рабочего класса всех стран», его «многочисленные друзья… в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим

угнетателям».[21] Таким весьма прозрачным эвфемизмом продемонстрировал свою твердую веру в пролетарскую солидарность.

Вместе с тем, прозвучали в докладе и явно новые, необычные ноты. Говоря о росте фашизма, о его победе в Германии, Сталин многозначительно заметил: «Господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей».[22] Впервые обозначил вполне возможную, с его точки зрения, альтернативу мировой революции. И даже не мирный путь компартий к власти, а лишь использование парламентов для защиты интересов трудящихся — то, что до сих пор большевиками и Коминтерном напрочь отвергалось как реформизм.

Затем, вернувшись вдруг к внутренним проблемам, Сталин перечислил по значимости то, на что СССР может рассчитывать в сложившейся международной обстановке. На первое место поставил экономическую и политическую мощь страны, только потом — поддержку трудящихся за рубежом. Но не ограничился учетом классовой солидарности, а тут же присоединил к ней не менее, судя по контексту, значимое — наличие стран, не заинтересованных в развязывании новой войны, имея в виду прежде всего Францию. На последнее же место поставил Красную армию, признав тем ее слабость, порожденную отсутствием современного вооружения, так как оборонную промышленность лишь предстояло создать — в ходе выполнения второго пятилетнего плана.

Судя по всему, действительно значимыми, даже решающими в конкретных условиях Сталин полагал усилия советской дипломатии, проводившей «кампанию за заключение пакта о ненападении». Объяснил такую оценку тем, что между Советским Союзом и некоторыми странами Запада — опять же Францией, а также и Польшей «нежелательные отношения начинают постепенно исчезать… Атмосфера, заряженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться». И сделал отсюда логический вывод, вновь намекнув на близкий поворот внешнеполитического курса. «Если интересы СССР, — сказал Сталин, — требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это без колебаний».[23]

Однако и этого показалось Сталину мало, и он твердо произнес ранее немыслимое, просто невозможное. Отныне единственной для ВКП(б) задачей должно было стать отстаивание, обеспечение национальной безопасности страны, а не становившейся все более призрачной идеи пролетарской солидарности и связанных с нею интересов мировой революции. «Мы, — предельно однозначно пояснил Сталин, — ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР».[24] грядущих вскоре переменах свидетельствовали и многие иные положения доклада Сталина. В том числе итоговая оценка сложившихся социально-экономических отношений: «Удельный вес социалистической системы хозяйства в области промышленности составляет в настоящее время 99 процентов, а в сельском хозяйстве, если иметь в виду посевные площади зерновых культур, — 84,5 процента… Социалистический уклад является безраздельно господствующей и командующей силой во всем народном хозяйстве».[25] Следовательно, подразумевал докладчик, настало время не просто заявить о завершении нэпа, но и сделать соответствующие политические выводы, зафиксировать отмеченные сдвиги со всеми вытекающими юридическими и идеологическими последствиями.

Столь же многозначительным оказался и тот раздел доклада, который был посвящен собственно партии, положению в ней. Начал Сталин с констатации восстановления ее единства. Сказал, что «разбиты и рассеяны» троцкисты, правые уклонисты и национал-уклонисты, олицетворением последних сделав Н.А. Скрыпника — члена ЦК и ИККИ, наркома просвещения УССР, покончившего с собою в июле 1933 года. Лишь упомянул, не назвав поименно, «его группу», к которой следовало отнести писателей Н. Хвылевого с его открытым призывом «Прочь от Москвы!», П. Гирняка, М. Ялового (Юлиана Шпола), историков М. Яворского, М. Равича-Черкасского, философа В. Юринца, филологов Е. Курило, Е. Тимченко,

театрального режиссера Л. Курбаса, некоторых иных, незадолго перед тем обвиненных П.П. Постышевым в пропаганде национализма.[26]

Просто перечислив троцкистов, правых, национал-уклонистов, Сталин почему-то не вспомнил о громких, достаточно хорошо известных партии конкретных политических делах, заставивших ПБ и ЦК в октябре 1932 — апреле 1933 года, то есть как раз за отчетный период, принимать специальные постановления. Как бы забыл о деле «контрреволюционной группы», она же «Союз марксистов-ленинцев» М.Н. Рютина, П.А. Галкина, М.С. Иванова, иных партфункционеров, подготовивших манифест «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также обращение «Ко всем членам ВКП(б)», написанных с откровенно правых позиций и содержавших чисто фракционную критику проводимого сталинской группой курса.

Не упомянул докладчик и о высылке в октябре 1932 года Зиновьева в Кустанай и Каменева в Минусинск, правда, возвращенных в Москву год спустя.

Всерьез говорить о только что нанесенном сокрушительном ударе по правым Сталин не стал, явно не желая обострять положения. Сосредоточил внимание делегатов съезда на ином: на «путанице по ряду вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп». Но, заняв умеренную позицию, Сталин ограничился тем, что предложил всего только «поднять теоретический уровень партии на должную высоту… Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма».[27]

* * *

Сталин обрушился в праведном гневе на иного врага — на безликую и нефракционную опасность, на бюрократизм. «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, — провозгласил Сталин, — болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства, функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности, обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты, отсутствие систематической проверки исполнения, боязнь самокритики — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности».

И почти сразу же уточнил резкую, но поначалу общую мысль: «Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков… Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением в должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину».[28]

Говоря так, Сталин уже не оставил сомнения у слушателей, что имеет в виду в равной степени руководителей и партийных, и советских, всех. Без различия чинов и рангов.

По сути, ту же мысль, хотя и не полностью и несколько своеобразно, продолжил докладом по оргвопросам А.М. Каганович В своих построениях он исходил из двух решающих факторов. Во-первых, успехов индустриализации, во-вторых, из наличия не доставшихся «в наследство» от прошлого, а собственных, воспитанных и обученных за годы советской власти специалистов. «Шахтинский процесс, как все последующие процессы, — отметил Лазарь Моисеевич, — вскрыл, что многие из наших коммунистов — руководящих работников, не зная техники, не пытаясь овладеть ею (здесь Каганович имел в виду специальное среднее и высшее образование. — Ю. Ж.), слепо доверялись этим (старым. — Ю. Ж.) специалистам, работали как «комиссары» худшего типа». Ну, а теперь же положение изменилось, «Советский Союз превратился в страну массового технического образования… Молодые специалисты,

окончившие вузы и техникумы в годы первой пятилетки, составляют более половины всех специалистов».[29]

Потому-то, а также исходя из вполне обоснованного дальнейшего роста как промышленности, так и числа новых специалистов, Каганович объявил об очередной реорганизации структуры партаппарата. О переходе в ней к производственно-отраслевому принципу. И для ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, и для ЦК ВКП(б). К той структуре, которая предполагала в самое ближайшее время максимально использовать, вобрав в себя, коммунистов не с «прошлыми заслугами», а обладающих высшим образованием.

Существовавшие с лета 1930 года функциональные отделы ЦК ВКП(б) — организационно-инструкторские, административно-хозяйственные и профсоюзных кадров, культуры и пропаганды, агитации и массовых кампаний — ликвидировались. Вместо них впервые за всю историю партии образовывались отраслевые — промышленный, транспортный, сельскохозяйственный, планово-финансово-торговый, которые должны были осуществлять повседневное наблюдение за работой соответствующих наркоматов и ведомств. Сходными задачами наделялся и еще один отдел, политико-административный, призванный контролировать силовые органы: союзные — Наркомата по военным и морским делам, суд и прокуратуру, ОГПУ; республиканские — наркоматы внутренних дел, юстиции. Другую чисто партийную группу, составляли отделы культуры и пропаганды, Институт Маркса — Энгельса — Ленина (на правах отдела), руководящих партийных органов (ОРПО). Последнему отделу предстояло не столько наблюдать за работой, сколько, подбирать и представлять на утверждение ПБ кандидатуры на должности первых и вторых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, председателей совнаркомов союзных и автономных республик, край и облисполкомов, согласовывать состав соответствующих центральных комитетов и бюро.[30]

Тем самым, узкое руководство в лице ПБ с помощью вроде бы обычной, административной по характеру, реформы устанавливало абсолютный и, к тому же, вполне официальный — все перемены закреплялись новой редакцией устава партии, контроль над всеми без исключения наркоматами и комитетами.

Своеобразный «административный» переворот породило, без сомнения, стремление узкого руководства в полном соответствии с заветами великого немецкого стратега генерала Карла Клаузевица перед решающей схваткой прежде всего укрепить свои тылы. О том же свидетельствовала и необычная умиротворяющая позиция на съезде Сталина, всячески пытавшегося ничем не спровоцировать очередной раскол или какое-либо идеологическое противостояние. Сохранить в нем пусть чисто внешнее, но все же единство и согласие хотя бы на время, ибо Сталин остро нуждался в стабильности для того чтобы очень скоро осуществить крутой поворот курса партии и страны. Поначалу — во внешней политике, что являлось наиболее важным, первостепенным. А затем, вне всякого сомнения, должно было произойти и то, о чем предупредил Сталин. Смена широкого руководства, которое составили члены ЦК ВКП(б), главным образом первые секретари крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, главы общесоюзных и республиканских ведомств. Замена тех из них, кто обладал заслугами лишь в прошлом.

Делегаты съезда, давно привыкшие ко всевозможным реорганизациям, в том числе и партаппарата, видимо всерьез не задумались ни о заявлении Сталина о бюрократии как главном источнике всех трудностей, ни о предложении Кагановича. Единогласно утвердили

предложенные им резолюции по обоим докладам, новый устав партии. Одобрили и предложенный им состав ЦК, существенно не отличавшийся от предыдущего.

Как и прежде, из 71 члена ЦК семнадцать (около 25 процентов) оказалась теми, кто и ранее входил в состав высших партийных органов, давно уже являлся членом или кандидатом в члены ПБ, секретарем ЦК: И.В. Сталин — генеральный секретарь, К.Е. Ворошилов — нарком по военным и морским делам, А.М. Каганович — второй секретарь ЦК ВКП(б) и первый — МК и МГК, М.И. Калинин — председатель ЦИК СССР, С.М.Киров — первый секретарь Ленинградского обкома, С.В. Косиор — первый секретарь ЦК КП(б) Украины, В.В. Куйбышев — председатель Госплана СССР, В.М.Молотов — председатель СНК СССР, Г.К. Орджоникидзе — нарком тяжелой промышленности СССР, А.А. Андреев — нарком путей сообщения, Г.И. Петровский — председатель ЦИК УССР, П.П. Постышев — второй секретарь ЦК КП(б) Украины и первый — столичного Харьковского обкома, Я.Э. Рудзутак — председатель упраздненной съездом Центральной контрольной комиссии (ЦКК) при ЦК ВКП(б), В.Я. Чубарь — председатель СНК УССР, Я.Б. Гамарник — начальник политуправления РККА, А.В. Косарев — генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, Н.М. Шверник — председатель ВЦСПС.

Вторую по важности группу членов ЦК, 35 процентов от его численности, составили партийные функционеры рангом несколько ниже. Первые секретари почти всех региональных партийных организаций: К.Я. Бауман — Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), Л.П. Берия — Закавказского крайкома, И.М. Варейкис — обкома Центральной черноземной области, Е.Г. Евдокимов — Северо-Кавказского крайкома, А.А. Жданов — Горьковского обкома, В.И. Иванов — Северного обкома, А.И. Икрамов — ЦК КП(б) Узбекистана, И.Д. Кабаков — Свердловского обкома, А.И. Криницкий — Саратовского обкома, Л.И. Лаврентьев — Дальневосточного крайкома, Л.И. Мирзоян — Казахстанского крайкома, И.П. Носов — Ивановского обкома, М.О. Разумов — Восточно-Сибирского крайкома, И.П. Румянцев — Западного обкома, К.В. Рындин — Челябинского обкома, М.М. Хатаевич — Днепропетровского обкома, Б.П. Шеболдаев — Азово-Черноморского крайкома, Р.И. Эйхе — Западно-Сибирского крайкома. Вторые секретари: К.И. Николаева — Ивановского обкома, Н.С.Хрущев — МК и МГК.

Руководители остальных, подчиненных непосредственно ЦК ВКП(б) региональных партийных организаций, ЦК КП(б) Белоруссии — Н.Ф. Гикало, Средне-Волжского крайкома — В.П. Шубриков, Нижне-Волжского крайкома — В.В. Птуха, Татарского обкома — А.К. Депа, Башкирского — Я.Б. Быкин, Крымского — К.А. Семенов, были избраны кандидатами в члены ЦК.

Ко второй же группе членов ЦК — партийных функционеров — следует отнести и заведующих ликвидированных отделов: А.И. Стецкого — культуры и пропаганды, Н.И. Ежова — распределительного, а также ответственных работников исполкома Коминтерна — В.Г. Кнорина, Д.З. Мануильского, И.А. Пятницкого.

Менее представительно выглядели в составе ЦК советские работники. Главы союзных наркоматов: О.С. Лобов — лесной промышленности, И.Е. Любимов — легкой промышленности, М.М. Литвинов — иностранных дел, Г.Г. Ягода — председатель ОГПУ, Я.А. Яковлев — земледелия, а также председатель правления Центросоюза И.А. Зеленский (в 1921–1924 годах первый секретарь МК, в 1924 — секретарь ЦК РКП(б), в 1925–1931 — председатель Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б)). Первые заместители наркомов союзных наркоматов: Н.К. Антипов — упраздненного съездом РКИ, И.П. Жуков — связи, М.М. Каганович и Ю.Л. Пятаков — тяжелой промышленности, К.В. Уханов — снабжения, В.И. Межлаук — председателя Госплана. Руководители республиканских структур: председатель СНК РСФСР Д.Е. Сулимов, его заместитель Д.З. Лебедь, нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов, полномочный представитель ОГПУ по УССР и председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий.[31]

Именно они, а также и остальные, почетные вроде Н.К. Крупской и Г.М. Кржижановского, либо номинальные члены ЦК и 68 кандидатов в члены ЦК сразу же после закрытия съезда, в тот же день — 10 февраля, собрались на свой первый пленум 17-го созыва для того, чтобы

образовать постоянно действующие, высшие органы партии. Однако и в его ходе новации не появились, ПБ избрали в том же составе, который сложился еще в декабре 1930 года: Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Сталин плюс кандидаты в члены ПБ — Микоян, Петровский, Постышев, Рудзутак, Чубарь. Лишь секретариат подвергся небольшим изменениям. В него, как и прежде, вошли Сталин и Каганович; новичками же в такой должности стали Жданов и Киров. Из их среды и сложилось неформальное узкое руководство. Его старый состав — Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, — пополнился Ждановым, что и превратило «пятерку» в «шестерку».

Сталин сохранил за собою общее руководство как председательствующий на заседаниях ПБ и секретариата, то есть право утверждать ту или иную повестку дня для них и определять степень готовности выносимых на их рассмотрение проектов решений. Схожие функции, но только применительно к СНК СССР, остались за Молотовым. Ворошилов, как и прежде, возглавлял то самое ведомство, которое со времен гражданской войны рассматривалось всеми как главная гарантия существования и безопасности советской власти — Наркомат по военным и морским делам. Орджоникидзе продолжал лично контролировать важнейшую в условиях индустриализации тяжелую промышленность, включавшую теперь и такие новые для страны отрасли, как авиационная, автомобильная, тракторная.

Двое членов узкого руководства согласно решению ПБ от 10 марта разделили между собой ответственность за народное хозяйство. А.М. Каганович, оставаясь секретарем МК и избранный председателем новой лишь по названию Комиссии партийного контроля, за которой остались те же функции, которыми обладала прежняя ЦКК, получил дополнительно еще и должность заведующего транспортным отделом ЦК — стал куратором Наркомата путей сообщения и Главного управления дорожного транспорта при СНК СССР при заместителе Жданове, отвечавшем за водный транспорт.

Тому же Жданову, утвержденному поначалу еще и заведующим сельскохозяйственным отделом, вверили заботу обо всем аграрном секторе, то есть наркоматах земледелия, зерновых и животноводческих совхозов, комитете заготовок при СНК СССР. Затем, с 10 апреля, став заведующим другим отделом, планово-финансово-торговым,[32] получил контроль за деятельностью наркоматов финансов, внешней торговли, снабжения, Госбанка СССР.

* * *

Окончательно подотчетность отделов установили только 4 июня 1934 года, постановлением ПБ «О распределении обязанностей между секретарями ЦК». В соответствии с ним отдел культуры и пропаганды, особый сектор — канцелярия ПБ, возглавляемая А.Н. Поскребышевым, а также собственно ПБ оказались в ведении Сталина. За работу промышленного и транспортного отделов, КПК, ВЛКСМ и, вместе с тем, оргбюро ЦК стал отвечать Каганович, Жданов же должен был «наблюдать за работой» сельскохозяйственного, планово-финансово-торгового отдела, ОРПО, управления делами и секретариата ЦК.[33]

Однако значение данного документа отнюдь не ограничивалось заурядной проблемой установления обычной четкой субординации в партийном аппарате, не оказалось ограниченным решением всего лишь чисто административных задач. В действительности, постановление установило двойной контроль за деятельностью всех без исключения наркоматов и ведомств, региональных структур. И сделало это самым простым способом — концентрацией вопросов подбора и расстановки кадров только в соответствующих отделах ЦК.

Ставшее несомненным усиление власти, сконцентрированной в руках сталинской группы, невозможно объяснить властолюбием Сталина. Несомненно, за этим стояло совершенно иное. Прежде всего, жесткая необходимость именно такого шага в условиях реальной военной

опасности, угрозы весьма близкого по времени нападения на СССР одновременно с Запада и Востока. А кроме того, сталинская группа неожиданно оказалась перед весьма сложной дилеммой. От нее требовалось, и притом незамедлительно, во всеуслышание подтвердить одно из двух. Либо верность идеям мировой революции, но в таком случае предстать перед западными демократиями двуличными политиканами, доверять которым ни в коем случае нельзя. Либо столь же открыто отречься от вчерашних принципов, окончательно отказавшись от тех идей, который продолжали исповедовать Троцкий и его сторонники.

Часть 3

Подготовка страны к радикальной смене курса

За год перед тем в Австрии, так и не оправившейся от экономического кризиса, произошел государственный переворот. Канцлер Энгельберт Дольфус, лидер правящей христианско-социальной партии, в марте 1933 года распустил парламент, в апреле запретил Шуцбунд (Союз обороны) — военизированную социал-демократическую организацию, а в мае — компартию. В августе объявил о создании по сути реваншистского, антиверсальского по целям блока с Венгрией под эгидой фашистской Италии, а в начале 1934 года подготовил проект новой конституции, которая должна была превратить Австрию в авторитарное государство, корпоративные основы которого исключали существование каких-либо политических партий.

В ответ компартия 11 февраля призвала страну к всеобщей забастовке, а рабочих — к оружию. Вице-канцлер поспешил использовать это воззвание как неоспоримое подтверждение существования «марксистско-большевистского заговора» и ввел осадное положение, рабочие же, — и шуцбундовцы, и коммунисты, — начали возводить баррикады на улицах Вены, Линца, Брука и Граца. Однако их силы оказались слишком слабыми, чтобы оказать сопротивление армии, полиции, жандармерии, и вдобавок отрядам Хеймвера (Союза защиты родины) — военизированной христианско-социальной организации. Бои, унесшие жизни тысячи двухсот человек, продолжались всего четыре дня и закончились поражением повстанцев. Около одиннадцати тысяч их было арестовано, руководители боевых дружин К. Мюнихрайтер, Г. Вейсель, К. Валиш и некоторые другие казнены. Лидер австрийской социал-демократии и один из руководителей Социнтерна Отто Бауэр и командующий Шуцбундом Юлиус Дейч вынуждены были эмигрировать. Несколько сот шуцбундовцев с боями сумели пробиться в Чехословакию, где их интернировали.

Казалось, прямой долг большевиков требовать от ЦК ВКП(б), исполкома Коминтерна незамедлительно выступить в поддержку братьев по классу, первыми в Европе после 1923 года сделавшими попытку начать пролетарскую революцию. Однако никаких обращений, заявлений, воззваний, даже слов простой моральной поддержки так и не появилось. В СССР все ограничилось лишь публикацией никак не отражавших позицию советского руководства телеграмм ТАСС с обязательной ссылкой на телеграфные агентства Чехословакии, Швейцарии, даже Германии о развитии событий в Австрии. Правда, эти публикации размещались на первых полосах газет, да еще под подчеркнуто антифашистскими по смыслу «шапками» — «Бои между рабочими и фашистами в Австрии», «Вооруженная борьба австрийских рабочих против фашизма», «Рабочие Австрии героически продолжают вооруженную борьбу против фашизма», «Рабочие кварталы Вены в огне и крови».[34]

Общим для всех без исключения материалов, опубликованных советской прессой в связи с боями в австрийских городах, стало сознательное, преднамеренное акцентирование внимания читателей на том, что выступление рабочих организовал Шуцбунд, а поражение было вызвано предательством вождей социал-демократии. Участие и роль коммунистов в боях сознательно замалчивалось.

Столь осторожно пройдя между Сциллой и Харибдой большой политики, узкое руководство СССР смогло вернуться к решению самой важной для себя задачи — подготовки партии и страны к радикальной смене курса. Но для того попыталось укрепить все еще весьма

непрочное единство в ВКП(б), консолидировав наиболее активных членов ее. Постаралось сделать безусловными союзниками тех, кто в глубине души оставался сторонником давних лидеров: Троцкого, Зиновьева, Бухарина. Выразились же действия по единению в традиционных, вполне приемлемых для обеих сторон кадровых решениях. Назначениях подвергшихся ранее опале на такие посты, которые если и не возвращали во власть, то, безусловно, приближали к ней.

* * *

Начались такие назначения в самом конце 1933 года, дабы видные оппозиционеры смогли выступить с покаянно-панегирическими речами на XVII съезде партии. Левые — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.А Преображенский, К.Б. Радек; правые — Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, признали окончательную правоту Сталина, верность предложенному генеральному курсу.[35]

Поздней осенью 1933 года возвратили в Москву из второй ссылки Зиновьева и Каменева. В декабре их восстановили в партии и одновременно предоставили ответственную работу. Зиновьева утвердили членом редколлегии теоретического органа партии журнала «Большевик», а Каменева — директором книжного издательства «Academia» и по совместительству еще директором Института мировой литературы и только что созданного Литературного института.[36]

Еще раньше, в середине 1933 года, подыскали вполне приемлемую должность и для одного из самых активных сторонников Троцкого, Радека, который после восстановления в рядах ВКП(б) в 1930 году прозябал в редакции газеты «Известия». Его назначили заведующим созданного специально под него Бюро международной информации (БМИ). А 19 мая 1934 года, отнюдь не по забывчивости, ПБ вторично приняло решение о БМИ. Подтвердило поставленную перед ним задачу — подготовку регулярных оперативных сводок о политической ситуации в странах Европы, Азии и Америки — и повысило статус: теперь БМИ действовало при ЦК.[37]

Столь же радикально изменило узкое руководство и судьбу Бухарина, вынужденного с конца 1929 года довольствоваться чуждой его знаниям и интересам работой в ВСНХ — НКТП. Решением ПБ от 20 февраля 1934 года по предложению Сталина его назначили ответственным редактором второй по значимости в стране газеты — «Известий».[38] А вскоре, 18 марта, последовало решение и по Н.А. Угланову, еще одному из лидеров правого уклона. Ранее его не только исключили из партии по делу Рютина и его организации, но и выслали из столицы: сначала в Астрахань, а затем и в Тобольск. Но прощение Угланова было, в отличие от Бухарина, далеко не полным. Его только восстановили «в рядах ВКП(б) — отменив перерыв пребывания вне партий с 9.X.32 по 10 111.34», и потому предложили «Обь-Иртышскому обкому ВКП(б) выдать т. Угланову партбилет».[39]

В еще более сложном положении оказался Х.Г. Раковский, в прошлом весьма активный и убежденный троцкист, возглавлявший правительство УССР в 1919–1923 годах, а затем находившийся в почетной ссылке полпредом СССР в Великобритании и Франции. Из Новосибирской области, где он пребывал в уже настоящей ссылке, он 5 марта (весьма возможно, узнав о переменах в положении Зиновьева, Каменева и Бухарина) направил в ПБ просьбу о восстановлении и его в партии. Поначалу, 13 марта, узкое руководство отклонило ее, но изменило свое решение, получив 17 марта еще одно письмо Раковского следующего содержания: «ЦК ВКП(б) заверяю, что полностью и целиком разделяю генеральную линию партии, категорически исключаю всякую мысль оставить за собой какие-либо лазейки и бесповоротно порываю с контрреволюционным троцкизмом. Если мне разрешили бы выехать в Москву, я придал бы моему заявлению ту форму и содержание, которое бы целиком

удовлетворило ПБ ЦК ВКП(б)». Такое послание тут же получило одобрительную резолюцию Сталина: «По-моему, можно разрешить Раковскому приезд в Москву».[40]

18 апреля в «Правде» на второй и третьей полосах полуторным подвалом было опубликовано «Заявление Х. Раковского в Центральный комитет ВКП(б)». В ней же содержалось все, что необходимо было узкому руководству. «Под влиянием международных событий, — писал Раковский, — в моем сознании созрела мысль о том, что я должен снова и внимательно проверить основание моих разногласий с партией и, осознав свои ошибки, добиться возвращения в ряды борцов за осуществление задач, возложенных историей на партию большевиков-коммунистов. В течение почти семи лет я боролся с генеральной линией, боролся страстно, самообольщаясь тем, что мои взгляды правильны. Теперь мое заблуждение для меня ясно». 22 апреля ПБ предложило КПК рассмотреть вопрос о партийной принадлежности Х.В. Раковского.[41] Несколько позже Раковского назначили начальником управления учебных заведений Наркомздрава РСФСР.

Почти одновременно такие же метаморфозы произошли и с еще одним известным троцкистом, Д.С. Сосновским, довольно популярным после революции журналистом, исключенным, как и многие сторонники Троцкого, из партии в декабре 1927 года. 27 февраля 1934 года «Правда» опубликовала и его открытое заявление «Письмо Сосновского Д. в Центральный комитет ВКП(б)», а вскоре Сосновского трудоустроили, причем по специальности, в редакцию «Известий».

* * *

Партийная амнистия, в свою очередь, породила негласную кампанию, направленную против возникавшего в пропаганде культа Сталина. Резонно опасаясь, что в новых условиях чрезмерное усердие партийных чиновников, как и все бюрократы весьма склонных к лести и подхалимажу, окажет ему медвежью услугу, Сталин предпринял решительные меры. 10 апреля 1934 года по его предложению ПБ объявило «выговор редакциям «Правды» и «Известий» за то, что без ведома и согласия ЦК и т. Сталина объявили десятилетний юбилей книги т. Сталина «Основы ленинизма» и поставили тем самым ЦК и т. Сталина в неловкое положение».

4 мая ПБ приняло еще одно, тождественное по смыслу предыдущему, решение: «Принять предложение т. Сталина об отмене решения Заккрайкома о постройке в Тифлисе Института Сталина. Реорганизовать строящийся в Тифлисе Институт Сталина в филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина».

Наконец, в конце года было принято еще одно решение ПБ: «Утвердить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря, в день пятидесятипятилетия его рождения, никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или на собраниях не было допущено».[42]

Наряду с борьбой против насаждавшегося бюрократией культа личности Сталина, узкое руководство старалось предупредить реакцию на готовившиеся перемены со стороны четвертого уровня власти. Прежде всего, его ядра — первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, непосредственно подчиненных ЦК ВКП(б). Но сталинская группа, даже если бы и захотела, никак не могла пойти на официальное ограничение их прав, ибо такой шаг означал бы открытое умаление роли партии в целом. Потому-то для превентивной борьбы с этой частью бюрократии, о которой Сталин столь непочтительно отозвался на съезде, были использованы единственно возможные бюрократические же меры: резкое увеличение численности первых секретарей, что автоматически вело к понижению их реальных прав, значимости в широком руководстве.

Частичное разукрупнение административных краев, областей и районов, поначалу порожденное необходимостью более эффективного управления народным хозяйством, началось уже в 1930 году. Тогда крупнейший в стране край — Сибирский, простиравшийся от

Урала до Забайкалья, от Таймыра до границ с Тувой и Монголией, пришлось разделить на два, — Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. По тем же причинам в феврале 1932 года на Украине было образовано семь областей — Харьковская, Киевская, Донецкая, Днепропетровская, Одесская, Винницкая, Черниговская, а в марте шесть в Казахстане — Алма-Атинская, Южно-Казахстанская, Карагандинская, Актюбинская, Западно-Казахстанская и Восточно-Казахстанская. Эти тринадцать областей получили более низкий, нежели российские, партийный статус, их поставили в прямое подчинение не только ВЦИКу и крайисполкому Казахской АССР, но и ЦК компартии Украины и Казахстанского крайкома.

25 ноября 1933 года огромный Северо-Кавказский край, образованный в 1924 году, площадь которого составляла почти 300 тысяч кв. км, а население — свыше 8 миллионов человек, разделили на два: Азово-Черноморский, включивший прежние Донскую и Кубанскую области, и Северо-Кавказский, вобравший бывшие Ставропольскую и Терскую области, Дагестанскую АССР и ряд автономных областей.

10 января 1934 года Нижне-Волжский край разделили на Саратовский и Сталинградский; 17 января Уральскую область — на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую, вскоре переименованную в Тобольскую; 3 марта из Восточно-Сибирского края выделили Читинскую область; 13 июня Центральную черноземную область разделили на Воронежскую и Курскую; 3 ноября Средне-Волжский край преобразовали в Самарскую и Оренбургскую области; 5 декабря Горьковский край разделили на Горьковскую и Кировскую области, из Западно-Сибирского края выделили Омскую область и из Восточно-Сибирской — Красноярскую. Кроме того, 20 октября решением ПБ упразднили Средне-Азиатское бюро ЦК,[43] предоставив компартиям Узбекистана, Туркмении, Таджикистана и партийной организации Киргизии самостоятельность. Подчинили их три центральных комитета и обком напрямую Москве.

Таким образом, всего за год число подотчетных ЦК ВКП(б) региональных парторганизаций возросло с двадцати двух до тридцати пяти. Вместе с тем, качественно изменился и прежний состав широкого руководства. Ведь только двое из первых секретарей новых крайкомов и обкомов являлись членами ЦК: Саратовского — А.И. Криницкий, по своей прежней должности начальника политуправления Наркомзема СССР, и Челябинского — К.В. Рындин, занимавший ранее пост секретаря МК. Еще двое входили в состав КПК: П.Д. Акулинушкин, переведенный первым секретарем Красноярского обкома из КПК, где он работал уполномоченным по Одесской области, и Д.А. Булатов, не справившийся с должностью заведующего ОРПО ЦК ВКП(б), был направлен возглавлять Омский обком.

Остальные новые первые секретари ранее не занимали столь высокого положения: Северо-Кавказского крайкома — Е.Г. Евдокимов, перед тем полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю; Кировского обкома — А.Я. Столяр, перед тем второй секретарь Горьковского крайкома; Оренбургского — А.Ф. Горкин, занимавший должность второго секретаря Средне-Волжского крайкома; Курского — И.У. Иванов; Читинского — Голюдов. Им еще только предстояло заслужить беспорочной службой право быть избранными на следующем съезде членами или кандидатами в члены ЦК.

* * *

Разукрупнение некоторым образом повлияло и на положение одного из членов узкого руководства, А.А. Жданова. Возглавлявшего четыре года Средне-Азиатское бюро К.Я. Баумана отозвали в Москву, а 11 декабря решением ПБ утвердили в должности заведующего планово-финансово-торгового отдела ЦК.[44] Назначение Баумана окончательно освободило Жданова от вынужденной повседневной рутинной работы в аппарате ЦК и позволило полностью посвятить себя решению важной задачи, призванной оказать самое серьезное воздействие на идейное воспитание молодого поколения. Прежде всего, ему следовало реформировать

школьное образование, избавив его от «классового подхода», привнесенного в революционную эпоху, и одновременно пересмотреть существующие взгляды и оценки исторической школы М.Н. Покровского с ее, как вскоре стали говорить, «вульгарным социологизмом» и «экономическим материализмом».

Еще 20 марта 1934 года ПБ в своем заседании утвердило программное предложение. «Считать необходимым, — указывалось в нем, — создание к июлю 1935 года следующих учебников: 1. История древнего мира, 2. История средних веков, 3. Новая история, 4. История СССР, 5. Новая история зависимых и колониальных народов. Поручить комиссии в составе тт. Бубнова, Жданова и Стецкого подготовить список возможных их авторов». Кроме того, решение ПБ потребовало незамедлительно разработать «проект предложений о структуре низшей и средней школы». Наконец, столь же неотложным признало оно и представление теми же лицами «проекта предложений по восстановлению исторических факультетов в составе университетов».[45] Тех самых, которые были упразднены еще в 1919 году и заменены факультетами общественных наук с четырехлетним курсом обучения.

Так обозначилось второе, после внешнеполитического, направление кардинальных преобразований, призванных сделать максимум возможного для искоренения из образования того, что пока еще считалось одним из завоеваний революции, достижений советской власти — обязательного классового подхода.

Выполнить вторую и третью части решения ПБ от 20 марта оказалось несложно, ибо для того требовались всего лишь административные меры. Уже через неделю ПБ смогло утвердить первую авторскую группу — для создания школьного учебника истории СССР. В нее вошли Н.Н. Ванаг — руководитель коллектива; Б.Д. Греков — член-корреспондент АН СССР, получивший известность своими работами по истории России эпохи феодализма; А.М. Панкратова, читавшая курс истории рабочего класса России в Академии коммунистического воспитания им. Крупской и Коммунистическом университете им. Свердлова; С.А. Пионтковский, занимавшийся историей Октябрьской революции и гражданской войны, профессор Московского университета и Коммунистического университета. В тот же день, 29 марта, еще одним решением ПБ «признало необходимым восстановить с 1 сентября 1934 года исторические факультеты в Московском и Ленинградском университете, а затем в Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском».[46]

Несколько больше времени, что вполне естественно, потребовалось для реформирования системы школьного образования — только 15 мая 1935 года ПБ утвердило его новую структуру. Систему школьного образования подвергли не очень значительным изменениям: увеличили общий срок обучения с девяти до десяти лет; нулевую группу для восьмилетних детей заменили подготовительным классом для семилетних; четырехклассную «школу первой ступени» просто переименовали в начальную; «вторую ступень», прежде складывавшуюся из трехклассного «1-го концентра» и двухклассного «2-го концентра» преобразовали в неполную и полную среднюю школу соответственно с семью и десятью годами обучения. Кроме того, в школьную программу как обязательные предметы ввели историю и географию, ранее отсутствовавшие.[47]

Исполнение же первой части решения сразу же натолкнулось на непреодолимые трудности, порожденные тем, что авторский коллектив не сразу получил необходимые конкретные указания о сути задания, о том, каким должен стать новый школьный учебник. Поэтому вскоре потребовалось личное вмешательство Сталина, вынужденного при этом заняться проблемой отнюдь не исторической или педагогической, а сугубо политической. Как раз в это время Сталин раскритиковал позицию редакции журнала «Большевик» в связи с двадцатилетием начала Первой мировой войны. Поводом же послужи- до предложение директора Института Маркса-Энгельса-Ленина В.В. Адоратского опубликовать в № 13–14 теоретического органа партии ранее не переводившуюся на русский язык статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», написанную в 1890 году.

Получив, как и все остальные члены ПБ, эту работу для казавшейся поначалу чисто формальной визы одобрения, Сталин буквально на следующий день направил остальным девяти читателям из ПБ, что бывало крайне редко, резко отрицательный письменный отзыв. Не смущаясь, что критикует не кого-либо, а признанного классика марксизма, он обрушил свой гнев не столько на Адоратского или редакцию «Большевика», сколько на возмутившее его содержание статьи. Главные ее недостатки Сталин увидел в объяснении Энгельсом причин мировой войны, к которой, по мнению автора, уже катилась Европа: из статьи Ф. Энгельса со всей неизбежностью следовало негативное отношение к налаживавшемуся в 90-х годах XIX века франко-русскому союзу, лишение российской внешней политики «всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии».[48] То есть, все то, что можно было рассматривать как весьма актуальную историческую параллель, как слишком явный призыв, хотя и выраженный эзоповым языком, воспротивиться повторению того же альянса. На этот раз — против не имперской, а нацистской Германии.

22 июля Сталину удалось добиться своего. В тот день ПБ признал «нецелесообразным печатание статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» в «Большевике»».[49] Это был первый случай в истории РСДРП — РКП(б) — ВКП(б), когда высший орган партии решился на запрет работы того, кто рассматривался той же партией как один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата.

Но и этого оказалось недостаточно для того, чтобы пресечь становившуюся уже несомненной критику нового внешнеполитического курса узкого руководства. В том же номере «Большевика», для которого поначалу предназначалась статья Энгельса, появилась другая, Зиновьева — «Большевизм и война». В ней, прямо приуроченной к двадцатилетию начала Первой мировой войны, бывший руководитель Коминтерна своеобразно расценил расклад сил в мире начала 1930-х годов: «Коалиция японского империализма с фашистской Германией под руководством и протекторатом английского империализма против СССР». Заодно предрек казавшуюся ему очень близкой победу революций во Франции, которая сразу же «покажет дорогу рабочим Англии, Германии, Австрии и ряда других стран». В том, что все произойдет именно так, он был твердо уверен. Настолько, что фактически предлагал отказаться от подготовки отпора агрессорам, отдав все силы лишь одному — усилению работы национальных секций Коминтерна, то есть европейских компартий, приближая только тем и ликвидацию угрозы войны, и уже якобы близкую победу пролетариата в Европе.

Воспользовавшись тем, что в том же номере «Большевика» были опубликованы и редакционные комментарии Зиновьева к письму Энгельса, Сталин направил членам ПБ, В.В. Адоратскому, а также и редколлегии журнала — В.Г. Кнорину, А.И. Стецкому, Г.Е. Зиновьеву и П.Н Поспелову новое письмо-отзыв. В нем он расценил журнальные комментарии как сознательную фальсификацию взглядов Энгельса о грядущей войне. Десять дней спустя по настоянию Сталина ПБ утвердило текст постановления ЦК «Об ошибках редакции «Большевик». В нем в виде преамбулы были чуть ли не дословно повторены основные положения письма Сталина: «Написанные т. Зиновьевым комментарии являются выражением троцкистско-меньшевистской установки». После такого утверждения вполне предсказуемо следовали и суровые оргвыводы: «1. Объявить выговор редакции журнала «Большевик». 2. Вывести т. Зиновьева из состава редакции «Большевик». 3. Снять Кнорина с поста ответственного редактора «Большевик». 4. Утвердить следующий новый состав редакций: тт. Стецкий (редактор), Таль, Кнорин, Поспелов».[50]

Так Зиновьев лишился не только высокой трибуны, позволявшей ему после длительного перерыва напрямую общаться с партией, но и просто работы. А 1 сентября последовало еще одно кадровое назначение. Решением ПБ П.Ф. Юдина, тогда никому еще не известного выпускника Института красной профессуры, утвердили заместителем заведующего Культпропа по науке.[51]Сделали его, тем самым, своеобразным партийным цензором не только публикации новых работ Маркса, Энгельса, Ленина, но и даже ссылок на их труды.

Только разобравшись с проблемой слишком опасных политических последствий различного рода исторических инсинуаций, Сталин уже не в одиночку, а совместно со Ждановым и Кировым написал третье и четвертое — за месяц! — письма-отзывы. На этот раз — по поводу конспектов школьных учебников по истории СССР и новой истории. Эти отзывы предлагали авторскому коллективу по-новому взглянуть на прошлое, отрешившись от прежних, ставших шаблонными, представлений, осознать всю сложность и противоречивость исторического процесса, излагавшегося последователями скончавшегося два года назад М.Н. Покровского предельно упрощенно, схематично.

«Нам нужен, — отмечалось в первом отзыве, — такой учебник истории СССР, чтобы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР… и чтобы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории». Нетрудно заметить, что самым важным здесь стало использование непривычного тогда понятия «народ» вместо непреложного «класс».

Кроме того, в отзывах содержалось требование предельно актуализировать учебники, доведя их содержание до времени окончания работы над ними. Несомненно, для того чтобы показать в них окончательный разрыв власти с полностью отвергнутыми как правыми, так и левыми внутрипартийными течениями. Но последнее требование не означало непременную политизацию школьного образования. Напротив, решение ПБ, принятое за три месяца перед тем, 23 апреля, потребовало прямо обратного: «Предложить наркомпросам союзных республик и ЦК ВЛКСМ немедленно прекратить проработку решений XVII съезда партии и вопросов маркистско-ле- нинской теории в начальной школе… В средней школе не допускать перегрузки детей общественно-политическими занятиями».[52]

* * *

В 1934–1935 годах начал исподволь претворяться в жизнь новый курс сталинской группы. Так, по постановлению Совнаркома УССР от 17 марта 1934 года, которое никак не могло быть принято без санкции узкого руководства СССР, столицу союзной республики перевели в Киев из промышленного, преимущественно русского по населению Харькова, где она пребывала с 1919 года. Все центральные учреждения, включая, прежде всего, ЦК КП(б) Украины, ВЦИК и СНК, уже в конце июня прочно обосновались в древнем русском городе, являвшемся в далеком прошлом центром Киевской Руси и русской православной церкви.

В те же летние дни, 13 июня 1934 года, ПБ приняло решение и о другом переезде: Академии наук, с момента создания находившейся в столице Российской империи. Академию наук СССР перевели в Москву, в новую и, вместе с тем, старую столицу.

19 июня 1934 года Наркомат по военным и морским делам получил новое название — Наркомат обороны (НКО). Одновременно упразднялся Революционный военный совет (РВС, Реввоенсовет) СССР, юридически — высший военно-политический орган управления вооруженными силами страны. Реорганизация являлась важной и своевременной, ибо ликвидировала порочное, недопустимое в принципе для армии и флота двоевластие. Она способствовала и окончательному забвению первого председателя Реввоенсовета Троцкого, а также оказавшихся бесплодными надежд, нашедших в 1920 году выражение в лапидарных, но понятных призывах: «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» — надежд на близкую победу мировой революции.

В это же время прошла и другая реорганизация, начатая еще в марте — одиозное ОГПУ упразднили, создав Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Очень важным стало постановление ЦИК СССР от 14 апреля 1934 года о введении нового высшего почетного звания — Героя Советского Союза. Это постановление открывало эпоху героизации, возвеличивания подвигов. Потому-то первыми Героями Советского Союза стали

полярные летчики: М.В. Водопьянов, И.М. Доронин, Н.П. Каманин, С.А. Леваневский, А.В. Ляпидевский, В.С. Молоков, М.Т. Слепнев, спасшие во льдах Чукотского моря участников арктической экспедиции и экипаж ледокольного парохода «Челюскин».

Часть 4

Отказ от идеи мировой революции

Тем временем советская дипломатия продолжала делать все возможное, дабы ускорить создание оборонительного Восточного пакта. Добивалась того, несмотря на негативные события в Европе. «Начальник государства» и «первый маршал» в первые годы независимости Польши, а теперь по должности всего лишь военный министр, но, как и прежде, — высший авторитет в стране, Юзеф Пилсудский всегда стремился проводить политику «качелей», попеременного сближения то с Берлином, то с Москвой. После подписания 25 июля 1932 года трехлетнего договора с Советским Союзом о ненападении Пилсудский счел своевременным и необходимым подписать 26 января 1934 года аналогичное в принципе соглашение, но уже сроком на десять лет, с Германией. Это соглашение предусматривало отказ двух стран от пересмотра границ и применения силы для разрешения территориальных споров, — прежде всего, наиболее острого из них, по проблеме Польского (Данцигского) коридора.

Предоставляя некоторые и, как оказалось, чисто иллюзорные гарантии Польше, это соглашение нанесло ощутимый удар по той системе коллективной безопасности, создания которой добивались Франция и СССР. Посетивший в феврале Москву министр иностранных дел Польши Юзеф Бек прямо заявил Литвинову, что «он не видит в настоящее время опасности со стороны Берлина или вообще опасности войны в Европе». В записи беседы, предназначенной узкому руководству, Литвинову пришлось констатировать: «Налицо, несомненно, серьезный поворот в ориентации политики Польши. Вряд ли Польша могла бы брезговать нашим сотрудничеством и в то же время отдаляться от Франции, не получив откуда-либо новых гарантий или обещания гарантий».[53] Не смог изменить позицию Пилсудского и Бека и визит в Варшаву в апреле 1934 года министра иностранных дел Франции Луи Барту.

Вскоре не менее тревожные сообщения стали поступать из Прибалтики. 12 марта премьер-министр Эстонии Карл Пяте совместно с героем войны за освобождение, ставшим военным министром Иоганном Лайдонером совершил государственный переворот. Для начала просто узурпировал всю власть в стране, а несколько позже «оформил» диктатуру роспуском государственного собрания (парламента), запретом деятельности всех партий кроме созданного для поддержки своего авторитарного режима Изамаалита (Отечественного союза).

Три месяца спустя схожий переворот произошел и в Латвии. Там 15 мая премьер-министр Карл Ульманис, опираясь на армию и ее главнокомандующего Балодиса, установил личную диктатуру, вскоре ликвидировав все демократические свободы. Он распустил сейм и политические партии.

Явно прогерманские настроения как Пятса, так и Ульманиса заставили Москву серьезно усомниться в возможности присоединения Эстонии и Латвии к Восточному пакту.

М.М Литвинов блестяще воспользовался кризисной ситуацией и поспешил избавиться от своих давних противников в НКИДе, не скрывавших свои прогерманские настроения. Опираясь на решение ПБ от 15 августа 1933 года, предусматривавшее ликвидацию в наркоматах коллегий,[54] он сумел добиться 10 мая 1934 года освобождения от должностей двух своих заместителей, Г.Я. Сокольникова и А.М. Карахана, курировавших соответственно дальневосточные и ближневосточные страны,[55] и временно смирился с сохранением на посту заместителя только Н.Н. Крестинского. Сокольникова вскоре утвердили заместителем наркома лесной промышленности СССР, а Карахана отправили полпредом в Турцию.

Тогда же Литвинов сумел завершить и очень важную для него и политики узкого руководства смену полпредов в ключевых для создания Восточного блока европейских столицах. В Берлин вместо А.М. Хинчука, назначенного наркомом внутренней торговли РСФСР,

направили Я.З. Сурица; в Варшаву вместо ставшего прокурором РСФСР В.А. Антонова-Овсеенко — Я.Х. Давтяна. В апреле 1934 года в Прагу направили С.С. Александровского,[56] до того советника полпредства в Берлине. А после того, как в июле после тяжелой и продолжительной болезни скончался В.Г. Довгалевский — блестящий советский дипломат, немало сделавший для франко-советского сближения, — полпредом в Париже утвердили В.П. Потемкина, перед тем занимавшего тот же пост, но в Риме.

Кадровые перемещения, проведенные по инициативе Литвинова, явно подтверждали то доверие, которое узкое руководство выражало и ему лично, и тому, как именно он проводил в жизнь новый внешнеполитический курс. Вместе с тем, твердые действия наркома способствовали и укреплению позиций Москвы на международной арене. Далеко не случайно именно тогда решительно поменялось отношение Малой Антанты к идее Восточного пакта.

2 июня 1934 года Постоянный совет Малой Антанты признал, что «политические и дипломатические условия позволяют… возобновить дипломатические отношения с СССР»,[57] а уже 9 июня они были установлены Румынией и повышены в ранге Чехословакией. Правда, здесь нельзя не отметить и ту положительную роль, которую сыграли Луи Барту и Эдуард Бенеш. Их настойчивость, несомненно, повлияла на позицию, занимаемую министром иностранных дел Румынии Николае Титулеску, требовавшего ранее, чтобы СССР отказался от каких либо претензий на Бессарабию.

Изменившаяся позиция Малой Антанты позволила Луи Барту сделать решающий шаг в выполнении достигнутых в конце минувшего года договоренностей с Кремлем. 18 сентября по официальному предложению Франции тридцать государств — членов Лиги Наций — обратились к СССР с приглашением вступить в эту международную организацию. Советское правительство приняло предложение, и ассамблея Лиги Наций не только проголосовала за принятие СССР, но и за включение его представителя как постоянного члена в Совет Лиги.

* * *

И чуть ли не сразу же советскому руководству пришлось на деле доказывать незыблемость своего нового курса, верность взятым на себя обязательствам, вновь и вновь демонстрировать бесповоротный отказ от былой приверженности идее мировой революции, столь пугавшей страны Запада.

3 октября в очередное правительство Испании, формировавшееся Лерусом, должны были войти три представителя реакционной клерикально-монархической Испанской конфедерации автономных правых. В ответ коммунистическая партия призвала трудящихся страны к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию.[58] Но призыв этот не был поддержан. Лишь в нескольких городах Испании в течение двух-трех дней проходили забастовки и манифестации. Только в северо-западной провинции, Астурии, выступления приняли иной характер. В Овьедо, ее центре, представители социалистов, коммунистов и анархо-синдикалистов образовали революционный комитет, который в считанные часы сумел сформировать пятидесятитысячную армию, главным образом из шахтеров. Две недели плохо вооруженные, не обладавшие необходимой подготовкой повстанцы сдерживали натиск батальонов иностранного легиона и иррегулярных марокканских частей, но 20 октября, потеряв свыше тысячи убитыми и две тысячи ранеными, вынуждены были капитулировать.

Реакция ЦК ВКП(б) и исполкома Коминтерна на второе за год выступление в Европе пролетариата с оружием в руках оказалась подчеркнуто отстраненной. Ни денежных средств, ни оружия, ни профессиональных революционеров в Испанию не отправили. Вместо всего этого — обширная, но лишь в первые четыре дня, газетная информация. Сообщения собственных корреспондентов «Правды» и «Известий» в Париже и Лондоне, но с непременной ссылкой на зарубежные телеграфные агентства. Под вызывавшими прилив оптимизма и

энтузиазма «шапками»: «Всеобщая забастовка, охватила всю Испанию. Бои на улицах Мадрида»; «Революционные выступления в Испании. Астурия в руках рабочих»; «Революционная борьба в Испании. Каталония отделилась от Испании. Власть в Астурии в руках рабочих».[59]

Зато именно в те самые дни был предан гласности новый курс Коминтерна, решительно порывавшего со своим одиозным прошлым «экспортера революций». Сначала парижская «Юманите», а затем и московская «Правда» опубликовали обращение ИККИ «К Социалистическому интернационалу. К рабочим и работницам всех стран». Обращение к своим заклятым врагам «с предложением немедленных совместных выступлений как для оказания поддержки борющемуся испанскому пролетариату, так и для борьбы против поддержки правительства Леруса правительствами других капиталистических стран».[60] Это была уже совершенно иная, нежели проводившаяся пятнадцать лет подряд, стратегия. События в Испании использовались как предлог для закрепления того, что стало исподволь осуществляться на практике советским руководством.

Почти одновременно, 18 октября 1934 года, Китайская советская республика, этот реальный второй очаг всемирной революции, самоликвидировалась. И сделала это под жесточайшим давлением Москвы — ведь продолжая борьбу с армиями национального правительства Чан Кайши, китайские коммунисты фактически способствовали закреплению Японии в Маньчжурии и во Внутренней Монголии, что было очень опасно для СССР. Потому-то советская пропаганда, но опять же с помощью лишь газетной информации, да еще много недель спустя, уведомила всего лишь об очередном «освободительном походе» китайской Красной армии под руководством Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, вскоре прославленном как героический «Великий северный».

* * *

Четко однозначная, уже не вызывавшая сомнений позиция, занятая Кремлем летом-осенью 1934 года, облегчила и ускорила продвижение к Восточному пакту. Литвинов, находившийся в Женеве, сумел достичь полного взаимопонимания с Пьером Лавалем — новым французским министром иностранных дел, сменявшим на этом посту Луи Барту, убитого вместе с югославским королем Александром 9 октября в Марселе хорватскими сепаратистами. 22 ноября Литвинов шифротелеграммой сообщил Сталину, что поначалу блок включит три страны: Францию, Чехословакию и СССР. 25 ноября советское руководство одобрило такой шаг, а потому, после взаимного согласования всех поправок,[61] Литвинов и Лаваль подписали 5 декабря «Протокол между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской республикой по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте».

Он предусматривал: «Оба правительства не согласятся на переговоры, которые имели бы целью заключение ими многосторонних или двусторонних соглашений, могущих нанести ущерб подготовке и заключению Восточного регионального пакта или соглашений, с ним связанных, или заключение соглашений противных духу, которым руководствуются оба правительства… Эти обязательства будут действительны на весь период текущей Дипломатической акции или всяких других последующих акций, которые, исходя из той же общей концепции и из той же цели, могли бы ее заменить. Оба правительства обязуются не отказываться от этих акций иначе как в случае признания, по обоюдному соглашению, бесполезности дальнейшего их продолжения… Оба правительства убеждены, что подобная гарантия преемственности и действенности франко-советского дипломатического сотрудничества будет содействовать успеху текущих международных переговоров и будет в то же время вообще способствовать усилению духа взаимного доверия в отношениях между правительствами обеих стран».

Два дня спустя, также в Женеве, было объявлено о присоединении «к принципам Восточного пакта в той же форме и в том же духе, в котором он был задуман», Чехословакии. Обращаясь к Литвинову, Эдуард Бенеш указывал: «От имени моего правительства я также всецело присоединяюсь к Протоколу, подписанному Вами 5 декабря 1934 г. в Женеве от имени правительства Союза ССР с г. Пьером Лавалем, министром иностранных дел Французской республики. Совершая это присоединение, правительство Чехословацкой республики принимает все в нем обусловленное и обязывающее таким образом взаимно указанным в упомянутом Протоколе способом все три правительства».[62]

Часть 5

Начало борьбы за изменение конституции СССР

Как уже говорилось, в 1934 году предельно четко обозначилась смена внешнеполитического курса СССР. Стало явным, неоспоримым рождение того, что и следует понимать под термином «сталинизм», но без какой-либо негативной оценки. Того, что означало на деле всего лишь решительный отказ от ориентации на мировую революцию, провозглашение защиты национальных интересов СССР как приоритетной задачи.

Смена внешнеполитического курса естественно должна была дополниться изменениями во внутренней политике. В этой связи следует отметить решения Политбюро от 25 июня 1934 года, в которых утверждались даты созыва и повестки дня очередных съездов Советов: XVI Всероссийского и VII Всесоюзного. Предусматривались, среди прочих, доклады «по конституционным вопросам»,[63] при этом была обозначена необычная процедура принятия решений по таким вопросам, нарушившая все существовавшие правила.

Дело в том, что еще 29 мая 1934 года секретарь президиума ЦИК СССР Енукидзе направил в ПБ письмо, написанное на простом листе бумаги, а не на официальном бланке: «Партгруппа ВКП(б) президиума ЦИК Союза ССР наметила созыв VII съезда Советов Союза ССР 15 января 1935 года и приняла следующий порядок дня:…6. Конституционные вопросы… По поручению партгруппы прошу обсудить этот вопрос на одном из заседаний Политбюро». Двумя днями позже появилось еще одно обращение, на этот раз от М.И. Калинина, и секретаря партгруппы президиума ВЦИК Н. Новикова, по содержанию аналогичное предыдущему, с той только разницей, что в нем содержалось уведомление о созыве XVI Всероссийского съезда Советов 5 января 1935 года.

Почти месяц оба документа оставались «без движения», хотя рассмотреть их можно было уже 6 июня, на ближайшем протокольном заседании ПБ, либо раньше или чуть позже, ибо никаких существенных замечаний или разногласий суть обращений пока не должна была вызвать. Однако решение последовало только 25 июня, накануне очередного заседания ПБ. Скорее всего, именно в тот день Сталин и внес в оба документа незначительные поправки. Вычеркнул в них вторые пункты повестки дня, доклады о втором пятилетнем плане, а двум схожим по смыслу шестым пунктам, ставшим пятыми, придал единообразие: «доклад по конституционным вопросам». После этого заведующий особым сектором ЦК А.Н. Поскребышев зафиксировал, что оба решения приняты «без голосования», но в «опросе» почему-то приняли участие лишь два члена ПБ — В.Я. Чубарь и А.А. Андреев.[64] Только они, а отнюдь не Каганович, Молотов, Сталин, кто-либо иной. Как показали дальнейшие события, такое оформление решений не было результатом простой небрежности.

Сегодня невозможно документально ни датировать возникновение замысла конституционной реформы, ни установить ее инициатора. Тем не менее, ряд косвенных данных позволяет реконструировать наиболее вероятный ход событий. Несомненно, слова Сталина в докладе на XVII съезде партии о возможности использовать парламентаризм и буржуазную демократию в интересах СССР оказались далеко не случайными, имели отношение не только к европейским странам. Именно от даты произнесения их, скорее всего, и следует вести отсчет медленно вызревавшей идеи конституционной реформы в СССР. Идеи, которая стала

приобретать конкретные черты в мае 1934 года, но поначалу, возможно, мыслилась довольно скромно — всего лишь как внесение «изменений и дополнений» в основной закон.

Полная идентичность обращений партгрупп президиумов ЦИК СССР и ВЦИК позволяют утверждать, что Енукидзе и Калинин готовили их вместе, тщательно согласуя содержание и последовательность докладов. Весьма возможно, при прямом участии Сталина, а также еще и тех, кому по положению следовало быть в курсе таких вопросов — главы правительства Молотова, второго секретаря ЦК Кагановича. Так как произойти подобная встреча, даже в узком составе, непременно должна была до 29 мая, ее следует отнести к 10 мая. Тому дню, когда Енукидзе и Калинин во второй раз после 10 марта побывали в кремлевском кабинете Сталина.[65]

В пользу именно такой датировки первых шагов по пути конституционной реформы говорит еще один, правда, также косвенный факт. Прервавшиеся в феврале 1934 года в связи с образованием коалиционного кабинета Гастона Думерга переговоры с Кэ д'Орсе возобновились 1 мая. В тот день М.И. Розенберг, замещавший смертельно больного Довгалевского, сообщил в Москву, что сумел добиться от нового министра иностранных дел Луи Барту согласия продолжать активные действия своего предшественника по созданию Восточного пакта.[66]

Ставшая с этого момента коренным образом меняться ситуация и позволила группе Сталина приступить к работе по изменению Конституции. Нельзя исключить, что поначалу предполагалось под каким угодно предлогом изъять из нее первый раздел, «Декларацию об образовании СССР», которая объявляла, следуя генеральной цели Коминтерна и идее мировой пролетарской революции: «Новое Советское государство… является решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».[67]

До сих пор не удается обнаружить какие-либо материалы, разумеется, если они существуют, отражающие ход предварительного обсуждения сути и последовательности пересмотра Конституции. Располагаем мы лишь тремя, но весьма важными документами, проливающими свет на ход подготовки этой реформы. Во-первых, они объясняют, почему же в повестке дня открывшегося не как намечалось 5 января 1935 года, а десятью днями позже XVI съезда Советов РСФСР оказалось только четыре доклада, а пятый, по конституционным вопросам, так и не был произнесен. Раскрывают три документа и не менее значимое: открытое расхождение между секретарем ЦИК СССР Енукидзе и Сталиным по вопросу о коренном изменении избирательной системы.

10 января 1935 года Енукидзе завершил работу над теми предложениями, которые и должны были лечь в основу докладов на всероссийском и всесоюзном съездах Советов. «Основываясь на Ваших указаниях, — писал Енукидзе, адресуясь лично Сталину, — о своевременности перехода к прямым выборам органов советской власти (от райисполкомов до ЦИК СССР), представляю на обсуждение ЦК следующую записку об изменениях порядка выборов органов власти Союза ССР и союзных республик». А далее пространно, на восьми страницах, излагал то, что кратко изложено во втором документе — проекте постановления VII съезда Советов СССР:

«Установленный Конституцией 1918 года и действующий до настоящего времени порядок многостепенных выборов местных исполкомов, ЦИКов союзных и автономных республик и ЦИК СССР был вызван необходимостью подавления сопротивляющихся советской власти буржуазно-помещичьих классов, вооруженной борьбой с ними рабочих и беднейших слоев крестьянства при малочисленности в те годы по сравнению с крестьянством ведущего

революционного класса — пролетариата, распыленностью и отсталостью крестьянских масс и преобладанием в хозяйстве нашей страны капиталистического уклада. В настоящее время социалистический уклад является безраздельно господствующим. Коллективизированное более чем на 75 % крестьянство… превратилось в многомиллионную организованную массу…

Учитывая все эти изменения и в целях дальнейшего непосредственного приближения органов власти к массам трудящихся на основе все более полного осуществления ими советского демократизма на практике, VII съезд Советов Союза ССР постановляет:

I. Признать целесообразным и своевременным переход к выборам районных, областных и краевых исполкомов, ЦИКов союзных и автономных республик и ЦИКа Союза ССР прямым и открытым голосованием избирателей непосредственно на избирательных собраниях, на которых избираются члены городских и сельских советов, с установлением одинаковых норм представительства для городского и сельского населения…»[68]

Здесь заслуживает внимания, прежде всего, начало пояснительной записки. Оно подтверждает ранее высказанное предположение о том, что именно Енукидзе была поручена разработка дополнений и изменений, утверждения которых Сталин хотел добиться, как свидетельствуют факты, уже в январе — феврале 1935 года. Столь же примечательна и формулировка названия проекта постановления — «Об изменениях порядка, выборов органов власти Союза СССР и союзных республик». Все эти дополнения и изменения, несомненно, были предложены Сталиным, и особо следует обратить внимание на положение о равных правах городского и сельского населения, то есть рабочих и крестьян, что юридически означало отказ от диктатуры пролетариата.

Сохранившаяся сталинская правка этого проекта постановления дает основание предположить, что Енукидзе проигнорировал третью бесспорно известную ему составляющую намечаемой избирательной системы. Ведь не случайно Иосиф Виссарионович дважды заменял в проекте слово «открытые» (выборы) на «тайные». Следовательно, уже на первом этапе реформы Сталин стремился полностью отказаться от той советской избирательной системы, которая существовала уже шестнадцать лет.

Не найдя в Енукидзе сторонника своих взглядов и идей, Сталин не отказался от задуманного. Уже 14 января 1935 года он перепоручил подготовку проекта постановления ЦИК СССР и его обоснование Молотову. Когда же удостоверился, что Вячеслав Михайлович выполнил то, что требовалось, воспользовался переносом даты открытия съезда Советов СССР сначала на десять дней, а затем еще на три — в связи со скоропостижной кончиной Куйбышева. 25 января Сталин направил членам и кандидатам в члены ПБ, а также Енукидзе и Жданову письмо, раскрывающее его замысел.

«Рассылая записку Енукидзе, — отмечал Иосиф Виссарионович, — считаю нужным сделать следующие замечания. По-моему, дело с Конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге. Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем только выиграть политически на этом деле… Во-вторых, надо иметь в виду, что Конституция Союза ССР выработана в основном в 1918 году… Понятно, что Конституция, выработанная в таких условиях, не может соответствовать нынешней обстановке и нынешним потребностям… Таким образом, изменения в Конституции надо провести в двух направлениях: а) в направлении улучшения ее избирательной системы; б) в направлении уточнения ее социально-экономической основы. Предлагаю: собрать через день-два после открытия VII съезда Советов пленум ЦК ВКП(б) и принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР.

Поручить одному из членов Политбюро ЦК ВКП(б) (например, т. Молотову) выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированным предложением: а) одобрить

решение ЦК ВКП(б) об изменениях Конституции Союза ССР; б) поручить ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к Конституции с тем, чтобы одна из сессий Союза ССР утвердила исправленный текст Конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы. Сталин».

Из текста письма легко понять, что Сталин вынужден был отказаться ввести новые нормы избирательной системы уже на предстоящем съезде. Но от самой идеи он так и не отказался, просто решил поступить по-иному. Отсюда и столь категорическое, скорее похожее на ультиматум, предложение, содержавшее точно рассчитанную во времени программу действий. Программу, подразумевавшую, что новая избирательная система должна быть все же принята не позднее осени 1936 года.

* * *

В день открытия VII съезда Советов, 28 января 1935 года, с отчетным докладом о работе правительства выступал Молотов. Уже во внешнеполитическом разделе сказал непривычное: «В сложной международной обстановке идет соревнование и, вместе с тем, сотрудничество двух противоположных систем». А далее он развил это положение, опровергавшее главную мысль первого раздела еще действовавшей Конституции.

«Нам приходится, — отметил Молотов, — считаться с тем, что непосредственная опасность войны для СССР усилилась. О войне против Советского Союза давно уже открыто говорят некоторые влиятельные круги Японии. Нельзя забывать и о том, что в Европе теперь есть правящая партия, открыто провозгласившая исторической своей задачей захват территорий в Советском Союзе. Не видеть приближения новой войны — значит не видеть и закрывать глаза на главную опасность… В последний период перед нами по-новому встал вопрос об отношении к Лиге Наций… Поскольку в вопросе об обеспечении мира Лига Наций может играть теперь известную положительную роль, Советский Союз не мог не признать целесообразность сотрудничества с Лигой Наций… Советское правительство не только проявляло инициативу, но и поддерживало шаги других государств, направленные к охране мира и международной безопасности. В связи с этим следует отметить нашу активную поддержку предложения Франции о так называемом Восточном пакте взаимопомощи…»

Но в докладе Молотова принципиально новые положения содержались не только в международном разделе. Закончился этот доклад столь же неожиданным для всех еще более значимым для судеб страны тезисом о необходимости немедленного пересмотра основного закона. «Советская Конституция, — сказал Вячеслав Михайлович, — должна быть подвергнута такой переработке, чтобы в ней были закреплены такие завоевания Октябрьской революции, как создание колхозного строя, ликвидация капиталистических элементов, победа социалистической собственности».[69]

Корректировка Конституции в такой интерпретации выглядела вполне естественной, нормальной, не могла вызвать сомнения и, тем более, неприятия. 30 января, когда VII съезд продолжал свою работу, ПБ приняло нужное Сталину постановление, о котором он просил в своем письме от 25 января: «О Конституции СССР и пленуме ЦК. I. Созвать 1 февраля в 3 часа дня пленум ЦК ВКП(б) и принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР. 2. Поручить одному из членов Политбюро ЦК ВКП(б) выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированным предложением: а) одобрить решение ЦК ВКП(б) об изменениях в Конституции Союза. ССР; б) поручить ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к конституции с тем, чтобы одна из сессий ЦИК Союза ССР утвердила исправленный текст конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы».[70]

Пленум же, собравшийся 1 февраля, вначале так же повторив все, что содержалось в письме Сталина, принял более радикальное решение: «1. Принять предложение т. Сталина об изменениях в Конституции СССР в направлении: а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми; б) уточнения социально-экономической основы Конституции, в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности, как основы советского общества и т. п.). 2. Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Молотова, Калинина, Кагановича и Енукидзе набросать проект постановления VII съезда Советов СССР на основе предложения т. Сталина об изменениях в Конституции СССР. 3. Поручить т. Молотову выступить на съезде Советов и внести проект изменений Конституции СССР от имени ЦК ВКП(б)».[71]

И все же сначала, как и предусматривалось повесткой дня, на съезде слово предоставили Енукидзе — 5 февраля. Он же с подчеркнутой отстраненностью поведал: «VII съезду Советов предстоит рассмотреть… те изменения и поправки, которые в процессе нашей законодательной работы и на основе указанных выше социально-экономических изменений ЦИК Союза ССР уже приняты и действуют. Об этих формальных изменениях и дополнениях мне и поручено доложить VII съезду Советов».[72]

Но уже на следующий день со вторым докладом выступил Молотов, развив, наконец, высказанное им еще 26 января. Вячеслав Михайлович сначала дал оценку соотношения классовых сил в стране, которое, мол, и вынуждает изменить Конституцию, а затем перешел к собственно изменениям, названным им предельно четко: «Демократизация советской избирательной системы».

Именно во втором разделе этого доклада Молотов неожиданно даже для членов ЦК, утверждавших резолюцию, сказал: «Единственное ограничение советская Конституция устанавливает для эксплуататорских элементов и для наиболее враждебных трудящимся прислужников старого строя (бывшие полицейские, жандармы, попы и т. п.)». Потом напомнил, что еще в 1931 году ЦИК СССР установил порядок возвращения избирательных прав лишенным их, благодаря чему число таковых сократилось до 2 миллионов человек или 2,5 процента от численности взрослого населения страны. А завершил мысль более чем многозначительно: «В Советском Союзе открыта дорога к полноправной жизни для всех честных тружеников, и круг лишенцев все более сокращается. Мы идем к полной отмене всех ограничений в выборах в Советы, введенных в свое время в качестве временных мер».

Только затем Молотов обосновал изменение избирательной системы, заметив, что тайные выборы (которые отказался принять Енукидзе) прежде всего «ударят со всей силой по бюрократическим элементам и будут для них полезной встряской». Завершил же доклад словами, прямо повторявшими слова Сталина, сказанные им год назад на партийном съезде — о парламентаризме, который вполне может быть использован в советской системе. «*Мы, — заявил Вячеслав Михайлович, — получаем таким образом дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных Советов с непосредственными же выборами своего рода советских парламентов в республиках и общесоюзного советского парламента*(выделено мной. — Ю. Ж.)».[73]

Все иностранные журналисты, аккредитованные в Москве, оценили второй доклад Молотова как подлинную сенсацию, как обещание крупнейшей для СССР политической реформы. Выделяли такие использованные Молотовым термины, как «общесоюзный парламент», «ответственность перед родиной», «советский патриотизм». Правда, в своих сообщениях подчеркивали и иное — сохранение, несмотря ни на что, однопартийной системы. И все же даже такой подход не менял общей положительной оценки происходившего. Так, корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Барнес отмечал: «По-видимому, компартия

считает, что задача ликвидации антисоветских и оппозиционных элементов выполнена в такой степени, что введение закрытого голосования не может представлять опасности для режима».[74]

VII съезд Советов СССР без каких-либо замечаний или поправок принял постановление, сформулированное Сталиным. Предусмотренную постановлением конституционную комиссию сформировали сразу, 7 февраля, при открытии первой сессии ЦИК Союза ССР седьмого созыва. Включили в нее тридцать одного члена ЦИК, в том числе Сталина и Молотова.

Единственным, чье присутствие в конституционной комиссии поначалу выглядело, по меньшей мере, странным, оказался И.С. Уншлихт, начальник Главного управления гражданского воздушного флота. Но очень скоро все прояснилось: 3 марта Енукидзе освободили от обязанностей секретаря ЦИК СССР, на вакантную должность назначили бывшего генерального прокурора Акулова и в помощь ему еще и Уншлихта, утвержденного в тот же день секретарем Союзного совета ЦИК СССР.

* * *

На февральском Пленуме были произведены важные кадровые перестановки: в ПБ, вместо умершего С.В. Куйбышева и злодейски убитого в Ленинграде С.М. Кирова, были избраны А.И. Микоян и В.Я. Чубарь, причем выбор на них пал из-за отличной работы при отмене карточной системы. В свою очередь, их места кандидатов в члены ПБ заняли А.А. Жданов, что должно было произойти непременно в соответствии с тем положением, которое он занимал в узком руководстве, и Р.И. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома.

Более значимыми оказалась иные кадровые решения, и прежде всего, направление Жданова в Ленинград первым секретарем обкома, что вынуждало его чуть ли не полностью отрешиться от тех обязанностей, которые ранее были возложены на него как на секретаря ЦК. Отъезд же Жданова из Москвы привел к неожиданному возвышению Н.И. Ежова, решением ПБ от 27 февраля введенного в секретариат ЦК. Но только этим функции Николая Ивановича не были ограничены. Его заодно утвердили и председателем КПК вместо Кагановича. Еще одним секретарем в тот же день стал А.А. Андреев, сдавший свои дела наркома путей сообщения все тому же А.М. Кагановичу. Последнего, помимо всего, несколько разгрузили еще и на основном его партийном посту: оставили за ним должность первого секретаря Московского горкома, а руководителем московской областной партийной организаций утвердили Н.С. Хрущева.[75]

Эти оказавшиеся ключевыми кадровые перестановки, в свою очередь, привели к очередному перераспределению обязанностей между секретарями ЦК, проведенному решением ПБ от 9 марта. На Андреева возложили ведение заседаний ОБ, но подготовку повестки дня разделили между ним и Ежовым, что еще накануне являлось функцией всего одного человека, Кагановича. Кроме того, Андреева утвердили заведующим промотделом ЦК (вместо Ежова) и поручили «наблюдение за работой» транспортного отдела, поставив тем до некоторой степени над Кагановичем. Ежову, в дополнении к уже имевшимся у него двум должностям, добавили третью, утвердив заведующим ОРПО вместо Д.А. Булатова, внезапно пониженного, но без предъявления каких-либо претензий по работе, до поста всего лишь заведующего военно-морской группой КПК.[76]

Непосредственным результатом перераспределения обязанностей между секретарями ЦК явилось расслоение высшей власти. Теперь уже само узкое руководство оказалось как бы двухуровневым. На первом остались только трое — Сталин, Молотов и Ворошилов. На втором — Андреев, а также Каганович, Орджоникидзе и Жданов, которые по различным причинам перестали принимать участия в выработке важнейших решений, но сохранили право одобрять либо отклонять их. Но если для Андреева, Кагановича, Орджоникидзе новое положение оказалось, скорее всего, следствием их конкретного вклада в подготовку реформирования

политической системы страны, для Жданова оно было всего лишь временным, связанным с необходимостью именно в данный момент работать вне столицы, отдавая все силы «искоренению» остатков былой зиновьевской оппозиции. Подтверждает такое предположение решение ПБ, принятое 20 апреля и обязывавшее «Жданова из трех десятидневок месяца одну десятидневку проводить в Москве для работы в секретариате ЦК». Видимо, Сталин очень нуждался в его поддержке.

Еще одним следствием перераспределения оказалась и значительная перегруппировка сил внутри второго эшелона власти: его прежняя основа, заведующие отделами ЦК утратили в целом прежние позиции. Из их среды сразу же выделились те, кто в своей повседневной деятельности начали «выходить» непосредственно на Сталина, подчиняться только ему — Стецкий, Яковлев, Бауман и Ежов. Уже просто их новое иерархическоеположение в аппарате ЦК не просто изменило, а резко подняло их статус.

Но особенно заметно преобразилась роль Ежова, который теперь стал заниматься не практическими, как прежде, довольно чуждыми и непонятными ему проблемами, а тем, что он действительно знал, в чем обладал немалым опытом — кадровыми делами. Из других завотделами выделял его не только полученный им пост секретаря, но, что было важнее, соединение в одних руках как контроля при назначении первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, так и функций «великого инквизитора» — председателя КПК, чья роль весьма возросла после того, как по решению ПБ в мае начался обмен партбилетов, сопровождаемый проверкой всех партдокументов. Однако первая же попытка Ежова даже не подчинить, нет, а просто использовать ГУГБ НКВД и его архивы для проверки биографий членов партий была резко пресечена. Несмотря на предварительное условное согласие со стороны Я.С. Агранова помочь в том КПК, последовало решительное и категорическое возражение Сталина.

Пополнил в те дни эту третью по уровню властную группу, включавшую теперь Ежова, Стецкого, Яковлева и Баумана, а также наркома иностранных дел Литвинова, только один человек — А.Я. Вышинский. Сменивший 3 марта на посту прокурора СССР И.А. Акулова, утвержденного, как уже упоминалось, вместо Енукидзе секретарем ЦИК СССР.[77]

Перемены, хотя и незначительные, затронули и широкое руководство. 15 марта с должности первого секретаря Сталинградского крайкома партии был освобожден В.В. Птуха, направленный с заметным, но не объясненным понижением вторым секретарем Дальневосточного крайкома. На его место из Воронежа был переведен И.М. Варейкис, а его на посту первого секретаря Воронежского обкома сменил Е.И. Рябинин, прежде работавший председателем исполкома той же области.[78] А несколько ранее, 29 января, из Московской области выделили Калининскую, парторганизацию которой возглавил М.Е. Михайлов, бывший до того вторым секретарем Московского обкома.[79]

Все эти кадровые перестановки, существенно изменившие расстановку сил на вершине власти, пока еще не начали оказывать влияния на внутреннюю политику. Наипервейшими и наиважнейшими для узкого руководства все еще оставались внешнеполитические вопросы. Стремление как можно скорее превратить хотя и официальные, но всего лишь договоренности с Францией и Чехословакией в реальные, подкрепленные подписанием и ратификацией договоры о создании Восточного пакта. Сделать все возможное для присоединения к нему не только Румынии, стран Прибалтики, но и Великобритании, а если удастся, то и Польши. Словом, все то, что внезапно оказалось под вопросом из-за попыток Франции найти и иное решение, позволившее бы Парижу укрепить отношения с Москвой и Лондоном, не испортив их окончательно с Берлином и Римом.

7 января 1935 года представители Франции и Италии провели в Риме переговоры, предусматривавшие возможность создания иного, нежели Восточный, пакта взаимной безопасности и, в частности, подписали конвенцию о взаимном уважении целостности государств Центральной Европы. Затем французы приступили к интенсивным переговорам с министром иностранных дел Великобритании Джоном Саймоном, надеясь уговорить последнего присоединиться к Восточному пакту. Но единственное, что удалось руководителю внешнеполитического ведомства Франции Пьеру Лавалю, так это добиться включения в текст совместного коммюнике указания на то, что их встреча «имела целью помочь укреплению всеобщего мира путем более тесного европейского сотрудничества» и «противодействовать тем тенденциям, которые могут привести к обострению опасности войны». Но более значимым результатом переговоров оказалось иное, прямо обратное: предложение Германии установить паритет вооружений, а взамен — присоединиться к Восточному пакту.

Именно такая политика уступок и разрешила, наконец, неопределенную для Москвы ситуацию. Восприняв позицию Лондона и Парижа как явную, нескрываемую слабость, Гитлер продолжил свою реваншистскую, антиверсальскую политику. Еще 13 января, за месяц до лондонских переговоров, провел в Саарской области, находившейся под управлением Лиги Наций, плебисцит, позволивший восстановить над этим богатым углем районом полный контроль Берлина. 13 марта объявил, что Германия считает себя свободной от обязательств, запрещавших ей иметь военную авиацию, а три дня спустя подписал закон о введении всеобщей воинской повинности и воссоздании германской армии (вермахта) в составе 12 корпусов и 36 дивизий, бросив тем самым открытый вызов и Лиге Наций, и Франции с Великобританией.

Обеспокоенный столь вопиющий нарушением Версальского договора, коалиционный кабинет Макдональда направил Саймона в Берлин, а вслед за тем — лорда — хранителя печати Антони Идена в Москву, Варшаву и Прагу. В столице СССР Иден имел две беседы, 28 и 29 марта, с Литвиновым, в ходе которых отметил: «Для британского правительства ясно, что без такого (Восточного. — Ю. Ж.) пакта не может быть обеспечена безопасность на востоке Европы, а стало быть, и общеевропейское умиротворение». Однако на прямой вопрос Максима Максимовича, как отнеслось бы британское правительство к заключению Восточного пакта взаимопомощи без Германии, ответил: «Он несколько затрудняется дать на этот вопрос вполне определенный и официальный ответ. Данный вопрос еще не обсуждался британским правительством, это будет сделано после его возвращения в Лондон». 29 марта Идена приняли Сталин и Молотов, и вновь речь шла о позиции Великобритании в отношений Восточного пакта.

«СТАЛИН:…Мы вступили в Лигу Наций вовсе не для игры, но мы понимаем, что сейчас Лига Наций не пользуется сколько-нибудь серьезным авторитетом, даже Парагвай над ней смеется. Лигу Наций надо укреплять, а для этого необходим пакт взаимной помощи.

ИДЕН: Я доложу о нашей беседе своему правительству, и я не сомневаюсь, что оно будет очень довольно, когда узнает о вашей готовности сотрудничать в системе коллективной безопасности в Европе и, может быть, в других местах».[80]

Единственным итогом московских переговоров стало совместное коммюнике, в котором указывалось на заинтересованность обеих стран в укреплении европейской коллективной безопасности, на отсутствие противоречия интересов между обеими странами во всех основных вопросах международной политики, и на взаимопонимание того, что «целостность и преуспеяние каждой из них соответствует интересам другой».[81] После возвращения в Лондон Идеен, однако, так и не смог переубедить других членов кабинета, не желавших, чтобы Великобритания участвовала в каких-либо европейских блоках. Но все же московские переговоры и позиция, занятая лордом-хранителем печати серьезнейшим образом повлияли на точку зрения Парижа.

12 апреля советские газеты опубликовали сообщение ТАСС о достижении между Францией и СССР соглашения по вопросу о конвенции безопасности. Две недели спустя, 2 мая,

в Париже В.П. Потемкин и П. Лаваль подписали столь долгожданный для Кремля советско-французский договор о взаимопомощи. Его первая и вторая статьи зафиксировали то, чего столь настойчиво добивалось более года узкое руководство СССР: «Статья 1. В случае, если СССР или Франция явились бы предметом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и соответственно СССР обязуются приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения постановления статьи 10 статута Лиги Наций. Статья 2. В случае, если… СССР или Франция явились бы, несмотря на искренние мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку».[82] Под «каким-либо европейским государством», здесь, несомненно, подразумевалась нацистская Германия. А 16 мая аналогичный как по смыслу, так и по содержанию договор подписали в Праге С.С. Александровский, полпред СССР в Чехословакии, и Э. Бенеш, чехословацкий министр иностранных дел.[83]

Часть 6

«Кремлевское дело»

Только теперь узкое руководство смогло позволить себе заняться и иными проблемами, первой из которых стало окончательное решение судьбы А.С. Енукидзе. Человека, демонстративно отвергшего новый курс Сталина, но, тем не менее, так и не подавшего в отставку со своего чрезвычайно важного и ответственного поста. В то время — одного из ключевых, ибо в подчинении Енукидзе, помимо аппарата высшего органа власти страны, находилась комендатура Кремля, обеспечивавшая безопасность правительственных учреждений Советского Союза и РСФСР: ЦИКа и ВЦИКа, обоих Совнаркомов, располагавшихся в Кремле. Вместе с тем не кто иной, как Енукидзе, еще и возглавлял ту службу, которая обеспечивала руководство питанием, автотранспортом (кремлевский гараж особого назначения), лечебным и санаторным обслуживанием.

«Дело Енукидзе», оно же — «Кремлевское дело» или, как его сразу же стали называть в НКВД и ЦК — дело «Клубок» началось с уведомления Сталина в начале января 1935 года одним из его ближайших родственников о существовании заговора во главе с Енукидзе и комендантом московского Кремля А.Р. Петерсоном с целью устранения узкого руководства.

Но формальное расследование этого дела началось с иного: с изучения сообщений о клевете на Сталина, прозвучавшей в разговорах уборщиц кремлевских зданий. А.М. Константинова, 23-летняя девушка, незадолго до того перебравшаяся из Подмосковья в столицу: «Товарищ Сталин хорошо ест, а работает мало. За него люди работают, потому он такой и толстый. Имеет себе всякую прислугу и всякие удовольствия». А.Е. Авдеева, 22-летняя девушка из подмосковной деревни: «Сталин убил свою жену. Он не русский, а армянин, очень злой и ни на кого не смотрит хорошим взглядом. А за ним-то все ухаживают. Один двери открывает, другой воды подает». Б.Я. Катынская, 22-летняя девушка: «Вот товарищ Сталин получает денег много, а нас обманывает, говорит, что он получает 200 рублей. Он сам себе хозяин, что хочет, то и делает. Может, он получает несколько тысяч, да разве узнаешь об этом?»[84]

По данным, полученным секретно-политическим отделом (СПО) НКВД, эти разговоры велись незадолго до 7 ноября 1934 года. И практически сразу же о них узнало кремлевское начальство — осведомленными оказались и А.С. Енукидзе, и Р.А. Петерсон, не придавшие этим разговорам никакого значения. НКВД же не захотело пройти мимо того, что квалифицировалось Уголовным кодексом как государственное, контрреволюционное преступление — по статье 68 «пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти», влекущее «лишение свободы на срок не ниже шести месяцев».

20 января начальники СПО — Г.А. Молчанов и оперативного отдела — К.В. Паукер лично провели первые допросы чересчур болтливых кремлевских уборщиц. Разговоры последних были, по сути, проявлением тех настроений, которые оказались характерными для определенной социальной среды малограмотных, не имевших никакой профессии жителей деревни, не захотевших работать в колхозах и ушедших не заработки в Москву.

Поначалу Молчанов и Паукер, а затем Молчанов, заместитель начальника СПО Г.С. Люшков, начальник 2-го отделения СПО М.А. Каган (пожалуй, ключевая фигура следствия по «Кремлевскому делу») и его заместитель С.М. Сидоров преследовали лишь одну цель: стремление установить источник клеветнических слухов. Однако уже 27 января 1935 года следствие вышло на Б.Н. Розенфельда, племянника Каменева, работавшего вне Кремля — инженером московской ТЭЦ, а четырьмя днями позже еще и на А.И. Синелобова, порученца коменданта Кремля. Их арестовали, и вскоре допросы Розенфельда позволили следователям получить показания на его отца, Н.Б. Розенфельда, иллюстратора по договору издательства «ACADEMIA», которое возглавлял по совместительству брат последнего, Л.Б. Каменев; на мать Розенфельда, Н.А. Розенфельд (урожденную княжну Бебутову!), длительное время работавшую в правительственной библиотеке Кремля, а через последнюю — на ее коллег, на тех, кто и дал решающие показания — на Е.К. Муханову и Е.Ю. Раевскую (еще одну урожденную княжну, Урусову).

Показания Синелобова послужили основанием для новых арестов: помощника коменданта Кремля В.Г. Дорошина, начальника спецохраны и помощника Петерсона И.Е. Павлова, коменданта Большого кремлевского дворца Н.П. Лукьянова, начальника административно-хозяйственного управления КК П.Ф. Полякова, и одновременно, его сестры, К.И. Синелобовой, служившей в правительственной библиотеке.

Теперь начальство СПО имело все основания для того чтобы говорить о «Кремлевском деле», — правда, поначалу подследственных удалось уличить только в антисоветских разговорах и в распространении клеветнических слухов. В первых числах февраля удалось установить один из источников этих слухов. Дорошин признал: «Петерсон собрал группу товарищей и заявил, что Аллилуева умерла неестественной смертью».[85]

Другой темой антисоветских разговоров среди сотрудников правительственной библиотеки и комсостава КК (Кремлевской комендатуры) стало более свежее событие, убийство Кирова. Как было установлено признаниями допрашиваемых, бытовавшая в их среде версия резко отличалась от официальной: мол, Сталин в убийстве Кирова обвинил Зиновьева и Каменева из-за политического соперничества, из-за того, что «Ленин ценил Зиновьева и Каменева как своих ближайших соратников» (Дорошин).

Третьей темой явилось обсуждение того, что следователи называли «так называемым завещанием Ленина»: комментирование этих широко распространенных в среде комсостава КК работ Владимира Ильича в троцкистском духе, то есть с акцентированием критики Сталина.[86]

Кроме того, в речах кремлевских служащих звучала и тема о переработке Конституции. Павлов показал, что помощник коменданта Кремля по политической части Кононович в беседе с Дорониным «заявил, что это решение является следствием нажима буржуазных государств на Советский Союз».[87]

Весьма возможно, что «Кремлевское дело» завершилось бы осуждением на небольшие, «не меньше шести месяцев», сроки заключения десятка-другого сознавшихся клеветников. Оно закончилось бы, скорее всего, именно так, если бы однажды не проговорился все тот же Дорошин. 7 февраля 1935 года, отвечая на вопрос следователей Молчанова и Кагана, Дорошин обмолвился: «Секретные данные расшифровывались… Я знал «список 17-ти» (члены Политбюро партии, руководящие партийно-советские работники) в связи с занимаемой должностью, но неправильная система в использовании этого списка привела к тому, что из

секретного он превратился в несекретный. По моим подсчетам этот список расшифрован перед 8-ю ротами красноармейцев-курсантов кремлевского гарнизона».

На следующий день Молчанов и Каган вновь потребовали от Дорошина рассказать, но более подробно, о том, что тот назвал рассекречиванием.

««Список 17-ти», — объяснял Дорошин, — включает в себе всех членов Политбюро, кандидатов и отдельных руководителей партийно-советского аппарата… Этот список ведется дежурным по управлению комендатуры Кремля и дежурным помощником коменданта Кремля. Представляет из себя зашифрованную таблицу под номерами, означающими фамилии… По зашифрованному цифрами списку мы (я имею в виду помощников коменданта Кремля и дежурного по управлению Кремля) отмечаем въезд в Кремль указанных в списке лиц, выезд их из Кремля и место пребывания путем сообщений в дежурную комендатуру по телефону от охраны с постов.

Также по этому списку получает извещение от постов охраны дежурный по управлению Кремля… Список введен по приказанию заместителя коменданта Королева. Хранится он на столе у дежурного по управлению и дежурного коменданта и после суточного дежурства докладывается Королеву».

Эти признательные показания Дорошина вызвали шок у сотрудников НКВД, — ведь речь шла о безопасности высших руководителей государства, которых по халатности или по злому умыслу (пока это было неясно) служащие КК ставили под удар. Вывод из показаний Дорошина был сделан достаточно быстро: уже 14 февраля ПБ по представлению НКВД утвердило решение «Об охране Кремля». Этот документ кардинальным образом изменил всю систему обеспечения безопасности проживавших в Кремле членов руководства страны. Особым пунктом устанавливалась предельно суженная функция КК, становившейся «организацией, ведающей только охраной Кремля». Одновременно и столь же существенно изменялась и прямая подчиненность КК. Ее исключили из ведомства ЦИК и НКО и переподчинили «народному комиссариату внутренних дел по внутренней охране и народному комиссариату обороны по военной охране».

Другие пункты решения были не менее существенными. Они предусматривали незамедлительный вывод из Кремля многочисленных советских учреждений, ежедневно привлекавших не только значительное количестве служащих, но еще и огромный поток различного рода просителей, а заодно и предназначенных для обслуживания советских служащих всевозможных мастерских и столовую. Наконец, последний, десятый пункт решения расширял масштабы этой своеобразной эвакуации: следовало вывести из Кремля также и военную Школу им. ВЦИК, насчитывающую 8 рот, т. е. полторы тысячи, красноармейцев и командиров.[88]

По сути, последний пункт был самым важным, — ведь вывод Школы им. ВЦИК сводил на нет всю дальнейшую роль Петерсона, ибо лишал его того самого гарнизона, которым он и командовал. Но поскольку армейский гарнизон Кремля еще сохранялся на ближайшие несколько месяцев, уже 19 февраля приказом по НКВД для контроля за Школой им. ВЦИК создали особое отделение — орган военной контрразведки на правах отдела НКВД.

Так НКВД сумел нейтрализовать Петерсона, который был назначен на свой пост еще 17 апреля 1920 года, когда Троцкий, председатель Реввоенсовета республики и наркомвоенмор, сумел добиться смещения с должности коменданта Кремля балтийского матроса П.Д. Малькова и настоял на назначении комендантом Петерсона, перед тем начальника бронепоезда и личной охраны Троцкого.

* * *

Тем временем следствие по «Кремлевскому делу» продолжилось и привело к новым результатам. Круг подследственных постоянно ширился, все дальше уходя за стены Кремля. Еще 8 февраля Дорошин в числе тех, с кем он регулярно общался, назвал своего односельчанина — слушателя 4-го курса Военно-химической академии им. Ворошилова Козырева. Тот во время допроса уже на следующий день назвал не только однокурсников, но и общего для них знакомого М.К. Чернявского — начальника 12 отделения разведывательного управления штаба РККА.[89] Козырев и Чернявский признали, что в своих разговорах высказывали сожаление о том, что недавний глава Коминтерна Зиновьев не только отстранен от руководства партией, но и арестован из-за враждебности к нему Сталина.

Дала показания и бывшая сотрудница правительственной библиотеки — дворянка Муханова. Она была любовницей Енукидзе, и ее вначале расспрашивали, главным образом, о том, как она попала осенью 1933 года в дом отдыха Большого театра. Следователи намеревались получить новые факты, подтверждающие уже имевшиеся данные об аморальном поведении и бытовом разложении Енукидзе.

Муханова не только поведала 16 февраля Молчанову, Люшкову и Кагану, как незаконно, только благодаря теплым отношениям с Енукидзе, приобрела путевку, но и о том, что там, на юге, в доме отдыха познакомилась и сблизилась с проводившей там же свой отпуск сотрудницей консульства Великобритании Н.К. Бенксон, и та почти год регулярно навещала ее в Москве.

Таким образом, полученные следствием материалы неоспоримо свидетельствовали о реальной «засоренности социально-чуждыми элементами» одного из кремлевских учреждений — правительственной библиотеки; о моральном разложении, даже «буржуазном перерождении» Енукидзе, и о политической неблагонадежности комсостава КК. Словом, обо всем том, что требовало срочного вмешательства ЦК, принятия самых решительных мер.

Незадолго перед тем НКВД начал информировать о ходе следствия Н.И. Ежова. Ему, избранному 1 февраля секретарем ЦК, уже 11 февраля ПБ поручило вместе с З.М. Беленьким, заместителем председателя КСК, и М.Ф. Шкирятовым, заместителем председателя КПК, «проверить личный состав аппаратов ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР (так в тексте. — Ю. Ж.), имея в виду наличие элементов разложения в них и обеспечение полной секретности всех документов ЦИКа и ВЦИКа».[90]

3 марта 1935 года ПБ приняло решение о Енукидзе, опубликованное на следующий день газетами как постановление ЦИК СССР: «В связи с ходатайствам ЦИК ЗСФСР о выдвижении тов. Енукидзе Авеля Сафроновича на пост председателя Центрального исполнительного комитета ЗСФСР, удовлетворить просьбу тов. Енукидзе Авеля Сафроновича об освобождении, его от обязанностей секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР».[91] Через день, 5 марта, проходившая в Тифлисе вторая сессия ЦИК ЗСФСР освободила Мусабекова от поста председателя и утвердила вместо него Енукидзе.

Внешне все выглядело предельно благопристойно. Ни форма, ни содержание решения ПБ не позволяли усомниться, что речь идет о передвижении Енукидзе по горизонтали, а не по вертикали власти. Его оставляли на том же уровне законодательной структуры. Назначали на почетный и, вместе о тем, чисто представительский пост. Давали своеобразную синекуру, позволявшую жить в Тифлисе и Москве — председатель ЦИК ЗСФСР по конституции, являлся и сопредседателем президиума ЦИК СССР. Подтверждало именно такой смысл решения еще и то, что Енукидзе оставляли членом конституционной комиссии, образованной 8 февраля на первой сессий ЦИК СССР седьмого созыва.

В действительности за решением крылось нечто серьезное: Енукидзе сместили с того поста, который позволял ему на протяжении пятнадцати лет играть в Кремле одну из важнейших ролей.

* * *

Между тем, с конца февраля СПО стало получать данные, свидетельствующие о далеко идущих намерениях некоторых фигурантов «Кремлевского дела».

Показания Мухановой, 4 марта 1935 года: «Розенфельд мне говорила, что на Ленина было покушение, совершенное Каплан, а на Сталина вот никак не организуют. Она сказала, что нужна русская Шарлотта Кордье для спасения русского народа».[92]

Н.А. Розенфельд, 4 марта — начальнику экономического отдела (ЭКО) НКВД Л.Г. Миронову, начальнику 3-го отделения ЭКО Чертоку: по словам ее бывшего мужа, Розенфельда Н.Б., Каменев говорил о своем тяжелом положении, о том, что все зло в Сталине, который виновен в этом его положении, что Сталин ему мстит, что пока будет Сталин, положение его останется таким же тяжелым…

«Вопрос. К какому выводу в результате бесед Розенфельда с Каменевым пришли Вы и Розенфельд?

Ответ. Мы пришли к выводу о необходимости активной борьбы с руководством ВКП(б) вплоть до террористических актов.

Вопрос. Вы и Розенфельд Н.Б. пришли к этому самостоятельно?

Ответ. Нет, на это в значительной мере повлиял Каменев Л.Б., который, как это мне подтвердил Розенфельд.

Н.Б., говорил последнему о необходимости устранения Сталина».[93]

Муханова, 4 марта: Н.А. Розенфельд говорила ей, что «Каменев озлоблен на Сталина и не успокоится, пока не будет играть активной политической роли, что возможно только при условии, если Сталин будет отстранен от руководства», а это «возможно только его уничтожением». Розенфельд «дала мне понять, что террористический акт над Сталиным готовится по прямому поручению Каменева». На вопрос же о том, как конкретно они намеревались совершить убийство, Муханова ответила: надо только «добраться до библиотеки Сталина, а там вопрос будет решен в зависимости от обстановки, в которой мы очутимся». Потому-то, добавила Муханова, Н.А. Розенфельд просила Л.Н. Минервину, секретаря Енукидзе, устроить их обеих в библиотеку Сталина.

Подтверждение именно такой версии прозвучало и в показаниях некоторых иных лиц, привлеченных по «Кремлевскому делу». Так, П.И. Гордеева и Т.П. Бураго, сотрудницы правительственной библиотеки, показали, что Н.А. Розенфельд и Муханову интересовало, где находится квартира Сталина.

В.А. Барут, работавший в правительственной библиотеке с 1931 по 1932 год, а затем около года в Оружейной палате, отметил: «Розенфельд подчеркивала, что Енукидзе оказывает ей поддержку». Брат же Каменева, до развода в 1922 году муж Н.А. Розенфельд, 5 марта уточнил: мол, она в 1932 году «впервые заговорила о необходимости убийства Сталина… С этой целью она обхаживала Енукидзе».[94]

Вскоре в следствии, пока лишь накапливавшем данные, наступил качественный сдвиг. Муханова сделала 8 марта решающее для «Кремлевского дела» заявление. Муханова рассказала, что организация заговорщиков состоит из пяти групп: в правительственной библиотеке; в КК; в Оружейной палате; бывших троцкистов вне Кремля; из художников.[95] Только так следствие смогло, наконец, систематизировать полученную информацию по принципу места работы тех, чьи фамилии фигурировали в материалах дознания.

Положение несколько осложнилось из-за позиции, занятой во время допросов по «Кремлевскому делу» уже отбывавших наказание Зиновьева и Каменева. Последний 20 марта

и 11 апреля категорически отрицал все. И то, что показал его брат, и то, в чем сознались Н.А. Розенфельд и Муханова.

Зиновьев же признавался во всем, а заодно и «топил» своего старого соратника, не забывая, где следует остановиться. 19 марта он заявил: «Каменев не был ни капельки менее враждебен партии и ее руководству, чем я, вплоть до нашего ареста… Каменеву принадлежит крылатая формулировка о том, что «марксизм есть теперь то, что угодно Сталину»… Читая «Бюллетени оппозиции», я подробно информировал Каменева о содержании этих документов и о моем положительном отношении к отрицательным оценкам, которые давал Троцкий положению в стране и партии… Призыв Троцкого «убрать Сталина» мог быть истолкован как призыв к террору… Контрреволюционные разговоры, которые мы вели с Каменевым и при Н.Б. Розенфельде, могли преломиться у последнего в смысле желания устранить Сталина физически… Мы же говорили в смысле замены его на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б)».[96]

Тем временем продолжал работать с материалами «Кремлевского дела» и Ежов. Обнаруженные им сообщения секретных сотрудников НКВД о давней засоренности аппарата учреждений Кремля антисоветскими элементами, подкрепленные протоколами допросов, которые Ежов стал получать из НКВД, послужили основой для черновика записки, которая после редактуры лично Сталиным и Молотовым получил название: «Сообщение ЦК ВКП(б) об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе».

В нем, утвержденном ПБ 21 марта, слегка приоткрывалась завеса тайны, окутывавшей решение от 3 марта. Прежде всего, оно дезавуировало решения как ЦИК СССР, так и ЦИК ЗСФСР. Теперь оказывалось, что Енукидзе был «переведен на меньшую работу в качестве одного из председателей ЦИКа Закавказья, причем представительство Закавказской федерации в ЦИК ССОР в качестве одного из председателей последнего оставлено за т. Муталибовым». И тут же разъяснялось: «Действительные мотивы этого перемещения не могли быть объявлены официально в печати, поскольку опубликование могло дискредитировать высший орган советской власти». А затем «Сообщение» переходило к сути дела.

«В начале текущего года, — указывалась в нем, — стало известно, что среди служащих правительственной библиотеки и сотрудников комендатуры велась систематическая контрреволюционная травля в отношении руководителей партии и правительства, особенно в отношении товарища Сталина, с целью их дискредитации. При ближайшем расследовании органами НКВД источников распространения этой травли было обнаружено в последнее время несколько связанных между собою контрреволюционных групп, ставивших своей целью организацию террористических актов в отношении руководителей советской власти и партии и в первую очередь в отношении товарища Сталина… Многие из участников и в особенности участниц кремлевских террористических групп (Нина Розенфельд, Раевская, Никитинская и др.) пользовались прямой поддержкой и высоким покровительством тов. Енукидзе. Многие из этих сотрудниц тов. Енукидзе принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал… Учитывая вскрытые следствием факты, и особенно — за последнее время, ЦК считает необходимым обсудить на ближайшем пленуме ЦК вопрос о возможности оставления тов. Енукидзе в составе членов ЦК ВКП(б)».[97]

Между тем, комиссия ПБ под председательством Ежова завершила порученную ей чистку служащих Кремля. Из 107 сотрудников аппарата ЦИК СССР, в том числе и правительственной библиотеки, оставила на работе лишь девятерых. Об этом Ежов рассказал в докладах, сделанных 23 марта на трех закрытых партсобраниях: работников ЦИК СССР, ВЦИК, совнаркомов СССР и РСФСР, гаража особого назначения; КК, специальной охраны и отдельной роты охраны; Школы им. ВЦИК. Поставил в известность коммунистов об отрицательной роли во всем происшедшем Енукидзе, о том, что в правительственной библиотеке арестован 21 человек, в КК — 14, а всего под следствием находится 65 человек.

Реакция Енукидзе на происходящее оказалась элементарно простой. Он промолчал, признавая тем самым все обвинения в свой адрес, и решил переждать грозные события. Практически сразу, 25 марта, направил в ПБ заявление: «По состоянию моего здоровья я не могу сейчас выехать в Тифлис — место моей новой работы. Прошу предоставить мне двухмесячный отпуск для поправления моего здоровья с выездом для этого в Кисловодск». На следующий день просьба Енукидзе была удовлетворена.[98]

В начале лета Енукидзе вернулся в Москву, но не для дачи показаний в КПК, а для участия в Пленуме ЦК. 6 июня, на второй день работы Пленума, с предусмотренным повесткой дня докладом «О служебном аппарате секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил Ежов.

Начал Ежов, и, как оказалось, далеко не случайно, с напоминания о выстреле в Смольном. Сделал так для того, чтобы сразу же задать необходимый тон, привлечь внимание собравшихся к главному. «При расследовании обстоятельств убийства товарища Кирова в Ленинграде, — заявил Николай Иванович, — до конца еще не была вскрыта роль Зиновьева, Каменева и Троцкого в подготовке террористических актов против руководителей партии и советского государства. Последние события показывают, что они являлись не только вдохновителями, но и прямыми организаторами как убийства товарища Кирова, так и подготовлявшегося в Кремле покушения на товарища Сталина».

Только затем Ежов сообщил о «последних событиях», о том, что НКВД «вскрыл пять связанных между собой, но действовавших каждая самостоятельно террористических групп». Ежов уточнил: «Все они представляли собой единый контрреволюционный блок белогвардейцев, шпионов, троцкистов и зиновьевско-каменевских подонков. Все эти озлобленные и выкинутые за борт революции враги народа объединились единой целью, единым стремлением во что бы то ни стало уничтожить товарища Сталина».

«Часть (заговорщиков. — Ю. Ж), — продолжил Ежов, — все свои планы строили на организации покушения вне Кремля, для чего собирали сведения и вели наблюдение за маршрутами поездов товарища Сталина, узнавали, где он живет за пределами Кремля, в какие часы больше всего выезжает и, наконец, искали удобного случая для организации покушения на Красной площади во время демонстрации. Другая часть главную ставку ставила на организацию покушения в самом Кремле, в особенности рассчитывая и добиваясь проникнуть на квартиру к товарищу Сталину». Вот тут-то Николай Иванович напрямую связал «террористов» с бывшим секретарем ЦИК СССР. «Свой план проникновения на квартиру к товарищу Сталину, — сказал он, — они строили на использовании личных связей с т. Енукидзе и с его приближенными, наиболее доверенными сотрудниками».

Не обошел Ежов и роли Троцкого, его личной вины, ответственности за терроризм. В данном случае Ежов сослался на откровения самого «демона революции», на его статью «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», опубликованную в номере 45 «Бюллетеня оппозиции» (апрель 1935 года). «Нынешний политический режим в СССР, — писал Троцкий, — есть режим «советского» (или антисоветского) бонапартизма по типу своему ближе к империи, чем к консульству… Противоречие между политическим режимом бонапартизма и потребностью социалистического развития представляет важнейший источник внутренних кризисов и непосредственную опасность самого существования СССР как рабочего государства. Бонапартистское вырождение диктатуры пролетариата представляет поэтому прямую и непосредственную угрозу всем социальным завоеваниям пролетариата».

Мало этого, Троцкий не только признал существование в Советском Союзе политического терроризма, но и фактически оправдал его: «Политическая и моральная ответственность за самое возникновений терроризма в рядах коммунистической молодежи лежит на Сталине. Террористические тенденции в рядах коммунистической молодежи являются одним из наиболее болезненных симптомов того, что бонапартизм исчерпал свои политические

возможности, вступил в период самой ожесточенной борьбы за существование» («Сталинская бюрократия и убийство Кирова» — «Бюллетень оппозиции», 1935 год, № 41).

Именно это утверждение позволило Ежову сделать определенный вывод. «Троцкий, — провозгласил секретарь ЦК, — стал теперь главным вдохновителем и организатором террора против вождей партии и правительства, мобилизуя вокруг себя все террористические элементы внутри и вне СССР».

Только потом, практически в конце доклада, Ежов опять обратился к заявленной теме. Вспомнил о Енукидзе и подведомственном тому совсем недавно аппарате секретариата ЦИК. «Ярким примером политической слепоты и полной потери классовой бдительности, — заявил Ежов, — примером такого преступного благодушия является член ЦК ВКП/б) тов. Енукидзе. Партия оказала ему огромное доверие. В течение полутора десятка лет он состоял секретарем ЦИК. Ему фактически была доверена охрана Кремля. Только благодаря его преступному благодушию, полной потере классового чутья и политической бдительности, контрреволюционным, зиновьевско-каменевским и троцкистским элементам удалось пробраться в Кремль и организовать там террористические группы. Своим непартийным поведением, своей небольшевистской работой Енукидзе создал такую обстановку, при которой любой белогвардеец легко мог проникнуть и проникал на работу в Кремль, часто пользуясь прямой поддержкой и высоким покровительством Енукидзе».

Подкрепив такое обвинение опять же материалами следствия по «Кремлевскому делу», Ежов заключил: «Товарищ Енукидзе должен быть наказан самым суровым образом, потому что он несет политическую ответственность за факты, происходившие в Кремле».

* * *

После доклада Ежова первым взял слово секретарь Закавказского крайкома Л.П. Берия. Он вел речь лишь о Енукидзе. Мимоходом коснулся «позорных ошибок» того в далеком прошлом, «Заигрывание с меньшевиками в ответственные периоды нашей революции», «фальсифицирование» истории бакинской социал-демократической организации (имелась в виду автобиография Енукидзе, опубликованная энциклопедическим словарем «Гранат» в 1927 г. — Ю. Ж.). Лишь затем Берия перешел к тому, что счел самым важным. «Ему персонально, — возмущенно сказал Лаврентий Павлович, — доверена была охрана штаба нашей революции, охрана вождя и учителя т. Сталина, за которого бьются сердца миллионов пролетариев и трудящихся. И что в итоге, товарищи, оказалось? Надо прямо сказать, что т. Енукидзе оказался в положении изменника нашей партии, изменника нашей родины… Предложения товарища Ежова совершенно правильны…». Схожим образом построили свои выступления Шкирятов и Акулов. Они говорили об аппарате секретариата ЦИК СССР, о том, каким он был плохим при Енукидзе, как была проведена в нем чистка, каким он стал теперь.

После кратких прений слово предоставили Енукидзе, который пытался объяснить свою позицию после принятия решения от 3 марта. «После того, — сказал он, — что было обнаружено в библиотеке и комендатуре Кремля и тотчас же после того, как это стало мне известно, я немедленно заявил товарищам — членам Политбюро, что снятие меня с поста секретаря ЦИК совершенно правильно. Я своим отношением и своим доверием к аппарату не обеспечивал безопасность в Кремле, и потому меня надо было снять».

Затем Енукидзе позволил себе признание ошибок, покаяние. «Когда мне комендант Кремля сообщил, что вот такая-то уборщица ведет контрреволюционные разговоры, в частности против товарища Сталина, я вместо того, чтобы немедленно арестовать и передать эту уборщицу в руки наркомвнудела, сказал Петерсону: проверьте еще раз, потому что было очень много случаев оговора — зря доносили против того или другого. Конечно, нельзя было терпеть такое положение и нужно было немедленно же принять меры. Это мое распоряжение

коменданту Кремля попало в руки наркомвнудела и затем к товарищу Сталину. Товарищ Сталин первый обратил на это внимание и сказал, что это не просто болтовня, что за этим кроется очень серьезная контрреволюционная работа. Так и оказалось на самом деле».

Признал Енукидзе и иное. То, что принял Раевскую на службу в правительственную библиотеку, несмотря на возражения НКВД. Что затянул реорганизацию охраны Кремля, что принятие на работу в аппарат ЦИК ССОР «бывших людей» явилось с его стороны потерей бдительности, хотя «об этих лицах известно было также и органам наркомвнудела».

Завершил свое выступление Енукидзе весьма своеобразно: «Мне кажется, что в дальнейшем ни годы мои, ни здоровье не позволят мне подняться на ту высоту доверия, которую я занимал. Несмотря на это, я ни в малейшей степени не прошу у партии снисхождения. По отношению ко мне нужно применить именно ту меру, которая может послужить уроком в дальнейшем для всякого коммуниста, стоящего на том или ином посту, чтобы действительно усилить бдительность и поставить работу нашей партии и наших советских органов так, чтобы они могли спокойно и плодотворно работать».[99]

После выступления Енукидзе снова начались прения. Некоторые участники Пленума (например, Косиор и Ягода) требовали арестовать Енукидзе и судить его, но большинство высказались за его исключение из партии, и лишь меньшинство — за арест и предание суду, как предлагали Косиор и Ягода.

Через день советские газеты опубликовали сообщение о состоявшемся Пленуме и принятых им резолюций. Вторая из них гласила: «О служебном аппарате ЦИК СССР и т. Енукидзе. 1. Одобрить мероприятия контрольных органов по проверке и улучшению служебного аппарата ЦИК Союза ССР. 2. За политико-бытовое разложение бывшего секретаря ЦИК СССР А. Енукидзе вывести из состава ЦК ВКП(б) и исключить из рядов ВКП(б)».[100] После этого печать о деле Енукидзе забыла. Навсегда. Забыли о нем и в партийных организациях.

Месяц спустя состоялись закрытые процессы по «Кремлевскому делу». Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха 27 июля 1935 года осудила по «Кремлевскому делу» 30 человек. Двух (вместо двадцати пяти), Синелобова и Чернявского, приговорили к расстрелу; девятерых, в том числе Л.Б. Каменева, его брата и первую жену того — к 10 годам тюремного заключения; остальных — к заключению на срок от 2 до 7 лет. В тот же день Особое совещание НКВД по тому же делу приговорило к тюремному заключению на срок от 3 до 5 лет сорок два человека, к ссылке на 2 и 3 года — тридцать семь человек, к высылке из Москвы — одного.[101]

Часть 7

«Мы еще стремительнее пойдем вперед»…

4 мая 1935 года, в Кремле по решению ПБ[102] руководство партии и правительство дали прием в честь выпускников военных академий. Первый подобный, впоследствии ставший традиционным. Открыл его нарком обороны Ворошилов, а почти сразу же вслед за ним взял слово Сталин. Заговорил же, обращаясь к аудитории, не о проблемах службы в войсках новой когорты командиров, не об угрозе войны и необходимости готовиться к отражению врага, а совершенно об ином. О том, что явно волновало его последнее время. О том, о чем на 17 съезде партии говорил уже и он сам, и Каганович, а на 7 съезде Советов СССР — Молотов. О том, что настало время опираться, прославляя, не на тех, кто обладал в прошлом революционными заслугами, а на профессионалов иного рода. На людей с высшим специальным образованием.

«Слишком много говорят у нас, — заметил, интригуя слушателей, — о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях». А затем, после небольшого отступления, объяснил, от кого же в действительности зависят успехи страны. «Раньше, — продолжал Сталин, — мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том

отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и дали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко не достаточно… Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства… Вот почему старый лозунг «техника решает все»… должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все».

И тут же задал главный, с его точки зрения, вопрос: «Можно ли сказать, что наши люди поняли и осознали полностью великое значение этого нового лозунга?» И сам же ответил на собственный вопрос, высказав тем самым то, что его беспокоило: «Я бы этого не сказал». Снова вернулся к главной теме «вельмож-бюрократов», подразумевая, скорее всего, именно их в неприятии нового лозунга: «Равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком… Если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему делу».

Но только этой темой, вполне понятной на приеме в честь выпускников военных академий, Сталин не ограничился. «Среди наших товарищей, — сказал Сталин, безусловно, имея в виду соратников по партии, — нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к отступлению… Они говорили: «Что вам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей. Создание индустрии при нашей отсталости, да еще первоклассной индустрии — опасная мечта».

И тут же продолжил: «Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального комитета. Более того, они угрожали кое-кому из нас пулями. Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути… Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, — заключил Сталин, — что я тоже приложил руку к этому делу».[103]

* * *

Здесь следует уточнить: были ли объективные предпосылки существования заговора против Сталина и его группы? Ответ на этот вопрос может быть только положительным. Ведь отвергнув саму принципиальную возможность заговора как радикальной формы противостояния внутри ВКП(б), следует, тем самым, исключить достаточно хорошо известное — весьма сильные оппозиционные настроения, не раз перераставшие в открытые конфликты.

Повлиять на радикализацию настроений мог и отказ — перед прямой угрозой фашизма — от прежней замкнутости, своеобразного сектанства Коминтерна, а также первые попытки создать Народные фронты, объединившие бы вчерашних заклятых врагов — коммунистов и социал-демократов. Наконец, последней каплей, переполнившей чашу терпения, могло стать стремление Сталина изменить Конституцию, исключив из нее все, что выражало классовый характер Советского Союза, его государственной системы.

Когда же мог возникнуть заговор с целью отстранения от власти группы Сталина? Скорее всего, в 1931–1932 годах. Вполне возможно, ибо именно тогда разногласия в партии достигли

своего очередного пика: «дела» Слепкова («школа Бухарина»), Сырцова-Ломинадзе, «право-левой» организации Стэна, группы Рютина, высылка за связь с последней в Минусинск и Томск Зиновьева и Каменева. Но все же, скорее всего, тогда возникла еще неясная, не вполне оформившаяся мысль. Заговор как реальность скорее следует отнести к концу 1933— началу 1934 годов. Как своеобразный отклик на дошедший до Советского Союза призыв Троцкого «убрать Сталина», совершить новую, «политическую» революцию, ликвидировав «термидорианскую сталинистскую бюрократию».

Разумеется, здесь обязательно должно насторожить отсутствие улик. Прямых или косвенных, но неопровержимых. Но следует задуматься, бывают ли вообще в подобных случаях улики. Что это: планы ареста узкого руководства, списки будущего ПБ и правительства, что-либо подобное? Или списки заговорщиков, да еще заверенные их подписями? А может, заготовленные предусмотрительно декларации, декреты, указы для оглашения сразу же после захвата власти? Вряд ли, ибо нормальный заговорщик, готовящий к тому же государственный переворот, сделает все возможное, дабы избежать существования такого рода улик.

Столь же напрасным было бы надеяться найти при обысках у участников заговора, скажем, план Кремля, на котором были бы отмечены квартиры и кабинеты Сталина, Молотова, других, маршруты их обычных прогулок. Этого заговорщикам также не требовалось. И Енукидзе, и Петерсон, жившие и работавшие в Кремле, все это давно знали. Нельзя было ожидать находок улик и любого иного рода, но обязательно раскрывавших преступные замыслы. Если заговорщики не страдают слабоумием, они никогда не доверят бумаге свои планы. Все, абсолютно все будут держать только в голове.

Наконец, еще одна загадка, связанная с «Кремлевским делом» и делом Енукидзе. Почему и то, и другое окружала столь плотная завеса тайны? Почему «Сообщение ЦК» отмечало, что в начале марта нельзя было сказать об истинных причинах отстранения Енукидзе? Почему о двух процессах, завершивших «Кремлевское дело», нигде не сообщалось? Ответ на все эти вопросы может быть один, общий — международная ситуация, связанная с подготовкой Восточного пакта. Необходимость учитывать возможность повторения крайне отрицательной, уже известной по освещению процесса Зиновьева — Каменева оценки западной прессой еще одного, явно политического суда. Особенно в данном случае, когда отсутствовали неоспоримое преступление, и речь в обвинении могла идти лишь о намерениях, хотя и преступных. Учитывать следовало и то, что даже краткое сообщение о раскрытии заговора во главе с секретарем ЦИК СССР неизбежно дискредитировало бы именно тот самый орган советской власти, которому и предстояло официально подписывать будущий договор о создании Восточного пакта. И еще то, что ни в коем случае, даже неясным намеком нельзя было упоминать о причастности к заговору руководства комендатурой Кремля, что в условиях подготовки оборонительного договора бросило бы тень на всю РККА. Кто же станет заключать военный договор с правительством, против которого собирается выступить его же армия?

Не только в начале марта 1935 года, но и почти всю весну абсолютно все приходилось подчинять интересам внешней политики. От визита в Москву Антони Идена, проходившего 28–29 марта вплоть до подписания советско-французского и советско-чехословацкого договоров, 2 и 16 мая соответственно. В силу этого о сути «Кремлевского дела», его истинной подоплеке не должен был знать никто. Даже Ежов, надзиравший за следствием как председатель КПК, готовивший о нем доклад для Пленума ЦК. Обо всем знали, принимая соответствующие решения, лишь несколько человек — Сталин, Молотов, Ворошилов, возможно еще и Каганович.

Наконец, последний вопрос. Почему же заговорщики, которым, по их собственным признаниям, достаточно было всего пятнадцати — двадцати исполнителей, спокойно и хладнокровно выжидали, так и не осуществив задуманного? Скорее всего, для отстранения группы Сталина они нуждались в достаточно веском предлоге. Таком, который был бы понят

населением, одобрен и поддержан наиболее активной частью партии. Например, подписанием протокола о намерении заключить Восточный пакт, что намечалось на начало декабря.

При такой реконструкции событий становится понятным и поведение Сталина. Стремясь, прежде всего, к установлению всех действительно причастных к заговору, он не торопил НКВД. Согласился, для начала, ограничиться устранением Енукидзе и Петерсона под любым благовидным предлогом из Кремля, а затем всячески оттягивал процесс, ибо не довольствовался результатами следствия. После же июньского Пленума Сталин осознал, что дело зашло слишком далеко.

Раскрытие кремлевского заговора заставило Сталина и его группу действовать более быстро и решительно. Не обращая внимания на явно неблагоприятную для них обстановку, сложившуюся в партии, они в качестве очередной и необходимой меры пошли на реорганизацию структуры аппарата ЦК. И сделали это, не дожидаясь вынесения вопроса на обсуждение будущего съезда или, хотя бы, ближайшего Пленума.

* * *

14 мая 1935 года «Правда» на первой полосе, в том месте, где обычно помещались передовицы, опубликовала постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации Культпропа ЦК ВКП(б)». В нем говорилось: «Реорганизовать Культпроп ЦК ВКП(б), создав вместо Культпропа в составе аппарата ПК ВКП(б) пять отделов: I. Отдел партийной пропаганды и агитации — возложив на него руководство пропагандистской работой внутри партии (партийные кружки и школы); руководство массовой агитацией и работой Партиздата, руководство комвузами, подготовкой кадров пропагандистов и агитаторов, институтами Красной профессуры и изданием партийных учебников, а также руководство активом пропагандистов и агитаторов. 2. Отдел печати и издательств — возложив на него контроль за газетами, журнальным делом, изданием книг и издательствами, распределением и подготовкой кадров печати. 3. Отдел школ — возложив на него контроль за работой наркомпросов и руководство ими в области начальной, неполной средней и средней школ. В этом же отделе сосредоточить контроль за всей сетью вузов и втузов и руководство соответствующими органами наркоматов, контроль за учебниками и программами, за преподаванием в школах всех ступеней, подготовкой и распределенной кадров. 4. Отдел культурно-просветительной работы — возложив на него контроль за культурной работой профсоюзов (библиотеки, клубы, физкультура и проч.), культурно-просветительной работой в деревне (избы-читальни, колхозные клубы, библиотеки), за работой киноорганизаций, радиовещания и театров, за работой организаций писателей, художников, архитекторов и т. п. 5. Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий — возложив на него контроль за работой научных учреждений, помощь изобретателям, наблюдение за их работой и руководство соответствующими организациями, а также научными обществами».

Текст постановления однозначно свидетельствовал об установлении с этого дня всеохватывающего и абсолютного, притом совершенно открытого, отсутствовавшего ранее действенного идеологического контроля со стороны сталинской группы. Вместе с тем, этим же постановлением делался и первый шаг от федерации к унитарному государству.

Содержало постановление и фамилии руководителей новых отделов. Агитпроп возглавил А.И. Стецкий, печати и издательств — Б.М. Таль, культпросветработы — А.С. Щербаков, школ — Б.М. Волин, науки — К.Я. Бауман (по совместительству). Так был расширен второй уровень власти, которому предстояло в ближайшее же время сыграть весьма значительную роль, стать основой при разработке всех необходимых для реформ документов.

С появлением постановления «О реорганизации Культпропа» связана одна странность. Оно было, как уже указывалось, опубликовано 14 мая, но лишь 25 мая, фактически задним

числом, его утвердило ПБ. Скорее всего, происшедшее указывает на какие-то разногласия среди членов ПБ из-за документа, на то, что узкое руководство вынуждено было поставить всех, в том числе и остальных членов ПБ, перед совершившимся фактом, только таким способом вынудив их проголосовать «за». Правда, столь же возможно и то, что разногласия были порождены не столько содержанием постановления, сколько утверждением заведующих новыми отделами.

Последнее предположение до некоторой степени, подтверждается еще одним такого же рода назначением, последовавшим несколько позже. 16 августа, через три недели после завершения процесса по «Кремлевскому делу», наконец утвердили и заведующего политико-административным отделом, полтора года остававшимся без руководителя. Весьма возможно, назначение это было порождено недоверием, которое неизбежно должно было после «Кремлевского дела» зародиться к Ягоде у Сталина. Он только теперь счел необходимым установить постоянный и прямой контроль партии, то есть свой лично, за деятельностью НКВД и его главками, особенно — госбезопасности. Но на должность руководителя политико-административным отделом, самым важным в существующей ситуации, пришлось назначить человека совершенно иного рода, нежели те, кого вводил Сталин в последнее время в свою реформаторскую группу. Старого большевика с огромным дореволюционным стажем, идейного и бескомпромиссного борца за дело мировой революции, работавшего в Коминтерне чуть ли не с первых лет его существования, да еще, к тому же, по роду службы давно связанного с советскими спецслужбами — И.А. Пятницкого.[104] Именно его, что вполне можно было расценить как вынужденную уступку тем силам в ПБ, которые, как можно догадываться, и возражали против назначения на должности завотделами людей из команды Стецкого — Таля и Щербакова, созданию во втором эшелоне власти самостоятельной группировки.

* * *

Вместе с тем, назначенцы Сталина уже взялись за работу. 13 мая 1935 года, несомненно по предварительному согласованию с вождем, новый прокурор СССР А.Я. Вышинский направил в адрес ПБ пространную информационную записку, в которой сообщил о пересмотре законности акции Наркомвнудела по «очистке Ленинграда от социально чуждых элементов», проведенной с 28 февраля по 27 марта и приведшей к изгнанию из старой столицы 11 702 человек.[105] Вышинский отметил, что в прокуратуру поступило 2237 жалоб, из которых было оставлено без удовлетворения 86 процентов, однако остальные 14 процентов жалоб признали законными, и высылки для их авторов пришлось отменить. Так как жалобы продолжали поступать, Андрей Януарьевич констатировал: «При вполне удовлетворительной в целом операции по очищению Ленинграда, последняя выявила ряд грубых ошибок и промахов, объясняющихся главным образом, ее спешностью, краткосрочностью и массовостью».

Отметил в записке Вышинский и иное. Указал на безобразное отношение к высланным местных бюрократов: «руководители отдельных хозяйственных, научных и административных учреждений зачастую отказывают в приеме на работу лицам, представляющим справки о своей высылке или ссылке».[106]

А неделей ранее от того же Вышинского поступил и проект постановления «О порядке производства арестов», утвержденный ПБ 17 июня. Им устанавливалось, что аресты по всем без исключений делам органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора. Помимо этого, для ареста членов ЦИК СССР и союзных республик, руководящих работников наркоматов всех уровней, директоров и заместителей директоров заводов и совхозов, а также простых инженеров, агрономов, врачей, профессуры, руководителей учебных и научно-исследовательских учреждений требуется не только санкция прокурора, но еще и согласие соответствующего наркома.

В те же летние месяцы узкое руководство приступило к решению чисто практических задач, непосредственно связанных с обеспечением разрабатывавшихся политических реформ. По предложению того же Вышинского, который, несомненно, исходил из заявления Молотова в ходе второго своего доклада VII съезду Советов СССР о необходимости восстановить во всех гражданских правах лишенцев, 26 июля ПБ утвердило важное не только по сути, но и по далеко идущим последствиям решение — «О снятии судимости с колхозников». Оно было призвано возвратить избирательные права тем, кто был лишен их по суду. В соответствии с новым актом, официально ЦИК и СНК СССР предписывалось «снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет либо к иным, более мягким мерам наказания и отбывшим данные им наказания или досрочно освобожденным до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками».[107] В результате всего за семь последующих месяцев — к 1 марта 1936 года, с 768 989 человек не только сняли судимость, но и сопровождавшее ее временное поражение в правах, лишавшее их возможности на протяжении пяти лет участвовать в выборах.[108]

* * *

25 июля 1935 года в Москве открылся VII конгресс Коминтерна. Сталинская группа стремилась добиться от его делегатов отказа, хотя бы на время, в условиях прихода к власти агрессивного германского нацизма, от сохранения идеи мировой революции как первоочередной задачи. От дальнейшей, пагубной для всех без исключения, конфронтации с социал-демократией ради самого насущного — борьбы с фашизмом и предотвращения войны.

В этом главную роль предстояло сыграть ставшему всемирно известным благодаря своему поведению на Лейпцигском процессе болгарскому коммунисту Георгию Димитрову. Сразу же после своего освобождения из нацистской тюрьмы и прибытия в Москву 27 февраля 1934 года он был введен сначала в политсекретариат, а затем и президиум ИККИ. В новой для себя должности он начал разрабатывать для Коминтерна принципиально иную стратегию действий, более отвечающую реальной сложившейся в мире ситуации, а вместе с тем и тем целям, которые ставила перед собою сталинская группа.

Адресуясь Сталину, еще 1 июля 1934 года он писал о давно назревшей, по его мнению, необходимости изменения методов работы ИККИ, объясняя это тем, что просто «невозможно оперативно руководить из Москвы по всем вопросам всеми 65 секциями (национальными компартиями. — Ю. Ж.) Коминтерна, находящимися в разных условиях». Что не только следует срочно сократить и обновить громоздкий бюрократический аппарат ИККИ, но и наладить действенную, самую «тесную связь руководства Коминтерна с Политбюро ЦК ВКП(б)»,[109] то есть с узким руководством СССР.

Обмен мнениями Димитрова и Сталина привел в начале 1935 года к появлению документа — «Указание Политбюро ЦК ВКП(б) о работе делегаций ВКП(б) в К.И. (Коминтерне. — Ю. Ж.)». Основываясь на предложениях, высказанных Димитровым, «Указания» закрепляли наиважнейшее, — с точки зрения узкого руководства, для мирового комдвижения: «Используя огромный опыт работы ВКП(б) и популяризуя его среди компартий, необходимо, однако, избегать механического перенесения методов работы ВКП(б) на компартии капиталистических стран, работающих в совершенно иных условиях и стоящих на совершенно ином уровне развития».[110]

Однако ничто, даже авторитет ПБ, лично Сталина, не могло повлиять на взгляды коминтерновцев, заставить их отрешиться от старых, уже нисколько не связанных с истинным положение дел представлений и оценок. Уже первый же на конгрессе отчетный доклад о работе ИККИ Вильгельма Пика оказался пронизанным застарелым органическим неприятием

социал-демократии как таковой, II Интернационала, даже чисто теоретической возможности сотрудничества с ними на равных правах. Чуть ли не сразу Пик заявил: «Социал-демократия, как и правые оппортунисты, обанкротились, их теории потерпели жалкий крах». На протяжении почти пятичасового выступления лидер германских коммунистов и один из руководителей ИККИ пытался доказать существование «нарастания нового подъема революционного движения». Лишь мимоходом отметил, но почему-то как достижение именно ИККИ и как своеобразие, присущее лишь данному моменту, «поворот социал-демократических рабочих в сторону единого фронта с коммунистами». Под единым же фронтом он имел в виду всего только переход отдельных групп социал-демократов под полный контроль коммунистов. И потому выразил следующее понимание цели единого фронта, которое разделяли с ним практически все делегаты конгресса: «Мы предлагаем объединение всех революционных сил пролетариата в одну революционную партию на испытанной теоретической и организационной основе, учении Маркса — Ленина». А завершая доклад, призвал всех коммунистов «под знаменем Ленина-Сталина на штурм капитализма». Объяснил актуальность именно такого лозунга тем, что «каждый день может поставить нас перед крупными революционными событиями, перед необходимостью возглавить движение миллионных масс за свое освобождение. Мы, коммунисты, показываем массам единственный выход из кризиса — путь рабочих и крестьян СССР, путь советской власти».

Лишь в результате пятидневной дискуссии удалось, но только отчасти изменить настроение делегатов конгресса. И потому резолюция, принятая по докладу Вильгельма Пика, оказалась двойственной. Отразила как старые, традиционные, шедшие еще с 1919 года, так и новые, выработанные Димитровым и Сталиным совместно, положения. «VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала, — отмечала она, — одобряет обращения ИККИ от марта 1933 г., октября 1934 г. и апреля 1935 г. к национальным секциям и руководству II Интернационала с предложением единства действий в борьбе против фашизма, наступления капитала и войны. Выражая свое сожаление, что все эти предложения были отвергнуты исполкомом II Интернационала и большинством его секций во вред интересам рабочего класса, и отмечая историческое значение того факта, что социал-демократические рабочие и ряд социал-демократических организаций уже борются рука об руку с коммунистами против фашизма и за интересы трудящихся масс, VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала обязывает ИККИ и все входящие в Коммунистический интернационал партии в дальнейшем всемерно добиваться установления единого фронта как в национальном, так и в международном масштабе».

Вместе с тем, в резолюции содержались и принципиально новые положения. «VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала, — провозглашала она, — предлагает ИККИ: а) перенести центр тяжести своей деятельности на выработку основных политических и тактических установок мирового рабочего движения, исходить при решении всех вопросов из конкретных условий и особенностей каждой страны и избегать, как правило, непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела коммунистических партий; б) систематически помогать созданию и воспитанию кадров подлинных большевистских руководителей в коммунистических партиях, дабы партии могли на основе решений конгрессов Коммунистического интернационала и пленумов ИККИ при крупных поворотах событий быстро и самостоятельно находить правильное решение политических и тактических задач коммунистического движения».

Димитров, выступая со вторым основным докладом — «Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма», нарушил логику теоретических построений товарищей по Коминтерну. Он самокритично остановился на недооценке опасности фашизма и потому потребовал подлинного сплочения всех антифашистских сил. И тут же опроверг возможные подозрения, что это, мол, всего лишь маневр Коминтерна. От имени возможных оппонентов чисто риторически заявил: «Пусть

коммунисты признают демократию, выступят на ее защиту, тогда мы готовы на единый фронт». И тут же сам ответил: «Мы сторонники советской демократии, демократии трудящихся, самой последовательной в мире демократии. Но мы защищаем и будем защищать в капиталистических странах каждую пядь буржуазных демократических свобод, на которые покушаются фашизм и буржуазная реакция, потому что это диктуется интересами классовой борьбы пролетариата».[111]

Димитров не ограничился лишь этим, а пошел гораздо дальше, развивая такое необычное для коммуниста положение. «И если нас спросят, — сказал он, — стали ли мы на почве единого фронта только в борьбе за частичные требования или же мы готовы разделить ответственность даже тогда, когда речь будет идти о создании правительства на основе единого фронта, то мы скажем да, мы учитываем, что может наступить такое положение, когда создание правительства пролетарского единого фронта или антифашистского Народного фронта станет не только возможным, но и необходимым в интересах пролетариата, и мы в этом случае без всяких колебаний выступим за создание такого правительства».

Далее же, исходя из собственного положения о национальных путях развития, разобрал возможности создания Народных фронтов в различных странах. Как образец, достойный подражания, привел компартию Франции, которая «показывает всем секциям Коминтерна пример того, как нужно проводить тактику единого фронта». Обратился к социал-демократии Великобритании: «Мы готовы поддержать вашу борьбу за создание нового лейбористского правительства; несмотря на то, что оба прежних лейбористских правительства не выполнили обещаний, данных лейбористской партией рабочему классу». Более того, объявил о вполне возможной поддержке и социал-демократий, находящейся у власти — в Норвегии, Швеции, Дании, Бельгии, Чехословакии. «Мы не рассматриваем, — подчеркнул Димитров, — наличие социал-демократического правительства или правительства коалиции социал-демократической партии с буржуазными партиями как непреодолимое препятствие для установления единого фронта с социал-демократами в определенных вопросах. Мы считаем, что и в этом случае вполне возможен и необходим единый фронт».[112]

Но такая программа действий оказалась слишком необычной для делегатов конгресса. Ведь она оказывалась не просто новым курсом, она ломала все привычные представления тех, кто знал только подполье, борьбу, тюрьмы, жертвенность. Мыслил категориями уличных боев, баррикад, забастовок, тайных складов оружия, нелегальных типографий. Тех, кто даже при всем желании никак не мог сразу вдруг, в одночасье отказаться от всего, чем жил раньше, и вступить в иную, незнакомую жизнь. Баллотироваться в парламент, становиться депутатом, речи произносить открыто, вполне законно, не боясь появления полиции. И не перед товарищами по борьбе, а перед некими безликими избирателями.

А потому все, о чем вдохновенно, ярко, горячо говорил тот, кто провел в застенках Моабита почти год, кто состязался в ходе Лейпцигского процесса со скамьи подсудимых не с кем-либо, а с наци номер два — Герингом, — так и осталось всего лишь текстом доклада.

Редакционная комиссия конгресса предельно выхолостила резолюцию по докладу Димитрова. Вполне сознательно внесла в нее только привычное для себя содержание, не несущее ничего нового: «Стремясь объединить под руководством пролетариата борьбу трудящегося крестьянства, городской мелкой буржуазии и трудящихся масс угнетенных национальностей, коммунисты должны добиваться создания широкого антифашистского Народного фронта на базе пролетарского единого фронта».[113]

И все же одно, вроде бы совершенно частное положение, высказанное Димитровым — о поддержке в особых случаях социал-демократических правительств, что, безусловно, было вызвано необходимостью пусть и иносказательно, но подвести теоретическую базу под создававшийся Восточный пакт, неожиданно поддержал выступивший с третьим докладом Эрколи (Пальмиро Тольятти), генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии. Он, несмотря на совсем недавнее негативное отношение к Народному фронту, все же принял

его идею. Активно участвовал вместе с Димитровым не только в подготовке конгресса, но и в разработке нового курса для Коминтерна. Сумел добиться, чтобы в резолюцию хотя бы по его докладу включили следующее положение: «Если какое-либо слабое государство подвергнется нападению со стороны одной или нескольких крупных империалистических держав, которые захотят уничтожить его национальную независимость и национальное единство или произвести его раздел (здесь явно подразумевались Австрия и Чехословакия. — Ю. Ж.), то война национальной буржуазии такой страны для отпора этому нападению может принять характер освободительной войны, в которую рабочий класс и коммунисты этой страны не могут не вмешаться».[114]

Разногласия, отчетливо проявившиеся в ходе VII конгресса Коминтерна, нашли свое выражение не только в содержании докладов, речей и выступлений, резолюций. Приняли они и откровенно личностный характер. Георгий Димитров, а также и Д.З. Мануильский — секретарь ИККИ и формальный глава делегации ВКП(б), отказались впредь работать совместно в руководящих органах Коминтерна с И.А. Пятницким, отказавшимся поддержать новую стратегию международного коммунистического движения. Сталин, оказавшись арбитром, поддержал, естественно, Димитрова и Мануильского. 10 августа, еще до закрытия конгресса, он провел через ПБ решение, предопределившее обязательный и незамедлительный «переход т. Пятницкого на другую работу». Как отмечалось выше, спустя неделю Сталину пришлось согласиться с назначением коминтерновца-ортодокса на должность заведующего политико-административным отделом ЦК. С введением, тем самым, Пятницкого во второй эшелон власти, несмотря на все разногласия по важнейшим вопросам — о проведении радикальной, политической реформы.

* * *

Тем временем начала, наконец — спустя четыре месяца после того, как была образована, — свою деятельность конституционная комиссия ЦИК СССР. 8 июля 1935 года центральные газеты страны опубликовали сообщение о прошедшем накануне ее первом протокольном заседании и о создании на нем двенадцати подкомиссий. О том, что их возглавили: И.В. Сталин — по общим вопросам и редакционную, В.М. Молотов — экономическую, В.Я. Чубарь — финансовую, Н.И. Бухарин — правовую, К.Б. Радек — по избирательной системе, А.Я. Вышинский — судебных органов, И.А. Акулов — центральных и местных органов власти, А.А. Жданов — народного образования, А.М. Каганович — труда, К.Е. Ворошилов — обороны и М.М. Литвинов — внешних дел.

Однако самое существенное осталось за пределами газетной информации. Прежде всего, стенограмма, или хотя бы изложение доклада Сталина на заседании комиссии. Между тем, выступая в тот день, Иосиф Виссарионович неожиданно для всех продемонстрировал настойчивое стремление провести конституционную реформу в гораздо больших масштабах, нежели можно было судить по его же записке от 25 января. На сей раз предложил разделить существовавшую и закрепленную основным законом единую конструкцию власти, в силу этой своей сущности в называвшуюся советской, на две самостоятельные ветви — законодательную и исполнительную. Иными словами, демонтировать действовавшую семнадцать лет систему — от районных и городских советов до ЦИК СССР, и создать взамен ее принципиально иную, ничем не отличающуюся от традиционных, классических западноевропейских.[115]

Заслуживали внимания и два не преданных гласности пункта решения комиссии. Они же не только раскрывали секреты технологий предстоявшей работы над текстом новой конституции, но и предопределяли направленность будущей пропагандистской кампании: «4. Обязать т. Радека организовать перевод и издание существующих конституций и основных законоположений главных буржуазных стран как буржуазно-демократического типа, так и

фашистского, и разослать их членам комиссий. 5. Обязать тт. Бухарина, Мехлиса и Радека организовать обстоятельный критический разбор конституций основных буржуазных стран на страницах печати».[116]

Первое протокольное заседание обязало подкомиссии подготовить свои предложения в двухмесячный срок, то есть к середине сентября. На деле первые наброски статей новой Конституции начали поступать лишь полтора месяца спустя после назначенного срока, в ноябре 1935 года. Объяснялась задержка выявившимися серьезными расхождениями о допустимых пределах отступлений от основного закона 1918–1924 годов. Так, Н.В. Крыленко, нарком юстиции РСФСР, вошедший просто членом в комиссию судебных органов, резко выступал против разделения власти на две самостоятельные ветви, а также и выборности судей (последнее предложил А.Я. Вышинский вряд ли без предварительной консультации со Сталиным). После длительных прений члены правовой подкомиссии согласились на компромисс: сохранить выборность судей, но только низшей инстанции, народных. Не скрывал своей позиции и Бухарин. Он настойчиво требовал не предоставлять избирательные права всем без исключения гражданам, к чему призвал Молотов на VII всесоюзном съезде Советов, но вместе с тем согласился на замену чисто советской избирательной единицы — производственной, на свойственную буржуазным странам территориальную.[117]

Так уже осенью 1935 года обнаружилось, что даже на чисто рабочем этапе переработки старой Конституции четко обозначились принципиальные, идейные разногласия между группой Сталина и видными в прошлом ортодоксальными партийными деятелями, отказывающимися поступиться своими принципами. Видимо, поэтому Сталину и пришлось отказаться от дальнейшего делового сотрудничества со всеми членами комиссии, передоверить дальнейшую подготовку текста нового основного закона, лишь тем, кому он мог полностью доверять. Уже входившим в подкомиссии по общим вопросам — А.И. Стецкому и по экономическим — Я.А. Яковлеву, а также Б.М. Талю, до того момента вообще непричастного к деятельности какой-либо подкомиссии.

Часть 8

Серьезные перемены к лучшему

Приближавшийся 1936 года казался на редкость счастливым, вызывавшим лишь оптимистическое настроение. Слишком уж многое возвещало о серьезных переменах к лучшему. Порождало уверенность в том, что необычайно трудные последние восемь лет остаются в прошлом, уходят навсегда.

Тихо, незаметно, без излишней шумихи, каких-либо, широковещательных заявлений страна расставалась с карточной системой. С 1 октября 1935 года возобновилась свободная продажа мяса и мясопродуктов, жиров, рыбы и рыбопродуктов, сахара и картофеля, а с 1 января 1936 года — и промтоваров. А с 1 февраля ликвидировался и Торгсин — последний реликт уже далекого нэпа. Сеть специальных магазинов, где можно было купить все что угодно, но только за твердую валюту либо за золото.

О наступающих переменах возвестила не одна лишь отмена карточек — еще и восстановление празднования Нового года с его традиционной елкой. Возвращение «гражданских прав» тому празднику, с которым как религиозным партия и государство настойчиво боролись все последнее время. Боролись весьма решительно, даже запретив — для начала циркуляром наркомзема РСФСР от 11 декабря 1928 года — рубку елей. Но вот кандидат в члены ПБ, второй секретарь ЦК КП(б) Украины П.П. Постышев вдруг предложил повсеместно организовать, правда, лишь для детей, в дни зимних каникул новогодние праздники. Первым подхватил эту инициативу МК ВЛКСМ. Разослал телеграммы по всем своим организациям, рекомендуя провести елки в парках, домах пионеров, школах. Вслед за тем как-то просто, естественно вспомнили и о взрослых. За десять дней до наступления Нового года газеты опубликовали предельно скромную, всего в три строки, информацию: «По

предложению ВЦСПС Совнарком Союза ССР постановил выходной день 30 декабря (в то время в стране существовала шестидневка. — Ю. Ж.) перенести на 1 января». А в ночь с 31 декабря на 1 января новогодние балы впервые за все годы советской власти прошли в московском Доме союзов, ленинградском Александровском дворце, во многих клубах, домах культуры страны.

Столь же многозначительной, обещавшей важные политические перемены выглядела опубликованная «Правдой» статья первого секретаря Азово-Черноморского крайкома В.П. Шеболдаева «Казачество и колхозы». Использование, наряду с типично советским словом «колхоз», долгое время сугубо негативного по смыслу слова «казачество», ассоциировавшегося прежде всего с теми, кто подавлял революцию 1905 года, воевал на стороне белых в гражданскую войну — как бы предполагало очередную филиппику в адрес казачества. Однако содержание статьи опровергло такое ожидание.

Не кто-либо, а член ЦК ВКП(б) писал: «В основной массе казачества произошел коренной перелом… колхозы Кубани и Дона не могли бы иметь нынешних успехов, если бы нынешнее казачество по-прежнему сопротивлялось бы или не поддерживало бы колхозы… Среднее казачество, и раньше дававшее ряд примеров революционных выступлений (Каменский ревком), выдвинувшее героев-большевиков Подтелкова и Кривошлыкова, давшее в свое время немало бойцов в Первую конную армию, сейчас окончательно и прочно стало на колхозный путь, по-настоящему взялось за работу».[118]

Еще одно грядущее событие также должно было вселить добрые надежды. Публикация сообщения о составе Всесоюзного пушкинского комитета, созданного по решению ПБ еще 27 июля 1934 года,[119] для празднования в самом скором времени 100-летия со дня смерти великого русского поэта. Возглавил этот комитет А.М. Горький, всего лишь заместителями которого оказались нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов и первый секретарь правления ССП А.С. Щербаков. Членами же комитета, наряду со столь необходимыми для организации грандиозных, как оказалось, торжеств представителями государства и партии — К.Е. Ворошиловым, В.Я. Чубарем, В.И. Межлауком, А.А. Н.А. Булганиным, И.Ф. Кодацким — стали крупнейшие пушкинисты той поры А.М. Цявловский, Д.Д. Благой, Ю.Г. Оксман, М.Н. Розанов, академики-литературоведы — заведующий кафедрой славянской филологии Ленинградского университета Н.С. Державин и заместитель директора Института русской литературы (Пушкинского дома) А.С. Орлов, писатели Викентий Вересаев, Алексей Толстой, Александр Серафимович, Александр Фадеев, поэты Демьян Бедный, Николай Тихонов, Павло Тычина, Янко Купала, Галактион Табидзе, Егише Чаренц, Абулкосим Лахути, режиссеры Константин Станиславский, Владимир Немирович-Данченко, Всеволод Мейерхольд, детский поэт и литературовед Корней Чуковский, некоторые иные представители творческой интеллигенции.

Тем самым страна решительно порывала с нигилистическим по сути, вульгарно-социологическим по форме отношением к своему прошлому, к тем, кто на протяжении нескольких веков создавал ее литературу, искусство, науку. Формирование Пушкинского комитета и проведение пушкинского праздника открывало долгую чреду восстановления с помощью таких же юбилеев сознательно замалчивавшихся учебниками и пропагандой имен писателей, поэтов, художников, архитекторов, композиторов, ученых.

* * *

Все происходившее в последние дни уходящего 1935 года и первые — нового, 1936-го, лишний раз подтверждало, что партия и в идеологии окончательно сменила курс, избрав принципиально новый, решительно и бесповоротно порвала с прежней воинствующей левизной. И дабы проводить и в дальнейшем именно такой курс, удерживать на нем страну, пошла на ломку существовавших почти два десятилетия административных структур. Одним росчерком пера ликвидировала предоставленное Конституцией 1924 года союзным

республикам право самостоятельно руководить развитием своих национальных культур. Изъяла у наркомпросов Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Закавказской федерации, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана, все вопросы, связанные с искусством, оставив им заботы лишь о школьном образовании. Решением ПБ от 16 января в форме постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» ликвидировало общество «Долой неграмотность». Поручило прежде всего наркомпросам на протяжении 1936 и 1937 годов ликвидацию неграмотности людей в возрасте до 50 лет. Утвердило и контрольные цифры: в текущем году необходимо было силами наркомпросов обучить 4 миллиона неграмотных и 3 миллиона малограмотных, а кроме того, ВЦСПС должен был организовать обучение еще 1,5 миллиона малограмотных.[120]

А месяцем ранее, 16 декабря, ПБ приняло еще два решения, закреплявших проводимую реорганизацию. Первым были сняты со своих постов заместители А.С. Бубнова, курировавшие как раз проблемы искусства, М.С. Эпштейн и Г.И. Бройде, а вместо них первым заместителем наркома просвещения утвержден Б.М. Волин, до того занимавший должность заведующего отделом школ ЦК ВКП(б).

Вторым решением ПБ создало Комитет по делам искусств при СНК СССР[121] — орган исполнительной власти, призванный ежедневно и ежечасно руководить, направляя в нужное русло, деятельность «театров и других зрелищных предприятий, киноорганизаций, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных, других учреждений», а также «учебных заведений, подготавливающих кадры работников театра, кино, музыки и изобразительных искусств».[122] Тем самым завершался процесс, начавшийся еще в 1932 году роспуском одиозных, не просто «левых», а подчеркнуто «революционных», да еще и «пролетарских», то есть якобы чисто классовых, объединений писателей, художников, архитекторов, композиторов. Таких, например, как Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), Ассоциация художников революционной России (АХРР), Всесоюзное объединений пролетарских архитекторов (ВОПРА), Российская ассоциация пролетарские музыкантов (РАПМ), а вместе с ними всех иных без исключения. Процесс, продолженный созданием сначала Союза советских писателей, затем и аналогичных союзов архитекторов, композиторов, несколько позже и художников.

Реформирование, твердо сохраняя изначальную направленность, тем не ограничилось. Оно ширилось, охватывая все новые леворадикальные по целям структуры. Еще 10 декабря 1935 года ПБ приняло изрядно запоздавшее, фактически лишь констатировавшее давно происшедшее, решение. О ликвидации очередной творческой организации, на этот раз формально никак не связанной с СССР — Международного объединения революционных писателей (МОРП), учрежденного в августе 1920 года на II конгрессе Коминтерна. Не раз меняя свое название, сначала Международное бюро пролеткульта, затем Международное бюро революционной литературы, оно к концу 1930 года достигло в своей деятельности апогея. В МОРП входили либо открыто примыкали к нему многие ведущие писатели и поэты Европы и США. Французские — Луи Арагон, Андре Бретон, Поль Элюар; немецкие — Иоганнес Бехер, Франц Вейскопф, Оскар Мария Граф, Анна Зегерс, Людвиг Ренн; венгерские — Антал Гидаш, Мате Залка, Бела Иллеш; польские — Владислав Броневский, Леон Кручковский, Станислав Станде, Бруно Ясенский; чехословацкие — Лацо Новомесский, Юлиус Фучик; китайские — Го Можо, Лу Синь, Мао Дунь, Эми Сяо; американские — Шервуд Андерсон, Майкл Голд, Теодор Драйзер, Джо Дос Пасос, многие иные.

К середине 30-х годов деятельность МОРП практически замерла, что произошло по многим причинам. Из-за прихода Гитлера к власти, что вынудило всех членов германской секции эмигрировать, присоединившись в СССР к находившимся там полтора десятилетия венгерским собратьям по перу. Из-за раскола международного революционного движения на сторонников Троцкого и тех, кто остался верным политике Москвы. Именно последнее обстоятельство привело к отходу от МОПР большинства французских сюрреалистов. Но

особенно повлияли на судьбу объединения международный Конгресс писателей в защиту культуры, проведенный в Париже в июне 1935 года, а также VII конгресс Коминтерна. Только потому фактически руководитель МОРП как глава иностранной комиссии ССП Михаил Кольцов и вынужден был констатировать: «Международная ассоциация писателей находится в очень трудном положении — ей угрожает тихий развал». Не дожидаясь неизбежного конца, он предложил как единственную возможность в сложившихся обстоятельствах ликвидировать МОПР, выразив готовность возглавляемого им Журнально-газетного объединения регулярно издавать на русском языке новинки иностранной литературы.

Столь же принципиальным, весьма важным, но уже для развития науки Советского Союза, стало схожее по результату решение ПБ, которое далось нелегко, потребовало неоднократного обсуждения — 18 декабря 1935 года, 23 января и 7 февраля 1936 года, о прекращении деятельности Коммунистической академии. Лишь в третий раз удача сопутствовала узкому руководству. Оно все же добилось утверждения внесенного А.А. Андреевым по инициативе Сталина проекта: «Ликвидировать Комакадемию ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий». Так сошла со сцены структура, образованная еще в 1918 году и существовавшая первые пять лет как Социалистическая академия, стремившаяся любым путем вытеснить, а затем и ликвидировать старую Академию наук, не претендовавшую на политическую роль.

Комакадемия на всем протяжении своего существования в лице своих институтов — философии, истории советского строительства, мировой политики; секций — аграрной, права и государства, экономики, литературы и искусства; обществ — историков-марксистов, биологов-материалистов, иных, безосновательно, опираясь лишь на членство в партии своих сотрудников, навязывала населению страны свои взгляды, которые вскоре объявят вульгарно-социологическими, антимарксистскими, с помощью выходивших только при их авторстве школьных и вузовских учебников, издававшихся под их официальным контролем энциклопедий — Малой и Большой советских, Литературной. И вот теперь ее безраздельному монопольному господству, особенно в области гуманитарных наук, пришел конец. Правда, сами члены Комакадемии не пострадали, — их в том же ученом звании переводили в АН СССР, однако там играть свою прежнюю роль они уже не могли.

Тем временем работа над проектом новой Конституции, которая и призвана была юридически закрепить все политически перемены, практически завершилась. Обобщив материалы всех подкомиссий, но, разумеется, лишь те, которые отвечали задуманной реформе, Я.А. Яковлев, А.И. Стецкий и Б.М. Таль в феврале представили в секретариат Конституционной комиссии, по сути же, Сталину и Молотову документ, получивший название «Черновой набросок». В нем уже было четко прописано очень многое из задуманного. Высшим законодательным органом власти в стране должен был стать Верховный совет СССР, состоящий из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей, но работавший не постоянно, а только во время регулярно созываемых сессий. В промежутках же между последними предстояло действовать Президиуму Верховного Совета. Совнарком СССР становился подчеркнуто исполнительным и распорядительным органом власти, образуемым Верховным Советом. В разделе о суде и прокуратуре указывалось, что Верховный суд страны назначается Верховным Советом СССР, суды союзных и автономных республик, краев и областей формируются соответствующими республиканскими верховными советами, краевыми и областными советами. Лишь народные суды избираются населением. Наконец, раздел, посвященный избирательной системе, провозглашал всеобщие, равные, прямые и тайные выборы.[123]

1 марта 1936 года Сталин принял одного из руководителей американского газетного объединения «Скриппс-Ровард ньюс спейперс», Роя Уилсона Говарда и дал ему интервью. В конце беседы пошла о готовившейся Конституции.

«Говард. В СССР разрабатывается новая Конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин. Мы примем нашу новую Конституцию, должно быть, в конце этого года. Комиссия по выработке Конституции работает и должна будет скоро свою работу закончить. Как уже было объявлено, по новой Конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. *Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации* (выделено мной. — Ю. Ж.). А таких у нас сотни. У нас нет противопоставляющих себя друг другу партий, точно так же, как у нас нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых капиталистами рабочих…

Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. *Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу* (выделено мной. — Ю. Ж.). У нас немало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имевших первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. *Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти* (выделено мной. — Ю. Ж.). Наша новая советская Конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире».

Так Сталин раскрыл потаенную прежде суть конституционной реформы, Как теперь оказывалось, ради мирной, бескровной — в ходе предвыборной борьбы, в ходе альтернативных, состязательных выборов, — смены власти. Местной, как было сказано. Но каков будет уровень этой местной власти — районной, городской, областной, краевой, Сталин не объяснил. Видимо, сознательно.

Общественные же организации вполне могли послужить решению той задачи, которую поставил Сталин. Стать — в лице своих центральных органов и местных отделений — формальным, юридическим основанием для выдвижения «своих» кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Обеспечить тем появление нескольких конкурирующих между собою претендентов на высокий пост парламентария, если пользоваться терминологией Молотова. Породить настоящую, а не фиктивную предвыборную борьбу и острейшую состязательность на самих выборах. А только к этому и стремился Сталин, его соратники по реформированию. Не к смене генерального курса на построение социализма, а всего лишь к уходу с политической сцены дискредитировавших себя партократов.

Четыре дня спустя интервью было опубликовано всеми газетами страны. Однако уверенность Сталина, прозвучавшая в беседе с американским журналистом, должна была быстро обернуться разочарованием. Ни пропагандистских материалов по поднятым им вопросам, ни панегирических или хотя бы просто положительных откликов, как обычно бывало

во всех подобных случаях, так и не последовало. Ни через день, ни через неделю, ни через месяц. Их подменили ничего не значащими подборками под рубрикой «мировая печать о беседе тов. Сталина», в которых рассматривались исключительно внешнеполитические аспекты интервью. Даже «Правда» откликнулась лишь один раз, 10 марта, да и то передовицей «Самый демократический строй в мире»:

«Новая советская Конституция и выборы на ее основе, в которых примут активное участие и наши партийные, и многочисленные общественные организации, сыграют огромную роль во все жизни и дальнейшей расцвете нашей родины. Выявятся еще новые десятки и сотни тысяч людей, выросших культурно и политически и способных выдвинуться на большую государственную работу. Выявятся и люди другого сорта — обюрократившиеся, не желающие или не умеющие работать в органах управления так, чтобы «сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной» (Сталин). Проверка массами советских органов на выборах будет вместе с тем, проверкой партией каждой партийной организации, проверкой того, насколько тесно связана та или иная организация с массами, насколько годных людей выдвинула она в органы управления, насколько умеет она отбирать и выращивать кадры управления, достойные сталинской эпохи расцвета социализма в советской стране».

На том обсуждение в советской печати важнейшего положения новой Конституции и основанных на ней выборов завершилось. И означало это лишь одно: не только широкое руководство, но даже часть аппарата ЦК — Агитпроп со Стецким и Талем, не приняли сталинской новации. Они не захотели хотя бы чисто формально одобрить опасную для слишком многих альтернативность при выборах. Ту состязательность, которая, как следовало из слов Сталина, лишний раз подчеркнутых «Правдой», напрямую угрожала положению первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов. Их реальной власти.

Партократия отказывалась принять сущность политических реформ, но выражала свое несогласие своеобразно — демонстративным замалчиванием базисного положения новой избирательной системы, с которым и выступил Сталин. Обозначила тем возникновение совершенно необычной по форме оппозиции — латентной. Ничем внешне не проявляемой. Но именно потому никто — ни узкое руководство, ни ПБ, ни КПК не могли при всем желании предъявить претензий или обвинения кому-либо из широкого руководства. Более того, при такой обструкции невозможно было доказать и наличие сговора, некоего идейного единства, которое и лежало всегда в основе любой оппозиции.

* * *

В интервью, которое Сталин дал Говарду, речь шла не только о новой Конституции, предстоящих выборах, много внимания Сталин уделил и международным проблемам. Положению, которое сложилось после захвата японскими войсками в конце 1935 года шести уездов монгольской провинции Чахар и создания там еще одного марионеточного режима во главе с монгольским князем Дэ. Угрозе, возникшей в результате происшедшего для Монгольской народной республики. И тут же перешел к ситуации в Европе.

«Имеются, по-моему, — заметил Сталин, — два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии… Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба существуют и действуют… Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу».

Сталин не ошибся в своем прогнозе. Еще 21 декабря 1935 года Андре Франсуа-Пенсе, посол Франции в Берлине, сообщил в Париж об имеющемся в Германии намерении в ближайшее время ввести части вермахта в Рейнскую демилитаризованную зону. Формальным же поводом для столь вопиющего нарушения международных договоров послужит франко-

советский пакт о взаимопомощи, который якобы нарушал Локарнские соглашения. Исходя из полученной информации, хотя и с большим опозданием, 3 марта Пьер Этьен Фланден, новый министр иностранных дел Франции, в Женеве вручил своему британскому коллеге Антони Идену ноту. Она извещала, что в случае нарушения Германией режима демилитаризованной зоны Франция немедленно объявит мобилизацию и введет в зону свои войска. Кабинет Стенли Болдуина решил рассмотреть это заявление 9 марта, однако действительность нарушила все планы.

Перед рассветом 7 марта германские войска вошли в Рейнскую зону. Заняли ее силами одной лишь дивизии, причем в таких стратегически важных городах, как Аахен, Трир и Саарбрюкен разместили всего по батальону. Так был осуществлен оперативный план «Шулунг», который разрабатывался в соответствии с директивой военного министра генерала-полковника фон Бломберга со 2 мая 1935 года. А в десять часов утра того же 7 марта министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрат пригласил к себе послов Великобритании — Фиппса, Франции — Франсуа-Пенсе, Италии — Аттолико, и уведомил их о том, что его страна отныне не связывает себя Локарнскими соглашениями. Правда, не обмолвился, что и Версальским договором, ибо именно статьи 42-я и 43-я последнего впервые установили запрет на присутствие рейхсвера, ставшего с 1935 года вермахтом, как на всем левом берегу Рейна, так и в 50-километровой зоне вдоль правого берега.

Гитлер, отдавая приказ об осуществлении плана «Шулунг», заведомо блефовал. Позднее он признался: «Сорок восемь часов после марша в рейнскую зону были самыми драматичными в моей жизни. Если бы французы вошли тогда в Рейнскую зону, нам пришлось бы удирать, поджавши хвост, так как военные ресурсы наши были недостаточны для того, чтобы оказать даже слабое сопротивление». Однако Париж, несмотря на недавнюю решимость любой ценой отстаивать свои интересы, бездействовал. Выжидал реакции второго гаранта Версальского договора — Великобритании, кабинета Болдуина. Не дождавшись от того никаких вестей, четыре дня спустя Фланден прилетел в Лондон, где стал умолять членов британского правительства поддержать намерения Франции, еще не отказавшейся окончательно от военной акции, но натолкнулся на отказ и смирился с ним. Гитлер во второй раз оказался безнаказанным.

Лондон и Париж не использовали последний, как показали дальнейшие события, остававшийся у них шанс остановить агрессора, предотвратить войну. Мало того, продемонстрировали своим союзникам в Восточной Европе — СССР, Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии, что будут и впредь избегать обострения отношений с Германией, столкновения с нею. Продолжают и, скорее всего, будут продолжать порочную политику умиротворения. И все же во Франции пока еще не предали забвению договор с Москвой. Сенат, долгое время под всеми возможными предлогами оттягивавший его обсуждение, под влиянием взрывоопасной ситуации, возникшей на восточной границе, 12 марта, наконец, ратифицировал его.

Но все же чтобы лишний раз уточнить позицию СССР при изменившемся столь радикально положении, в Москву направился Шастенэ, главный редактор ведущей парижской газеты «Тан». 16 марта встретился с заместителем наркома иностранных дел Н.Н. Крестинским, чтобы услышать от него ответ на вопрос, более всего волновавший французов: каким образом Советский Союз окажет «Франции военную помощь в случае нападения на нее Германии». Получил же странный, несколько уклончивый ответ. Крестинский заявил: «…Вопрос конкретно между генеральными штабами обеих стран еще не обсуждался и, очевидно, при обсуждении они должны будут по этому поводу договориться. Конечно, для оказания помощи Франции нам пришлось бы согласовать свои действия с другими союзниками Франции в Европе. Мне кажется, однако, что на помощь Польши рассчитывать трудно».

Шастенэ возразил замнаркому, что тот «не учитывает того, что Польша, которую он только что посетил и которая продолжает считать себя союзником Франции, в случае

нападения Германии на Францию выступит против Германии». А потому его, журналиста, очень интересует, «как Советский Союз в этом случае сможет поддержать Польшу». И вновь не услышал ничего определенного. Крестинский ответил так, будто пакт еще не был заключен, лишь обсуждался: «…Подобное выступление Польши мне представляется сомнительным, но если польские войска действительно выступили бы против Германии, то мы могли бы на первом этапе войны поддержать их снабжением и таким образом совместными усилиями оттянуть часть немецких войск от Франции. Такая помощь на первом этапе войны помогла бы нам выиграть время для того, чтобы затем оказать Франции помощь более отдаленными и длинными путями».

Не удовлетворенный услышанным, 19 марта Шастенэ встретился с Молотовым и также взял у него интервью. Оно же прозвучало весьма убедительным и обнадеживающим.

«Шастенэ. В случае, если бы Германия предприняла нападение на западе и в случае, если бы Польша осталась нейтральной, какую помощь мог бы СССР практически оказать Франции? Вопрос имеет немного стратегический характер. По-видимому, помощь со стороны СССР означала бы помощь со стороны Румынии и Чехословакии. Нейтралитет Польши, однако, в значительной степени затруднил бы действия СССР. Как практически могла бы быть осуществлена советская помощь Франции?

Молотов. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы знать конкретную обстановку, в которой пришлось бы его решать. Вся помощь, необходимая Франции в связи с возможным нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не содержит никаких ограничений в этом отношении, Франции была бы оказана со стороны Советского Союза. Помощь была бы оказана в соответствии с этим договором и политической обстановкой в целом».

Подтверждая готовность СССР полностью выполнить все положения договора и начать боевые действия против нацистской Германии, Вячеслав Михайлович должен был учитывать и то, как развивались события, начиная с 7 марта. И только потому он заявил: «Главное направление, определяющее политику советской власти, считает возможным улучшение отношений между Германией и СССР. Разумеется, для этого могут быть разные пути. Один из лучших — вхождение Германии в Лигу Наций, при том, однако, условии, чтобы Германия на деле доказала, что она будет соблюдать свои международные обязательства в соответствии с действительными интересами мира в Европе и интересами всеобщего мира».

Схожую по сути мысль повторила и направленная Литвинову, находившемуся в те дни в Лондоне, директива ПБ от 22 марта. Она рекомендовала главе советского внешнеполитического ведомства использовать переговоры стран-участниц Локарнского соглашения, проходившего в британской столице, для того, чтобы предложить Германии присоединиться к франко-советскому пакту. Сделать это «в том расчете, чтобы Англия, Франция или Германия сами вынуждены были предложить в качестве компромисса пакт о ненападении между СССР и Германией. В этом случае Вы могли бы согласиться на этот пакт, имея в виду, что пакт о ненападении есть в то же время пакт о неоказании какой-либо поддержки агрессору, и что пакт теряет силу, если одна из сторон нападает на третье государство».

Таким образом Советский Союз решил подстраховать себя. Обеспечить собственную безопасность на тот случай, если бы Германия напала бы лишь на СССР, а Франция не стала бы спешить с той военной помощью, которую призвана была оказать в соответствии с пактом. Осталась бы на позиции умиротворения.

Однако к столь крайней мере прибегать в те дни не пришлось. Интервью, данное Молотовым и выразившее твердую позицию СССР, его безусловную готовность придти на помощь своему союзнику даже в случае нейтралитета Польши, сыграло свою роль. 27 марта в Париже произошло то, чего Москва ожидала почти год. Фланден и Литвинов обменялись

ратификационными грамотами франко-советского договора, что в соответствии с международным правом и узаконивало вступление его в силу. А 1 апреля и правительство Великобритании официально гарантировало Франции свою военную помощь при нападении на нее Германии.

Так в Европе возникла, наконец, хотя и сложная, громоздкая, но все же выглядевшая достаточно надежной новая система безопасности. Система, призванная сдержать агрессивные устремления нацистов, но в основе которой лежали интересы только Франции. Ведь лишь она одна отныне была связана договорами о взаимопомощи — отдельно с Великобританией, СССР, странами Малой Антанты. В этом-то и заключался основной порок возникшей системы безопасности: она целиком и полностью зависела от воли к сопротивлению только Парижа.

Но, пожалуй, все эти весьма нелегкие проблемы отступили на второй план, перестали, выглядеть столь уж неразрешимыми, ибо начал претворяться в жизнь призыв VII конгресса Коминтерна, выдвинутый год назад — к единству действий социалистов и коммунистов в рядах единого фронта для совместной борьбы против фашизма и угрозы войны. Народные фронты, на которые столь рассчитывали в Кремле, становились реальностью и вскоре могли в корне изменить политическую ситуацию в Европе.

16 февраля в Испании прошли вторые после провозглашения республики выборы в кортесы (парламент). Победу на них одержал созданный после нелегких переговоров Народный фронт, объединивший Социалистическую рабочую партию, Левых республиканцев, Республиканский союз, Коммунистическую и Каталонскую националистическую партии. Фронт получил 237 мест, в то время как правые и монархическая партии, а также беспартийные центристы и примыкавшая к ним Баскская националистическая партия только 173. Через день президент Испании Алкала Самора поручил лидеру Левых республиканцев Мануэлю Асанье сформировать правительство. Первое в истории правительство Народного фронта.

Еще большее значение должны были иметь очередные парламентские выборы во Франции, проходившие в два тура — 26 апреля и 3 мая. Они также принесли убедительную победу Народному фронту. В палату депутатов было избрано 146 социалистов, 116 радикалов, 72 коммуниста и 26 представителей Социалистического рабочего союза. Они получили 370 мест из 594. Правда, только 4 июня, по истечении срока полномочий нижней палаты парламента прошлого состава, главой правительства стал Леон Блюм, лидер Социалистической партии. Он предложил коммунистам войти в правительство, однако лидеры КПФ решили вопрос отрицательно.

* * *

Бурные, драматические события, потрясавшие Европу весной, отнюдь не заставили узкое руководство отказаться даже на время от подготовки задуманной политической реформы. От обеспечения, в частности, предельно возможного волеизъявления всего населения страны в ходе будущих выборов. И дабы ни у кого уже не оставалось сомнения ни в неизбежности, ни в направленности грядущих перемен, еще до завершения работы над проектом новой конституции были отменены некоторые принципиальные классовые ограничения, введенные еще в период революции.

30 декабря 1935 года «Известия» опубликовали постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», содержание которого значило очень много для тысяч юношей и девушек. Принятое накануне, 29 декабря, оно гласило:

«1. Отменить установленные при допущении к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей.

2. В высшие учебные заведения и техникумы, состоящие в ведении народных комиссариатов СССР, народных комиссариатов союзных республик или иных учреждений и организаций, принимать всех граждан обоего пола, выдержавших установленные для поступления в эти учебные заведения испытания».

Тот же официоз опубликовал еще одно, столь же значимое постановление, но уже только ЦИК СССР:

«Учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс советского казачества наравне со всеми трудящимися Советского Союза активным образом включиться в дело обороны страны, Центральный Исполнительный комитет Союза ССР постановляет: отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии, кроме лишенных прав по суду».

Кроме того, при утверждении проекта этого постановлена в ПБ, по предложению Ворошилова, восстанавливались казачьи части с их старой традиционной формой — цветными околышами фуражек и лампасами, с папахами, кубанками и бешметами. 10-я территориальная кавказская дивизия становилась 10-й Терско-Ставропольской казачьей, 12-я кавказская — 12-й Кубанской казачьей, началось формирование 4-й и 13-й донских и 6-й Кубано-Терской казачьих дивизий.

Своеобразная реабилитация не ограничилась только казачеством. 15 января ПБ, по предложению А.Я. Вышинского, своим решением поручило Верховному суду, Прокуратуре и НКВД СССР создать региональные комиссии для «проверки правильности применения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года». То есть указа «Об охране социалистической собственности», который обрушился, в основном, на крестьян. ПБ потребовало также возбудить ходатайства о смягчении наказания или о досрочном освобождении осужденных. Только за шесть последующих месяцев краевые и областные комиссии рассмотрели 115 тысяч дел, 91 тысячу из них признали «неправильными» и на том основании освободили от дальнейшего отбывания наказания свыше 37 тысяч человек.

Не удовлетворенный такими результатами, в апреле А.Я. Вышинский снова направил Сталину и Молотову записку, доказывая, что в ряде регионов комиссии работают недостаточно хорошо. И в подтверждение привел следующие данные: за два года судимость была снята с 768 989 человек, в том числе с 29 июля 1935 года, когда ПБ и приняло в первый раз соответствующее предложение Андрея Януарьевича, по 1 марта 1936 года — с 556 790 человек. Но если в целом по Союзу отказы при пересмотре дел составили 5 процентов, то в Северо-Кавказском крае, Ленинградской и Ивановской областях они оказались непропорционально высокими: 21,7; около 20; 12,2 процента соответственно. Согласившись с мнением Вышинского, 8 мая ПБ потребовало от прокуроров указанных регионов «принять необходимые меры к исправлению неправильных решений на местах».

Всеми этими решениями и постановлениями группа Сталина упорно стремилась к одной из важнейших по возможным результатам цели: принципиальному изменению массовой базы избирателей. Загодя, еще до принятия новой Конституцией основанного на ней избирательного закона, они хотели предельно расширить круг лиц, кому вернули гражданские права.

Часть 9

Продолжение борьбы за изменение конституции

В течение четырех дней, с 17 по 19 и 22 апреля 1936 года, Сталин вместе с Яковлевым, Стецким и Талем обсуждали «Черновой набросок» проекта Конституции, вносили в него последние исправления. Так, определение советского общества как «государства свободных тружеников города и деревни» заменили на иное, более отвечавшее марксизму — «социалистическое государство рабочих и крестьян». Ввели отсутствовавшую ранее статью, устанавливавшую, что политическую основу СССР «составляют Советы рабочих и крестьянских

депутатов», а экономическую — «общественное хозяйство», «общественная социалистическая собственность». При корректировке текста усилили роль союзного государства в ущерб правам союзных республик, расширив компетенцию Верховного Совета СССР. Кроме того, изменили нормы представительства в Совет Союза и принцип формирования Совета Национальностей. Новый вариант, возникший в результате напряженной работы, получил название «Первоначальный проект Конституции СССР» и 30 апреля был разослан членам ПБ и конституционной комиссии.

Заседание последней состоялось 15 мая. Она официально одобрила проект основного закона страны и единогласно «постановила внести его на рассмотрение ближайшей сессии. ЦИК СССР». Тогда же комиссия избрала секретарем Я.А. Яковлева вместо И.А. Акулова.[124] Но еще за два дня до того, 13 мая, ПБ приняло традиционное в таких случаях решение: «I. Назначить Пленум ЦК на 1 июня. 2. Утвердить порядок дня пленума ЦК: 1) Конституция СССР (докладчик т. Сталин). 2) Об уборке и сельскохозяйственных заготовках (докладчики тт. Чернов, Калманович, Микоян, Клейнер). 3) Текущие дела».[125]

Как и предусматривалось, Пленум ЦК ВКП(б) открылся 1 июня. Перед началом первого заседания все его участники получили проект новой Конституции и смогли ознакомиться с ним. И даже при беглом чтении не могли не заметить того, что отличало его от достаточно хорошо знакомого всем старого основного закона.

Исчез, напрочь отсутствовал первый раздел — «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических республик». Наиболее идеологизированная часть Конституции, с нескрываемой устремленностью лишь к одному — к мировой революции с ничем не подкрепленной уверенностью в ее победе.

Изъятием «Декларации» коренные перемены не ограничивались. Проект новой Конституции менял суть всего, что содержалось и во втором разделе старой. Особенно необычным выглядело то, что вошло в главу «Избирательная система», о которой столько раз заявляли как о самым главном Молотов и Сталин.

Согласно статьям 9 и 10 Конституции 1924 года, верховный орган власти, Съезд Советов СССР, составлялся «из представителей городских Советов и Советов городских поселений — по расчету один депутат на 25 000 избирателей, и представителей сельских Советов — по расчету один депутат на 125 000 жителей».[126] Таким нескрываемым неравенством юридически закреплялись классовый характер политического строя, диктатура пролетариата, его правовые преимущества и руководящая роль по отношению к крестьянству.

Избрание же делегатов на Съезд Советов СССР проводился не населением страны непосредственно, а своеобразными выборщиками: «а) непосредственно на съездах Советов союзных республик, не имеющих краевого и областного деления; б) на краевых и областных съездах Советов в союзных республиках, имеющих краевое и областное деление; в) на съездах Советов советских социалистических республик Азербайджана, Грузии и Армении и на съездах Советов автономных республик и областей, как входящих, так и не входящих в состав краевых и областных объединений».[127] Именно такая система и давала, помимо прочего, первым секретарям крайкомов и обкомов их властные полномочия.

Теперь же статья 134-я провозглашала: выборы «производятся избирателями на основе всеобщего, равного… и прямого избирательного права, при тайном голосовании», а статьи со 135 по 140-ю раскрывали столь необычные для страны, ее населения понятия «всеобщее», «независимое от… социального происхождения и прошлой деятельности», «равное», «прямое» и «тайное». Кандидаты при выборах выставлялись не по производственному принципу — от фабрик, заводов, шахт и т. п., как ранее, а от избирательных территориальных округов. Право же выставления кандидатов обеспечивалось «за общественными организациями и обществами трудящихся; коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами,

кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами». Так формулировалось то, о чем Сталин три месяца назад сказал Рою Говарду.

В целом новая избирательная система лишала права влиять на формирование высшего органа советской власти первых секретарей крайкомов и обкомов, прежде автоматически обеспечивавших себе не только депутатство на Съезде Советов СССР, но и столь же непременное вхождение в состав его органа, действовавшего между съездами — ЦИК СССР.

Фиксировал предлагаемый на обсуждение пленума проект и иные, столь же принципиально важные изменения. Так, статья 17-я старого основного закона подчеркивала, что ЦИК СССР «объединяет работу по законодательству и управлению Союза Советских Социалистических Республик и определяет круг деятельности Президиума Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик». Новая же Конституция предлагала установить четкое разделение власти на две ветви. Статья 32-я ее гласила: «Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным советом СССР», а статья 64-я устанавливала, что «Высшим исполнительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет народных комиссаров СССР». Последний, в соответствии со статьей 65-й, был «ответственен перед Верховным советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного совета — перед Президиумом Верховного совета СССР, которому подотчетен».

Имелось в проекте и еще одно не менее значимое нововведение. Впервые декларировались независимость судей, подчиненность их только закону и открытость разбирательств во всех судах, а также устанавливалось избрание народных судей «гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании» (статьи 109, 111 и 112).[128]

Единственной осталась в прежнем виде такая норма, как непостоянность работы будущего советского парламента. Если прежде сессии ЦИК СССР должны были собираться не менее трех раз между съездами, то есть каждые восемь месяцев, то теперь сессии уже Верховного совета предполагалось созывать два раза в году.

* * *

Свой доклад на Пленуме Сталин начал с цитирования полностью, без каких-либо купюр, всех без исключения документов, послуживших основанием для подготовки проекта новой Конституции. Зачитал решения и Пленума ЦК от 1 февраля. 1935 года, и VII съезда Советов СССР от 6 февраля, и сессии ЦИК от 7 февраля. Затем Сталин остановился на том, что, по его мнению, и предопределило необходимость новой Конституции.

Изменения в области экономики: «…Мы имеем теперь последний период нэпа, конец нэпа»… Промышленность наша уже преобразовалась на основе новой техники… обогащена новыми, невиданными ранее в СССР отраслями хозяйства и реконструирована на базе социализма… В области сельского хозяйства вместо необъятного океана единоличных крестьянских хозяйств с их слабой средневековой техникой и засильем кулака, мы имеем теперь самое крупное в мире, машинизированное, вооруженное новой техникой сельское хозяйство в виде системы колхозов и совхозов… Купцы и спекулянты изгнаны вовсе из товарооборота. Весь товарооборот теперь в руках государства, кооперации и колхозов… Эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована… В результате всех этих изменений в области народного хозяйства за период от 1924 года до настоящего времени мы имеем новое, социалистическое общество, не знающее кризисов, не знающее безработицы, не знающее нищеты и разорения и дающее все возможности для зажиточной и культурной жизни всех членов советского общества».

Изменения в области классовой структуры: «…Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют, по старой памяти, пролетариатом. Но едва ли его можно назвать пролетариатом в собственном смысле слова… Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, то есть организованному в государство рабочему классу… Можно ли после этого назвать рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя… Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. Во-первых, у нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьянство… Во-вторых, наше советское крестьянство есть колхозное крестьянство… В-третьих, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность… Изменился состав интеллигенции… самый характер деятельности интеллигенции… Она является теперь равноправным членом общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового, бесклассового социалистического общества».

Изменения в области взаимоотношений народов СССР: «Народы СССР, считавшиеся раньше отсталыми, перестали быть отсталыми, они идут вперед, крепнет их экономика, растет их культура, растут их национальные кадры, партийные и советские, и сообразно с этим растет их политическое сознание, крепнут узы дружбы и интернационализма между народами СССР. Исходя из этих изменений, конституционная комиссия сочла возможным поставить вопрос о целесообразности перевода ряда автономных республик в разряд союзных республик, это Казахская, Киргизская, Азербайджанская, Грузинская и Армянская республики… Конституционная комиссия пришла к выводу о необходимости перевода Кабардино-Балкарской, Коми, Марийской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных областей в разряд автономных республик».

Далее Сталин обосновал необходимость разделения единой власти на законодательную и исполнительную, а завершил доклад сугубо пропагандистским аспектом проблемы — значением новой Конституции. Подчеркнул, что «проект новой Конституции представляет нечто вроде кодекса основных завоеваний рабочих и крестьян нашей страны… послужит величайшим рычагом для мобилизации народа на борьбу за новые достижения, за новые завоевания… Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и вселяет законную гордость. Но для рабочих тех стран, где у власти не стоят еще рабочие, и где господствующей силой является капитализм, наша Конституция может послужить программой борьбы, программой действий».

Теперь, чтобы выступить против содержания проекта, основных его статей, сначала следовало доказать: страна не изменилась, осталась такой же, какой была двенадцать лет назад. Разумеется, на столь отчаянный, даже безумный шаг отважиться никто не мог. Потому-то на вопрос председательствующего Молотова «Есть ли желающие высказаться? Прошу записываться», из зала донеслись голоса: «Перерыв, перерыв, надо подумать», которые в официальной стенограмме были исправлены на «Вопрос ясен. Обсуждать нечего. Давайте лучше перерыв».[129] Но и после перерыва никто активности не проявил, не пожелал выступить.

«МОЛОТОВ: Есть ли желающие высказаться по докладу? Прошу записываться. Может быть там РСФСР, Украина, Закавказье, Средняя Азия?

ГОЛОСА: Мы все довольны (вычеркнуто). Не нужно прений. Вопрос ясен. Давайте голосовать.

МОЛОТОВ: Довольны? (вычеркнуто). Тогда разрешите предложить проект резолюция. Пункт первый: одобрить в основном проект Конституции СССР, представленный конституционной комиссией ЦИК СССР. Второй пункт: считать целесообразным созыв Всесоюзного съезда Советов для рассмотрения проекта Конституции СССР. Третий пункт: предложить руководящим центрам РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении,

Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии немедленно приступить к выработке проекта своих конституций, а также конституций автономных республик применительно к проекту Конституции СССР. Есть ли какие-нибудь дополнения или поправки?

ГОЛОСА: Принять!».

Так неожиданно всплыла, ничем не мотивированная ни Сталиным, ни Молотовым, ранее не зафиксированная в решениях ПБ смена того форума, на котором проект должен был быть принят. Решение VII съезда Советов СССР предусматривало: «внести его на утверждение сессии ЦИК Союза ССР», а конституционной комиссии от 15 мая — «на ближайшей сессии ЦИК СССР», то есть на остававшейся последней для данного созыва — третьей, которая согласно еще действовавшей Конституции должна была собраться осенью, самое позднее — в декабре текущего года. Вполне возможно, вновь проявившаяся латентная оппозиция широкого руководства вынудила группу Сталина во время перерыва и решить вынести принятие своего проекта не на узкое собрание, которым являлась сессия и где численно превалировали все те же первые секретари крайкомов и обкомов, а на более многочисленное, где шансов на успех было гораздо больше.

Видимо, именно поэтому в коротком заключительном слове докладчик сосредоточил внимание только на сроках принятия Конституции.

«СТАЛИН: Видимо, дело пойдет так, что, скажем, ко второй половине июня президиум ЦИК СССР соберется и одобрит в основном проект Конституции или не одобрит — это его дело. И если одобрит, то примет решение насчет того, чтобы созвать съезд Советов для рассмотрения проекта Конституции. Ну, скажем, в ноябре, раньше ноября едва ли целесообразно.

ГОЛОСА: Правильно.

СТАЛИН: В начале ноября или в середине ноября.

ГОЛОС: В середине ноября.

СТАЛИН: Президиум имеет право передать рассмотрение проекта Конституции более высшему органу, чем сессия ЦИК. А коль скоро это решится, то скоро будет опубликован проект Конституции. Значит, для обсуждения в прессе проекта Конституции у нас будет июль, август, сентябрь, октябрь — четыре месяца. Люди могут обсудить, рассмотреть проект, обмозговать его с тем, чтобы на съезде Советов в середине ноября принять или не принять его для того, чтобы не получилось такого положения, что в ноябре у нас будет Верховный совет СССР вместо ЦИК, а в союзных республиках будут по-старому существовать ЦИКи, и чтобы этого неудобства не случилось, чтобы на долгое время оно не продлилось, придется дело поставить так, чтобы немедленно взялись за выработку своих конституций применительно к нашему проекту Конституции, а также за выработку конституций автономных республик с тем, чтобы после Всесоюзного съезда Советов, скажем, через месяц созвать свои республиканские съезды и там уже иметь готовые республиканские проекты для обсуждения и утверждения. На этих же съездах нужно создать свои верховные органы, республиканские верховные Советы. Это для того, чтобы не получилось большого интервала между созданием Верховного совета СССР и верховных Советов союзных и автономных республик.

ГОЛОС: Товарищ Сталин, выборы пока что по-старому проводим?

СТАЛИН: Очевидно, да.

МОЛОТОВ: Приступить к выработке проекта Конституции с тем, чтобы в сентябре можно было созвать съезд (в правленной стенограмме — «Предлагается окончательно закончить выработку проектов республиканских конституций в сентябре»).

СТАЛИН: В середине сентября.

ПЕТРОВСКИЙ: Не позднее десятого.

ЛЮБЧЕНКО: Нельзя ли созвать Всесоюзный съезд первого декабря, тогда вторая половина ноября пойдет на выборы.

МОЛОТОВ: Окончательно закончить выработку к сентябрю.

ЛЮБЧЕНКО: Нельзя ли съезд созвать в первых числах декабря, тогда вторая половина ноября посвящается выборам, и в районах, и в областях это есть более или менее подходящее время для большинства, более свободное время от самых напряженных работ, в частности у нас на Украине и свекла, и сев, и хлеб.

МОЛОТОВ: Надо записывать это?

СТАЛИН: Это Президиум (ЦИК СССР. — Ю. Ж.) решит.

МОЛОТОВ: Возражений нет? Считаю принятым».[130]

* * *

Линия поведения, избранная широким руководством — демонстративное равнодушие к новой Конституции, столь весомо продемонстрированная в ходе работы Пленума, вскоре проявилась вновь. 11 июня Президиум ЦИК СССР принял постановление, одобрившее проект Конституции, но назначившее созыв Всесоюзного съезда Советов на 25 ноября,[131] а не на начало или середину месяца, как того добивались Сталин и Молотов. Через день все газеты страны опубликовали проект нового Основного закона, а 14 июня ввели предусмотренную докладом Сталина рубрику «Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР», где стали помещать отклики граждан: рабочих, крестьян, инженеров, врачей, учителей, красноармейцев, командиров Красной армии. Кого угодно, но только не членов широкого руководства. Исключением стали статьи в «Правде» всего лишь двух первых секретарей крайкомов, Закавказского — Л.П. Берии (12 июня) и Сталинградского — И.М. Варейкиса (6 июля). Первая из них, случайно или сознательно содержала довольно примечательную фразу, раскрывавшую затаенные опасения узкого руководства. «Нет сомнения, — писал Берия, — что попытки использовать новую Конституцию в своих контрреволюционных целях будут делать и все заядлые враги советской власти, в первую очередь из числа разгромленных групп троцкистов-зиновьевцев».[132]

Подчеркнуто уклонились от обсуждения первые секретари ЦК компартий Белоруссии Н.Ф. Гикало и Армении А. Ханджян. Опубликовали в «Правде» (25 и 27 июня соответственно) экономико-географические очерки о своих республиках. Н.С. Хрущев, первый секретарь МК, нашел, что несомненный интерес для читателей представляет содержание подписанной его именем статьи «Как мы организовали Дом пионеров и детские парки» (29 июня). Первый секретарь Винницкого обкома В.И. Чернявский счел необходимым обратиться к перспективе урожайности в области, зерновых и свеклы (1 июля), а донецкого обкома С.А. Саркисов — к проблеме технологии добычи угля (4 июля).

Члены широкого руководства не желали объяснять причину, побудившую их занять именно такую, отстраненную позицию, однако она была понятна очень многим, и не только сталинской группе. Известный писатель М.М. Пришвин, давно отошедший от политики (до революции он примыкал к эсерам), в своем дневнике, который он вел двадцать два года, записал 22 июня 1936 года: «Спрашиваю себя, кто же этот мой враг, лишающий меня возможности быть хоть на короткое время совсем безмятежным? И я отвечаю себе: мой враг — бюрократия, и в новой Конституции я почерпну себе здоровье, силу, отвагу вместе с народом выйти на борьбу с этим самым страшным врагом всяческого творчества».

Складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, все члены ЦК дружно проголосовали за проект Конституции, но с другой стороны, никто из них не выступил открыто в ее поддержку, что стало все больше и больше напоминать откровенный саботаж. Они не

дали ни в свою газету — центральный орган своей партии, ни в какую-либо другую, ни одной статьи, пропагандирующей достоинства демократии и советского парламентаризма, разъясняя их населению страны.

* * *

Группе Сталина приходилось срочно оценить серьезность ситуации, в которой она оказалась. Оценить и выработать ответные меры, соответствующие навязываемым правилам игры. Судя по дальнейшим событиям, узкое руководство вновь, как и в начале 1935 года, решило нанести упреждающий удар. Такой, который продемонстрировал бы и непреклонность его намерений, и то, что может ожидать его противников в случае продолжения противостояния. Возобновило опасную игру с огнем, непредсказуемую по своим последствиям.

Уже 19 июня, несомненно — по указанию свыше, НКВД и прокуратура продолжили работу «по немедленному выявлению и полнейшему разгрому троцкистских сил». Подготовили и представили на утверждение ПБ список наиболее опасных троцкистов, включавший 82 фамилии, которым можно было бы предъявить обвинение в подготовке террористических актов. Не ограничиваясь тем, Вышинский поставил вопрос о необходимости повторного процесса по делу Зиновьева и Каменева.

Узкое руководство, скорее всего, учитывая ход обсуждения Конституции, решило не распылять сил. Нанести окончательный, по возможности, удар по Троцкому, а также по сторонникам и Троцкого, и Зиновьева.

Вести допросы только что арестованных и передопросы тех, кто уже находился в заключении, поручили крупным работникам НКВД. Первому заместителю наркома Я.С. Агранову, первому заместителю начальника иностранного отдела ГУГБ В.Д. Берману, заместителю начальника СПО ГУГБ Г.С. Аюшкову, заместителю начальника управления НКВД по Московской области А.П. Радзивиловскому, заместителю начальника СПО того же управления П.Ш. Симановскому. Они успешно справились с заданием, и уже 29 июля узкое руководство смогло — от имени ЦК — утвердить «Закрытое письмо», извещавшее всех членов партии об обезвреженной антисоветской организации, «троцкистско-зиновьевском блоке». Сводилось же «Письмо» фактически к трем пунктам.

Первое. В текущем году НКВД раскрыл несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах. Ими руководил троцкистско-зиновьевский блок, созданный в 1932 году. Его возглавляли Г.Е. Зиновьев и известные его сторонники, Л.Б. Каменев, И.П. Бакаев, Г.Е. Евдокимов, Куклин, троцкисты И.Н. Смирнов, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян.

Второе. Задачей блока являлись террористические акты против С.М. Кирова, И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, П.П. Постышева и А.А. Жданова — членов и кандидатов в члены ПБ. Конечная же цель была такова: «одновременное убийство ряда руководителей парии в Москве, Ленинграде, на Украине, что расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти».

Третье. Так как верхушка блока уже находилась в тюрьмах, все руководство террористической деятельностью в СССР взял на себя Троцкий. Однако, не располагая опорой внутри страны, он забрасывает в СССР террористов, заведомо зная об их связях с гестапо.

После изложения всего этого, «Письмо» приходило к однозначному выводу: «ЦК ВКП(б) считает необходимым… еще раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, приковать внимание к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности… Все парторганизации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом

участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

* * *

Две недели потребовалось руководству НКВД и Вышинскому, чтобы подготовиться к намеченному процессу — открытому, показательному, призванному своей подчеркнутой гласностью убедить в справедливости обвинений, предъявляемых Троцкому и Зиновьеву, не только мировое коммунистическое движение население Советского Союза, но и мировую общественность. «Из представителей печати, — сообщали Ежов и Каганович 17 августа 1936 года Сталину, — на процесс допускаются: а) редакторы крупнейших центральных газет, корреспонденты «Правды» и «Известий»; б) работники ИККИ и корреспонденты для обслуживания иностранных коммунистических работников печати; в) корреспонденты иностранной буржуазной печати. Просятся некоторые посольства». На следующий день они получили ответ из Сочи: «Согласен, Сталин».[133]

15 августа 1936 года все советские газеты опубликовали сообщение «В прокуратуре СССР», известившее о «раскрытии ряда террористических троцкистско-зиновьевских групп», действовавших «по прямым указаниям находящегося за границей Л. Троцкого». О том, что «следствие по этому делу закончено. Обвинительное заключение утверждено прокурором Союза ССР и направлено с делом в военную коллегию Верховного суда Союза ССР для рассмотрения, согласно постановлению ЦИК СССР от 11 августа с.г., в открытом заседании».

Процесс открылся 19 августа. Тогда-то и обнаружилось, что число упомянутых в «Закрытом письме» обвиняемых вдвое больше тех, кто оказался на скамье подсудимых. В том, безусловно, и проявилась тщательная подготовка — отбор для открытого суда только тех, кто был непосредственно связан с террористическими троцкистскими группами. Подсудимых оказалось шестнадцать: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.П. Бакаев, Г.Е. Евдокимов, И.Н. Смирнов, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, Е.А. Дрейцер, Р.В. Пикель, К.И. Рейнгольд, Э.С. Гольцман, И.Д. Круглянский, В.П. Ольберг, К.Б. Берман-Юрин, М.И. Лурье, Н.Л. Лурье.

Из Москвы Каганович и Ежов телеграфировали 19 августа Сталину в Сочи: «Суд открылся в 12 часов… Зиновьев заявил, что он целиком подтверждает показания Бакаева о том, что последний докладывал Зиновьеву о подготовке террористического акта над Кировым и, в частности, о непосредственном исполнителе Николаеве…». 20 августа: «Каменев при передопросах прокурора о правильности сообщаемых подсудимым фактах, подавляющее большинство их подтверждает… Некоторые подсудимые, и в особенности Рейнгольд, подробно говорили о связях с правыми, называя фамилии Рыкова, Томского, Бухарина, Угланова. Рейнгольд, в частности, показал, что Рыков, Томский, Бухарин знали о существовании террористических групп правых… Мы полагаем, что в наших газетах при опубликовании отчета о показаниях Рейнгольда не вычеркивать имена правых. Многие подсудимые называли запасной центр в составе Радека, Сокольникова, Пятакова, Серебрякова, называя их убежденными сторонниками троцкистско-зиновьевского блока. Все инкоры (иностранные корреспонденты. — Ю. Ж.) в своих телеграммах набросились на эти показания как на сенсацию и передают в свою печать. Мы полагаем, что при публикации отчета в нашей печати эти имена также не вычеркивать».

Действительно, на следующий день газеты с новыми именами врагов появились в продаже. Один из них, М.П. Томский, в тот же день, 22 августа, на партсобрании возглавляемого им издательства покаялся в своих преступных связях с подсудимыми по процессу 16-ти, а следующим утром на даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством.[134]

Из Москвы Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Ежов телеграфировали 24 августа Сталину: «Политбюро предложило отклонить ходатайство (о помиловании. — Ю. Ж) и приговор привести в исполнение сегодня ночью. Завтра опубликуем в газетах об отклонении ходатайства осужденных и приведении приговора в исполнение». Сочи, Сталин, 24 августа: «Согласен».[135]Все шестнадцать подсудимых в соответствии с приговором были расстреляны.

Между тем, уже 16 августа в «Правде» появилась корреспонденция из Азербайджана о том, что газета «Бакинский рабочий» покрывает троцкистов. 19 августа — обширный, на два подвала, материал за подписью Л.П. Берии о разоблачении первого секретаря ЦК компартии Армении А. Ханджяна, который был в прошлом тесно связан с покончившим самоубийством еще полтора года назад В.В. Ломинадзе. 23 августа — сообщения об обличительно-разоблачительных партактивах, прошедших в Москве и Киеве, на которых с докладами выступили Н.С. Хрущев и П.П. Постышев. 22 августа — репортаж с московского завода «Динамо», рабочие которого потребовали «расследовать связи Томского — Бухарина — Рыкова и Пятакова-Радека с троцкистско-зиновьевской бандой».

Тогда же поспешили отмежеваться от обвиняемых и от своего недавнего вождя Троцкого его самые близкие сподвижники. 21 августа в «Правде» появились статьи «Не должно быть никакой пощады!» Х.Г. Раковского, «Беспощадно уничтожать презренных убийц и предателей» Г.Л. Пятакова, в «Известиях» — «Троцкистско-зиновьевско-фашистская банда и ее гетман Троцкий» К.Б. Радека, 24 августа в «Правде» — ««За высшую меру измены и подлости — высшую меру наказания» Е.А. Преображенского.

Но все их попытки обелить себя оказались неудачными. С 26 июля по 16 сентября тихо, без малейшей огласки арестовали первого заместителя наркома тяжелой промышленности Г.Л. Пятакова, заместителя наркома легкой промышленности Г.Я. Сокольникова, заместителя наркома путей сообщения Я.А. Лившица, начальника Главхимпрома НКТП С.Л. Ратайчака, замначальника Цудортранса Л.П. Серебрякова, заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К.Б. Радека, первого секретаря ЦК компартии Армении А. Ханджяна, заместителей командующих войсками военных округов: Ленинградского — В.М. Примакова, Харьковского — С.Л.Туровского; военного атташе в Великобритании В.К. Путну, а также других когда-то открытых троцкистов, в том числе Л.С. Сосновского и Н.А. Угланова.

В то же время под подозрение в связях с троцкистами и правыми попадает и глава НКВД Ягода. Доверия к нему у Сталина уже не было — ведь за полтора года он так и не довел до конца «Кремлевское дело», а также, несмотря на полугодовую подготовку, мало что сумел решить и августовским процессом. То, что на этом процессе вдруг всплыли имена и троцкистов — Пятакова, Сокольникова, Радека, Серебрякова, и «правых» — Бухарина, Рыкова, Томского, оказалось заслугой отнюдь не следователей Лубянки, а государственного обвинителя А.Я. Вышинского и основного куратора подготовки и ведения процесса — Н.И. Ежова.

25 сентября 1936 года Сталин и Жданов направляют телеграмму в Москву: «ЦК ВКП(б) Тт. Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК. Первое. Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнуделом. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока ОГПУ, опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей наркомвнудела. Замом Ежова в наркомвнуделе можно оставить Агранова… Что касается КПК, то Ежова можно оставить по совместительству, а первым заместителем Ежова по КПК можно было бы выдвинуть Яковлева Якова Аркадьевича… Само собой понятно, что Ежов остается секретарем ЦК».[136]

Выбор Н.И. Ежова как преемника Г.Г. Ягоды, скорее всего, последовал по трем наиболее вероятным причинам. Во-первых, потому, что за пять с половиной лет работы в аппарате ЦК он проявил себя как весьма исполнительный сотрудник. Кроме того, что являлось весьма важным для такого назначения, Ежов никогда не состоял ни в одной из оппозиционных групп.

Во-вторых, о чем Сталин не мог не помнить, Ежов еще летом 1935 года, занимаясь обменом партийных билетов, использовал возможности НКВД для выяснения подлинного прошлого членов партии, сопоставляя данные НКВД с теми данными, которые указывалась в анкетах. Такой подход в сложной и критической ситуации не мог не сыграть в пользу назначения Ежова наркомом внутренних дел.

Наконец, решающую роль при выборе преемника Ягоды должна была сыграть подготовленная в конце 1935 года рукопись Ежова «От фракционности к открытой контрреволюции», в которой он доказывал уже состоявшийся переход многих оппозиционеров к антисоветской деятельности.

Прямым следствием телеграммы от 25 сентября стало решение ПБ от 26 сентября: «Освободить т. Ягода Г.Г. от обязанностей народного комиссара внутренних дел Союза ССР. Назначить тов. Ежова Н.И. народным комиссаром внутренних дел Союза ССР с оставлением его по совместительству секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал НКВД». Что касается работы секретарем ЦК, то следует заметить, что начиная с октября она свелась для Н.И. Ежова к чисто формальному голосованию по проектам решений, выносимых на рассмотрение секретариата.

И еще отметим, что Ежов пока не обрел всей полноты безраздельной власти над НКВД, он был вынужден координировать всю свою работу, включая и аресты, с заведующим политико-административным отделом И.А. Пятницким. Тем, который играл на то время весьма неоднозначную роль…

Всего через три дня после вступления Н.И. Ежова в новую должность, ПБ приняло документ, предназначенный для Ежова, Таля и некоего Бегового (личность его установить не удалось).

Решение ПБ выглядело следующим образом. «Утвердить следующую директиву «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам»:

а). До последнего времени ЦК БКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б). В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не завершены, но и тех, которые были раньше высланы».

Данное решение ПБ стилистически более напоминает стенографическую запись речи кого-то (Сталина?), некое своеобразное напутствие Ежову, указание на то, с чего же ему незамедлительно следует начинать работу, нежели обычный партийный документ. Действительно, если отбросить, не принимать во внимание специфические слова вроде «мерзавцев», «отряд мировой буржуазии», «разведчики», «шпионы», «диверсанты» и вредители», то есть чисто эмоциональные оценки сторонников Троцкого и Зиновьева, то остается существенное, программа. Она же сводится к предельно четкому установлению: необходимо немедленно расправиться (хотя юридически смысл понятия и предельно расплывчат) со всеми без исключения выявленными, известными троцкистами и зиновьевцами, то есть левыми.

Что же стояло за таким жестким требованием? Результаты августовского процесса? Вряд ли, ибо они заблаговременно, еще 29 июля, были достаточно ясно сформулированы в закрытом письме ЦК ВКП(б). Может быть, «Директиву» породило то, что всплыло уже потом, во время судебного заседания? Или первые показания на допросах Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова? Но и все это не могло потребовать столь долгого осмысления…

Пока, до открытия всех без исключения архивных документов по данной проблеме, можно давать объяснения лишь предварительно. В случае возникновения предельно острой, кризисной ситуации в стране именно троцкисты и зиновьевцы неизбежно бы оказались своеобразным катализатором, предельно ускорившим развитие политических процессов внутри партии. Ведь основная масса партократии была не только чрезвычайно близка «левым», но и едина с ними всего десять лет назад. И потому могла, даже неожиданно для себя поддержать своих прежних товарищей, выступив вместе с ними против реформаторской группы Сталина.

При выборе первой цели для нанесения удара, Сталину приходилось, безусловно, не забывать еще и о том, что его главный противник, Троцкий, не только жив, но и на свободе, недоступен для него. Продолжает активно действовать в слишком близкой Норвегии (вскоре смененной, отнюдь не по собственной воле, на далекую Мексику). Несомненно, воздействует в СССР на своих сторонников, да и не только на них.

* * *

Вся эта совокупность факторов, которые осенью 1936 года не могли не учитываться, скорее всего, и обусловила не только выбор направления первого репрессивного удара, но и, вместе с тем, некоторую двойственность при принятии внутриполитических решений. Одновременно и отступления по одним вопросам, и наступления — по другим.

Так, явно под давлением противников политических реформ, 9 октября ПБ вынуждено было отказаться от желания провести уже 7 ноября 1936 года во время военного парада на Красной площади только что созданные казачьи подразделения. ПБ перенесло эту акцию, которая непременно слишком многим напомнила бы о недавней кровавой борьбе с белоказачеством, на более отдаленный срок — 1 мая 1938 года.[137]

Чуть позже, 28 октября, ПБ уже пошло на своеобразный размен. Утверждая текст лозунгов к 19-й годовщине Октября, подготовленных в отсутствии находившегося в отпуске Стецкого его заместителем по агитпропу В.Г. Кнориным, ПБ отклонило два из них. Левацкий — «Да здравствует социалистическая революция во всем мире!», и реформаторский — «Да здравствует Конституция Союза ССР! Пусть крепнет и развивается рабоче-крестьянская демократия!».

Вместе с тем узкое руководство тогда же пошло и на откровенно вызывающие действия, открыто выражавшие его реформаторские идеи. 13 ноября решением ПБ был утвержден приказ Комитета по делам искусств о снятии оперы «Богатыри» с репертуара московского Камерного театра, руководимого А.И. Таировым. Приказ, немедленно опубликованный «Правдой», «Известиями», «Советским искусством», «Литературной газетой», иными изданиями, так мотивировал причину запрещения спектакля: он «чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа; дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры».[138]

Давно не встречавшиеся в «Правде», других советских газетах такие «внеклассовые» выражения, как «героические черты русского народа», «народные представления»,

безапелляционные положительные оценки крещения Руси и христианства — не могли не оказать положительного воздействия на интеллигенцию. Прежде всего, русскую. А заодно помочь ей правильно разобраться в том, что же происходило на протяжении всего 1936 года.

9 ноября 1936 года выходит еще одно решение ПБ: о проведении на государственный счет, на высоком официальном уровне похорон В.Г. Черткова — ближайшего друга и сподвижника Льва Толстого. В.Г. Чертков, как и учитель, презрел свое происхождение и богатство. Дворянин, блестящий конногвардеец, он покинул «свет» и отдал полвека жизни пропаганде творчества и учения величайшего русского писателя. Создал прогрессивное, широко известное в конце XIX века издательство «Посредник», организовал переселение духоборов в Канаду, в Лондоне печатал вызывающе антиправительственную газету «Свободное слово». Потом уже, с 1928 года, являлся главным редактором полного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Да, вряд ли можно было найти тогда человека, более далекого не только от большевизма, но и вообще от всего, чем жила Страна Советов последние почти двадцать лет. Однако, не считаясь с тем, узкое руководство не просто расценило его смерть как тяжелую утрату для страны, для национальной культуры, — оно сделало все возможное, чтобы отдать Черткову должное, достойно проводить его в последний путь.

Наконец, в том же ряду фактов, безоговорочно свидетельствовавших о происходивших воистину тектонических сдвигах в политике, находится решение ПБ, принятое 21 ноября по инициативной записке Я.А. Яковлева. «Тов. Радченко, — писал Яковлев о начальнике всесоюзного объединения «Заготлен», — направил управляющим своих контор распоряжение, в котором написано: «Предлагаю Вам уволить всех исключенных из партии при проверке партдокументов». Считаю, что этот способ себя страховать и подкидывать ЦК исключенных из партии как безработных, по меньшей мере, непартийным. Предлагаю проект постановления ЦК ВКП(б)». На следующий день «Правда» на первой полосе опубликовала подготовленный Яковлевым текст под набранным жирным шрифтом заголовком — «Постановление ЦК ВКП(б)»: «Отменить распоряжение начальника «Заготлен» тов. Радченко об увольнении с работы всех исключенных из партии, поскольку это распоряжение противоречит политике партии и нарушает законы СССР, запрещающие увольнять кого бы то ни было с работы за беспартийность».

В действительности за Яковлевым, вернее за его запиской, стоял только что вернувшийся из отпуска Сталин, который лично завизировал постановление, проголосовав на его оригинале «за».[139] Ну, а вынудить к тому Иосифа Виссарионовича, как можно легко представить, могло только одно. Необходимость как-то поправить «Директиву», направленную Ежову. С одной стороны, несколько ослабить, даже приглушить ее слишком очевидную резкость. Загодя исключить расширительное возможное ее истолкование и сотрудниками НКВД, и на местах — в областных и краевых комитетах, ЦК нацкомпартий. Подчеркнуть лишь внешне суровым (отсюда и отсутствие меры наказания) осуждением приказа Радченко требование не допускать никакой самодеятельности в столь важном вопросе. Не позволять подменять «расправу» с троцкистами и зиновьевцами «охотой на ведьм». Ведь по существовавшим тогда правилам игры человек, исключенный из партии и уволенный с работы, автоматически становился объектом самого пристального внимания местных органов НКВД.

Если данное объяснение правильно, то постановление по делу Радченко увидело свет как нельзя вовремя. Н.И. Ежов уже приступил к выполнению «Директивы». Правда, начал не с арестов и приговоров, а с более на тот момент значительного: с кадровых передвижек и перестановок, с реорганизации аппарата наркомата.

Буквально на третий день после своего назначения Николай Иванович избавился от правой руки Г.Г. Ягоды — Г.Е. Прокофьева. На место же Прокофьева 29 сентября утвердили М.Д. Бермана, кадрового чекиста, работавшего в «органах» с августа 1918 года. Затем Н.И. Ежов взял к себе еще двух заместителей, для которых были созданы персональные посты. 16 октября — М.П. Фриновского, также кадрового чекиста, с 1926 года служившего преимущественно в пограничных войсках, которые он и возглавил в 1933 году. Утвержденный на пост замнаркома, как и М.Д. Берман, Фриновский сохранил и прежнюю должность. А месяц спустя, 3 ноября, заместителем Ежова стал еще и Л.Н. Вельский, опять же кадровый, с весны 1918 года, чекист. У Н.И. Ежова он возглавил Главное управление милиции.

Кадровые перестановки провели и на следующем уровне руководства НКВД. 15 октября укрепили его людьми со стороны, утвердив на ответственных должностях двух человек. Начальником отдела кадров наркомата — М.И. Литвина, до того служившего в Красной армии, затем находившегося на профсоюзной работе, а с 1930-го — на партийной: в ЦК ВКП(б) — в распредотделе, в ЦК КП(б)У — заведующим отделом кадров, заместителем заведующего транспортным отделом, заведующим сельхозотделом, и последний год — вторым секретарем Харьковского обкома. На менее заметный, даже скромный пост — начальника административно-хозяйственного управления НКВД — назначили С.Б. Жуковского. В годы гражданской войны он был армейским политработником, в 1922–1923 годах — работал в распредотделе ЦК ВКП(б), затем в ЦКК-РКИ, НКПС, ВСНХ, Наркомате внешней торговли.

Одновременно понизили в должностях семерых старых сотрудников Г.Г. Ягоды. П.П. Буланова, секретаря коллегии ОГПУ-НКВД с января 1929 года, перевели на должность ответственного секретаря Особого совещания. В.Е. Цесарского, с 1935 года особоуполномоченного при наркоме, всего на месяц сделали начальником учетно-регистрационного отдела НКВД. Г.Л. Молчанова, начальника ключевого тогда секретно-политического отдела, направили наркомом внутренних дел Белоруссии. Начальника особого отдела М.И. Гая (Штоклянда) — начальником управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю. Начальника отдела кадров наркомата Я.М. Вейнштока — начальником тюремного отдела. Главного инспектора при НКВД Н.М. Быстрых — заместителем начальника Главного управления милиции. Начальника учетно-регистрационного, чрезвычайно важного, несмотря на название, отдела Я.М. Генкина — заместителем начальника тюремного отдела.

На освобожденные таким образом должности были назначены: Я.А. Дейч вместо Буланова, А.Я. Беленький вместо Цесарского, В.М. Курский вместо Молчанова, И.М. Леплевский вместо Гая, В.Е. Цесарский вместо Генкина.[140]

Наконец, 28 ноября, приказом по НКВД, вне всякого сомнения согласованного с ПБ, в наркомате создали еще один отдел, — первый или охраны.[141] Охраны высших должностных лиц партии и страны, что служит непременным атрибутом власти в любой стране, в любые времена. Этот отдел был многочисленным, состоявшим из 24 отделений, а его начальником утвердили комиссара 2-го ранга К.В. Паукера, иностранца на советской службе. В 1915 году Паукер как фельдфебель уланского полка австро-венгерской армии попал в русский плен. Участвовал в гражданской войне, вступил в партию, с 1920 года стал работать в ВЧК, практически сразу же — в оперативном отделе, в котором уже в 1923 году дослужился до должности начальника. В опероде 28 ноября 1936 года Паукера заменил Н.Т. Николаев-Журид, перед тем — заместитель начальника управления НКВД по Ленинградской области.[142]

Но почему следует придавать столь серьезное значение созданию отдела охраны? Да потому, что оно свидетельствовало о весьма серьезном, даже опасном положении, в котором оказалось узкое руководство, недвусмысленно указывало и на то, что группа Сталина ощутила реальную опасность, которая ей, несомненно, угрожала. Вынуждена была предпринять беспрецедентные за все девятнадцать лет существования советской власти меры по обеспечению собственной безопасности.

Далеко не случайно ни осенью 1933 года, когда произошло два довольно серьезных инцидента, которые могли быть истолкованы как покушение на Сталина,[143] ни в декабре 1934 года, после убийства Кирова, никаких мер по усилению безопасности принято не было. Узкое руководство не ощутило в том необходимости. Чувствовало себя вполне уверенно. Предельно же усилили персональную охрану узкого руководства только в конце ноября 1936 года. На четвертый день работы VIII чрезвычайного съезда Советов ССР. За несколько суток до проведения решающего голосования по проекту Конституции — сначала на Пленуме, а затем уже и на самом съезде. И тогда, когда НКВД, в основном, выполнила «Директиву» по разгрому троцкистско-зиновьевской оппозиции.

О размерах первой волны широких репрессий против троцкистов в октябре-ноябре 1936 года можно судить по данным, приведенным Н.И. Ежовым 4 декабря. Отчитываясь о разгроме троцкистско-зиновьевского подполья перед Пленумом, он привел данные, к которым следует относиться с полным доверием. На Украине за два месяца арестовали свыше 400 человек, в Ленинградской области — свыше 400, в Грузии — свыше 300, в Азово-Черноморском крае — свыше 200, в Западно-Сибирском — 120, в Свердловской области — свыше 100.[144] По этим данным можно предположить, что репрессиям подвергли в целом по стране от 4 до 6 тысяч человек.

Во много раз больше, нежели предлагал Сталин на июньском Пленуме — всего лишь исключить из партии 600 троцкистов и зиновьевцев. Но несравненно меньше числа оппозиционеров узкому руководству, названного тогда же Троцким — 20–30 тысяч человек.[145] А ведь Н.И. Ежов вполне мог опереться на данные Льва Давидовича, подогнать под них численность подполья!

Часть 10

VIII Чрезвычайный съезд советов СССР. Принятие новой конституции

В конце ноября 1936 года все средства массовой информации стали сообщать, в основном, о самой главной теме — о ходе VIII чрезвычайного съезда Советов СССР. Съезда, созванного для решения лишь одной задачи — обсуждения и принятия новой Конституции. Съезда, открывшегося в пять часов вечера 25 ноября в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца докладом Сталина.

Как и на июньском Пленуме, Сталин начал свой доклад с цитирования постановления VII съезда Советов о необходимости демократизации избирательной системы, уточнении социально-экономической основы Конституции о проведении очередных выборов органов советской власти на основе новой избирательной системы. В основной части доклада Сталин практически сохранил прежние разделы: об изменении в жизни СССР за последние двенадцать лет; об основных особенностях проекта Конституции; о буржуазной критике проекта; о значении новой Конституции. Добавил только самое необходимое, рассказав о поправках и дополнениях к проекту, внесенных на основе всенародного обсуждения.

Сделал акценты Сталин в докладе на ином. Во втором разделе, «Изменения в жизни СССР за период с 1924 года по 1936 год», охарактеризовал текущий момент как последний период нэпа, конец нэпа, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства. Вместе с тем, повторил и собственный тезис полугодовой давности об исчезновении в Советском Союзе классического пролетариата. «Наш рабочий класс… часто называют по старой памяти пролетариатом. Но наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет со всем народом… Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя».[146] Остановившись на том, дал делегатам возможность самим прийти к логическому заключению: раз нет пролетариата, то не может быть и его диктатуры.

В следующем разделе, «Основные особенности проекта Конституции», Сталин раскрыл свое понимание сложившейся в стране формации. Подчеркнул ее основу — господствующую

социалистическую собственность. Пояснил — ею являются «земля, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства». Обобщил — «проект Конституции опирается на эти и подобные им устои социализма. Он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке». Сделал, тем самым, реверанс в адрес «левых». Однако вскоре, в пятом разделе доклада, посвященном анализу поправок и дополнений к проекту, снова вернулся к характеристике реальной формации. Категорически потребовал сохранить в неприкосновенности первую статью, объявляющую Советский Союз «государством рабочих и крестьян».[147] Недвусмысленно подчеркнул — ни о какой диктатуре пролетариата речи больше быть не может.

Не довольствуясь тем, не поленился еще дважды вернуться к этой ключевой проблеме. Сначала, несомненно подыгрывая «левым», отметил, что в СССР «государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу как передовому классу общества». А затем, открыто полемизируя с ними же, оценивающими проект «как «сдвиг вправо», как «отказ от диктатуры пролетариата», как «ликвидация большевистского режима», объяснил новую, предлагаемую проектом Конституции социальную базу как «расширение базы диктатуры рабочего класса и превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, более мощную систему государственного руководства обществом».[148]

И все же о самом важном Сталин позволил себе сказать лишь в конце пятого раздела доклада. Сталин остановился на предлагаемой поправке к статье 13, которая предусматривала сохранение лишенцев. «Я думаю, — сказал Сталин, — что эта поправка также должна быть отведена. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода… Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время». Не ограничиваясь тем, сказал затем крамольные слова, с точки зрения «левых»: «Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-то из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и так далее. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться — в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена плохо, а мы вполне заслужили такой позор».[149]

Следует отметить, что накануне съезда сталинской группой была проведена большая подготовительная работа, которая должна была исключить возможность сопротивления принятию новой Конституции со стороны партократии. Ведь с закрытия июньского Пленума и публикации проекта новой Конституции первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий так и не высказали своего мнения об основных, принципиальных положениях проекта основного закона. Пусть даже в общих, ничего не значащих, бессодержательных словах одобрения вообще, без какой-либо детализации. Промолчали. Вернее — упорно уклонялись на протяжении почти полугода от оценки сути важнейшего для дальнейшей жизни страны документа — от оценки новой избирательной системы.

Все это, видимо, серьезно взволновало узкое руководство. Заставило его предпринять те меры, которые помогли бы исключить возможность повторения того, что произошло на Пленуме. 16 ноября ПБ сформировало неофициальную, но обладающую неограниченными правами комиссию по руководству съездом, включив в нее Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Андреева и Жданова1. То есть только тех, кто твердо, последовательно поддерживал Сталина в его изменении провести широкую политическую реформу.

А 20 ноября ПБ приняло решение созвать 26 ноября, то есть уже после доклада Сталина, в конце второго дня работы съезда, Пленум ЦК с заведомо безусловной программой — «1. Установление окончательного текста Конституции СССР. 2. Текущие вопросы».[150] Иными словами, сознательно отсрочили Пленум, который по устоявшейся традиции следовало созвать накануне открытия съезда, решив на нем загодя все принципиальные вопросы, устранив потенциальные расхождения во взглядах. Иной срок созыва неизбежно ставил членов и кандидатов в члены ЦК перед фактом уже состоявшегося, не обсужденного ими предварительно доклада Сталина. Правда, и в назначенный день Пленум так и не собрали, даже не объяснив причины его отсрочки, не сообщив о новой дате созыва. Случай воистину беспрецедентный…

Между тем 26 ноября открылись прения по докладу Сталина. Первым выступил П.П. Любченко — тот самый председатель украинского СНК, который на июньском пленуме открыто пытался отложить насколько возможно принятие новой Конституции. Он-то и задал тон большинству последующих речей. Начав с истории революции на Украине, он рассказал о том экономическом уровне, которого достигла его республика за годы советской власти, вроде бы четко следуя в русле первого раздела доклада. Однако затем, перейдя к оценке новой системы выборов, почему-то стал рассматривать ее с точки зрения борьбы с внутренними врагами.

«Враги нашей страны думали, а некоторые еще и сейчас думают, что введение всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, дальнейшая демократизация нашей страны должны породить расслабленность нашей воли, ослабить удар по врагам социализма внутри нашей страны — по шпионам и диверсантам… Советский народ считает, что именно потому, что он монолитен, сплочен в своих действиях, что он ценой величайших жертв создал свое социалистическое отечество, он вправе и обязан уничтожить всякого врага — троцкиста, зиновьевца, националиста, меньшевика, который посмеет поднять руку против социалистического строительства, против испытанных, верных руководителей… В отношении этих врагов народ един в своей воле — им может быть только один приговор — физически уничтожить».[151]

Выступавший в тот же день председатель Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинский, помянув для начала германских фашистов, тут же пояснил: «Самые мерзкие убийцы, агенты фашизма — подлые реставраторы капитализма, диверсанты, террористы, гнусные троцкистско-зиновьевские последыши, также пытаются мешать нам, убивая рабочих, как это было в Кемерове, вредительствуя на предприятиях, на новостройках, организуя всякого рода аварии. Часть из них уже разоблачена и уничтожена. Но для того, чтобы смести их с лица советской земли, мы должны всемерно усилить революционную бдительность».[152]

Любченко и Грядинскому вторили многие. Н.М. Голодед, председатель СНК БССР: «Грязные подонки националистической контрреволюции, как и подонки троцкистской контрреволюции, будут беспощадно уничтожаться и стираться с лица земли».[153]

У. Рахманов, председатель СНК Азербайджанской ССР: «Как известно, созданию Закавказской Федерации бешено сопротивлялись классово-враждебные элементы — национал-уклонисты. Часть этих национал-уклонистов оказалась впоследствии в блоке с белогвардейцами, троцкистско-зиновьевскими бандитами. Надо со всей большевистской решительностью разгромить остатки контрреволюционных националистических элементов, этих подлых врагов народа»4.

С.В Косиор, 1-й секретарь ЦК КП(б)У, член ПБ ЦК ВКП(б), остановившись подробно на достижениях СССР воспел хвалу праву на труд, благодаря которому в стране отсутствует безработица, праву на образование, равноправию женщин и вернулся к общим рассуждениям об экономическом росте Украины. А после этого, вне какой-либо логики, заговорил о необходимости борьбы со все тем же внутренним врагом, торжественно пообещал: «Украинский народ уничтожит как троцкистско-зи- новьевских выродков, так и остатки националистических предателей, ведущих свою подлую подрывную работу в качестве

террористов, диверсантов, шпионов на службе у иностранных капиталистов, на службе у озверелого немецкого и польского фашизма».

Даже Н.В. Крыленко, нарком юстиции (справедливости, законности!), избрал основной темой выступления не новые правовые основы, создаваемые обсуждаемым проектом конституции, а совершенно иное. Не замечая, что на дворе давно уже не 1918 г., в полном противоречии с сутью обсуждаемого основного закона, безапелляционно заявил: «Революционной диктатурой пролетариата было, есть и будет до конца наше государство, оформленное сталинской Конституцией». Завершил же Крыленко выступление, бросив открытый вызов и Вышинскому, с которым немало спорил в подкомиссии, и председателю редакционной подкомиссии Сталину: «Наше социалистическое право, социалистические законы и наши в подлинном смысле этого слова народные судьи (те самые, которые, несмотря на его сопротивление, отныне не назначались, а избирались. — Ю.Ж.) будут в руках социалистического государства мощным орудием преобразования общества, мощным орудием укрепления нового общественного строя, орудием переделки сознания, в том числе и путем применения насилия».

Словом, и эти выступавшие, и даже те, в докладах которых просто одной-тремя фразами ритуально поминались троцкисты и зиновьевцы, классовые враги, вполне сознательно и преднамеренно создавали атмосферу подозрительности, недоверия, следующим этапом чего должна была стать «охота на ведьм». Ораторы усиливали психологическую напряженность, расширяя круг врагов, включая в их число уже не только троцкистов-зиновьевцев, но и местных, оставшихся, впрочем, безликими националистов, и даже забытых уже всеми меньшевиков и белогвардейцев. Незаметно связывали воедино принятие проекта Конституции, утверждение новой избирательной системы с неизбежностью репрессий, которые называли «усилением революционной бдительности», «физическим уничтожением врагов».

* * *

От таких, взывавших к ужесточению борьбы с многоликим врагом речей разительно отличались выступления — трезвые, спокойные, по делу — членов группы Сталина: Молотова, Жданова, Литвинова, Вышинского.

М.М. Литвинов сразу же подчеркнул: «Я выступаю здесь сегодня не с обзором международного положения, ибо такого пункта в порядке дня съезда не имеется, а по докладу о проекте Конституции. Мы не можем чувствовать себя особенно польщенными, когда нам говорят в связи с проектом Конституции, что мы возвращаемся в лоно европейского демократизма, к буржуазным свободам. Правильнее будет сказать, что мы берем выпадающее из слабых рук дряхлеющей буржуазии знамя демократизма, знамя свободы и наполняем это понятие новым опытом, советским содержанием». Литвинов сказал так, несомненно имея в виду возможную критику проекта со стороны большевиков-ортодоксов. (Позднее именно такое толкование новой советской демократии на XIX съезде КПСС повторит, чуть переиначив, Сталин.)

Лишь затем Литвинов как бы ушел от темы, вполне сознательно обратившись к злободневным международным проблемам, о которых вроде и не собирался говорить. Счел необходимым и своевременным напомнить всем, что «наше сотрудничество с другими странами, наше участие в Лиге Наций основаны на принципе мирного сосуществования двух систем». Отсюда перешел к угрозе со стороны фашизма, что было весьма актуально в связи с начавшейся гражданской войной в Испании, где поддержку мятежникам генерала Франко оказывали и Германия, и Италия.

Наибольшую опасность, подчеркнул Литвинов, «представляет заграничная деятельность фашизма, когда она принимает такие формы, как, например, в Испании». Он серьезно

остановился на развитии событий на Пиренейском полуострове ради того, чтобы мимоходом разоблачить очередной антисоветский миф. «Наши враги утверждают, — заметил Литвинов, — будто мы добиваемся создания на Пиренейском полуострове коммунистического советского государства, которое мы намерены даже включить в Советский Союз. В случае с Испанией мы имеем дело с первой крупной вылазкой фашизма за пределы его родины… Мы имеем дело с попыткой насильственного насаждения в Испании извне фашистского строя… Если бы эта попытка удалась, то не было бы никаких гарантий от повторения ее в более обширном масштабе в отношении и других государств.

Необходимо исходить из того, что фашизм есть не только особый внутренний режим, а что он есть в то же время подготовка агрессии, подготовка войны против других государств».

А то, что такая война не за горами, Литвинов доказал предельно просто — созданием военного блока Германии и Италии, заключением «антикоммунистического пакта» между Германией и Японией, каждый из которых указывал на СССР как на одну из ближайших целей агрессии.[154]

Столь же предметной стала речь А.Я. Вышинского, большую часть выступления посвятившего теме резкого снижения давления государства на население страны, то есть того, к чему он имел самое прямое отношение: «Если число осужденных в первой половине 1933 г. принять за 100 %, то в РСФСР в первой половине 1936 г. число осужденных будет равняться лишь 51,8 %, в БССР — 24,5 %. Снижение числа осужденных мы имели и в УССР, и в закавказских, и среднеазиатских республиках. Значительное снижение показывает число осужденных по таким преступлениям, как хищение социалистической собственности, имущественные преступления разных видов, преступления, связанные с сельскохозяйственными кампаниями, число которых сократилось очень резко… Число осужденных по закону от 7 августа 1932 г. за хищение общественной социалистической собственности сократилось за время с первой половины 1935 г. по первую половину 1936 г.: в РСФСР — в 3 раза, в УССР — в 4 раза. Число осужденных за имущественные преступления сократилось за этот же период в РСФСР на 17 %, в УССР — на 43,5 %, в БССР — на 43,1 %».

Принципиально иным по содержанию оказалось выступление А.А. Жданова. Ведь ему пришлось говорить одновременно как руководителю ленинградской партийной организации и как секретарю ЦК, одному из идеологов партии. Для начала Жданов успокоил тех, кто мог увидеть в проекте Конституции ревизию марксизма: «В каждой букве нового закона, в каждом слове доклада товарища Сталина воплощены силы и могущество претворенного в жизнь учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Наша Конституция есть победа марксизма». Затем Жданов попытался развить и доказать эту мысль. «Нам удалось построить такое государство, государство рабочих и крестьян, в котором рабочий класс, являясь руководящей силой нашего общества, сумел не только ликвидировать капиталистические классы, но и выполнить до конца свою роль преобразователя общества на социалистических началах, перевоспитывая миллионы крестьян и других трудящихся, перевоспитывая на почве диктатуры пролетариата и самих пролетариев. Это значение диктатуры пролетариата известно и понятно у нас каждому».

Не довольствуясь таким слишком общим и потому малоубедительным толкованием, Жданов рассказал о коренных изменениях в промышленности, в сельском хозяйстве, в частности на примере Ленинградской области. Только после этого Жданов перешел к основной теме своей речи, к тому, ради чего и вышел на трибуну. Вполне логично обосновав как прогрессивность, так и необходимость введения новой избирательной системы, он подробно остановился на ее базовых принципах, не обойдя и альтернативности, хотя прямо не назвал ее. Видимо, он решил «не дразнить гусей», не провоцировать наиболее консервативную часть делегатов на открытый конфликт.

«Товарищ Сталин, — сослался на авторитет докладчика Жданов, — совершенно правильно указал на то, что всеобщее избирательное право означает усиление всей нашей

работы по агитации и организации масс, ибо если мы не хотим, чтобы в Советы прошли враги народа, если мы не хотим, чтобы в Советы прошли люди негодные, мы, диктатура пролетариата, трудящиеся массы нашей страны, имеем в руках все необходимые рычаги агитации и организации, чтобы предотвратить возможность появления в Советах врагов Конституции не административными мерами, а на основе агитации и организации масс. Это — свидетельство укрепления диктатуры пролетариата в нашей стране, которая имеет теперь возможность осуществить государственное руководство обществом мерами более гибкими, а следовательно, более сильными».[155]

Так Жданов пытался повлиять на настроение делегатов съезда, заставить их поддержать если не собственно альтернативность, то хотя бы всеобщность выборов, предоставление избирательных прав и тем, кто еще сегодня юридически был их лишен как классово враждебный элемент. При этом Жданову приходилось жонглировать термином «диктатура пролетариата», манипулировать им, придавая нужное содержание. Сначала отождествил диктатуру пролетариата с «трудящимися массами нашей страны». Затем, виртуозно выхолостив суть, заявил, что «диктатура», понимаемая всеми как «государственная власть пролетариата, используемая им в целях подавления эксплуатирующих классов и сокрушения их сопротивления»,[156] отказывается от «административных мер», иными словами — насилия.

Как ни странно, но не этот раздел речи Жданова тут же оказался в центре внимания печати, а другой, заключительный, где он затронул проблему национальной безопасности страны. Отметив рост военной угрозы со стороны фашистских государств, он перешел к оценке политики Финляндии, Эстонии, Латвии и прямо заявил:

«…Под влиянием больших авантюристов разжигаются чувства вражды к СССР и делаются приготовления для того, чтобы предоставить территорию своих стран для агрессивных действий со стороны фашистских держав… Если фашизм осмелится искать военного счастья на северо-западных границах Советского Союза, то мы, поставив на службу обороны всю технику, которой располагает промышленность Ленинграда, нанесем ему под руководством железного полководца армии Страны Советов тов. Ворошилова такой удар, чтобы враг уже никогда не захотел Ленинграда».[157]

Столь жесткий тон Жданова, лишенный даже налета дипломатической корректности, был вызван очередным пограничным конфликтом — обстрелом 29 и 30 октября со стороны Финляндии советской территории. Конфликтом, следствием которого стал протест, заявленный 3 ноября временным поверенным СССР в Хельсинки А.А. Аустрином. Однако то, какие именно выводы сделал Жданов из происшедшего, заставило газеты не только Финляндии, но и Эстонии расценивать их как неприкрытую угрозу в адрес двух прибалтийских стран.

* * *

В тот же день, что и Жданов, 29 ноября, с трибуны съезда выступил Молотов. Он обратился к аудитории с речью, призванной, вне всякого сомнения, нейтрализовать впечатление, которое могли вызвать выступления Любченко, Крыленко, Грядинского, Голодеда и Рахманова. Об этом говорило и содержание речи главы правительства СССР, и то, что она была произнесена накануне прекращения прений, под занавес.

В начале выступления Вячеслав Михайлович вслед за Сталиным разъяснил делегатам, что в нашей стране уже полностью господствует социалистическая система хозяйства и ликвидирована эксплуатация человека человеком. Но добавил и свое: «Допущение мелкочастного хозяйства единоличных крестьян и кустарей, без права эксплуатации чужого труда, как и признание личной собственности граждан на их трудовые доходы и имущество, не только не противоречат господствующему положению социалистических форм хозяйства и

социалистической собственности в нашей стране, но являются совершенно обязательным дополнением в данных условиях».

Да, именно так Молотов определил сущность закрепляемой конституцией социально-экономической формации — промежуточной, переходной между нэпом и тем, что в теоретических марксистских трудах именовалось социализмом. Так он разъяснил положение, выдвинутое Сталиным о построении в СССР «экономических основ социализма». Только их, а не самого социализма. Для тех же делегатов, кто не смог бы сразу уразуметь сказанное, он добавил: «Конституция закрепляет социалистическую основу в экономике и общественном устройстве нашего государства».

Но опять же, как и Сталин, как сам два года назад, Молотов использовал характеристику сдвигов в экономике, в общественных отношениях для обоснования того, ради чего и была замыслена новая Конституция. Напомнив о главных положениях предлагаемой избирательной системы, объяснил: она «снимает вопрос о лишенцах, так как все граждане без исключения получают право выбрать и быть выбранными в советы»; «отменяет имевшиеся у нас для рабочих преимущества перед крестьянами при выборах в Советы»; «заменяет существовавшие до сих пор многоступенчатые выборы средних и высших органов советской власти прямыми выборами»; «вместо открытых выборов для обеспечения большей свободы голосования вводятся тайные выборы в Советы». Не ограничившись этим, как Жданов, прямо признал, что партия при выборах отказывается от монополии: «Кандидатов в Советы наряду с организациями большевистской партии будут выставлять также многочисленные у нас беспартийные организации».

И почти сразу же Молотов раскрыл истинную причину появления последнего, наиболее значительного положения избирательной системы, разъяснил его столь же откровенно, как это сделал Сталин в интервью, данном Рою Говарду.

«Новая система послужит дальнейшему оживлению как выборов в советы, так и всей работы советов. Эта система не может не встряхнуть слабых, плетущихся в хвосте событий организаций и не может не ударить по обюрократившимся, по оторвавшимся от масс. С другой стороны, эта система облегчает выдвижение новых сил из передовых рабочих, из крестьян и интеллигентов, которые должны прийти на смену отсталым или обюрократившимся элементам».

Как и Сталин в докладе, не менее прямо Молотов заявил и о возможности того, что при такой системе выборов избранными могут оказаться те, кого считают «врагами»: «При новом порядке выборов не исключается возможность выборов кого-либо и из враждебных элементов, если там или тут будет плоха наша агитация и пропаганда. Но и эта опасность в конце концов должна послужить на пользу дела, поскольку она будет подхлестывать нуждающиеся в этом организации и заснувших работников».

Как Сталин и Жданов, глава советского правительства открыто заявил, что избрание «враждебных» депутатов явится следствием плохой работы партийных организаций, особенно в области агитации и пропаганды. Но если оказавшийся более осторожным Жданов при этом отметил лишь то, что «административные», иными словами — репрессивные меры не будут применяться в подобных случаях, то Молотов позволил себе сказать большее, отметив положительную сторону появления «враждебных» кандидатов и депутатов. Да еще и пояснил, что именно такая система приведет к необходимому обновлению власти за счет прилива «новых сил», которые сменят «отсталых», «обюрократившихся» чиновников. Ну а это широкое руководство уже должно было рассматривать как неприкрытую угрозу в свой адрес, как явное и твердое намерение группы Сталина отрешить большинство их от власти.

Содержались в речи Молотова и иные новации, опрокидывавшие многие прежние представления. Так, детально раскрывая содержание 6-й статьи проекта Конституции, он подчеркнул — она характеризует самое главное в советском строе. Пояснил: земля, недра,

воды, леса, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, транспорт, банки, средства связи, жилой фонд являются «государственной» или «общенародной» собственностью, а не «социалистической», как назвал ее Сталин. Интернационализм он предложил понимать не как международную классовую солидарность трудящихся, а как реальное воплощение новых, исключительно дружеских отношений народов, населяющих Советский Союз.

Далеко не случайно не обошел Молотов и проблему борьбы с бывшими оппозиционерами. Но сделал это не так, как Любченко и Грядинский, Крыленко и Голодед. Он отметил: «Врагами партии Ленина — Сталина являются сейчас те, кто хотят реставрации капитализма и возвращения власти буржуазии и потому ненавидят всей душой новую Конституцию СССР».[158]

* * *

Прения завершились 1 декабря. Завершились, показав, что среди делегатов съезда, помимо инертного большинства, имеются две небольшие, но весьма активные группы. Первая из них, представленная членами широкого руководства, демонстративно уходила от обсуждения самого существенного — новой избирательной системы, но зато нагнетала атмосферу вражды к классовым врагам. А вторая группа — сторонники сталинских политических реформ — настойчиво стремилась добиться безоговорочного принятия проекта новой Конституции ради скорейшего воплощения ее основных принципов в жизнь.

Такое положение и вынудило фактических руководителей съезда, группу Сталина, предпринять своеобразный обходной маневр, исключить возможность не только отклонения каких-либо статей проекта Конституции, но даже и просто продолжения прений. По предложению президиума съезд 1 декабря решил свернуть оказавшуюся бессодержательной дискуссию и предварительное утверждение окончательного текста основного закона перенести в малочисленную, а потому и более управляемую группу делегатов: «Заслушав и обсудив доклад председателя конституционной комиссии ЦИК Союза ССР товарища И.В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР, чрезвычайный VIII съезд Советов Союза ССР постановляет:

Представленный конституционной комиссией ЦИК СССР проект Конституции СССР одобрить и принять за основу.

Для рассмотрения внесенных поправок и дополнений и установления окончательного текста Конституции Союза ССР образовать редакционную комиссию в составе 220 человек.

Поручить редакционной комиссии в трехдневный срок представить на рассмотрение съезда окончательный текст Конституции, учтя при этом как результаты всенародного обсуждения проекта Конституции, так и обсуждение на самом съезде».[159]

Таким образом группе Сталина вновь удалось избежать обсуждения проекта на все еще так и не созванном Пленуме ЦК. Более того, благодаря тщательному подбору членов редакционной комиссии, состав которой не обсуждали, а просто автоматически одобрили, представительство в ней широкого руководства было сведено к минимуму. Численность работников партийного, советского и профсоюзного аппаратов в редакционной комиссии составила 86 человек, или около 40 %, а членов и кандидатов в члены ЦК — 64 человека, то есть около 30 %. Трудно усомниться, что именно это и обусловило чисто рабочий ход заседания редкомиссии, которое состоялось 3 декабря.

Нельзя исключить и того, что полного единодушия при утверждении редакционной комиссией проекта окончательного текста Конституции удалось достигнуть еще накануне, на встрече в Кремле у Сталина, продолжавшейся четыре часа. В пользу такого предположения говорит состав приглашенных, число которых оказалось чуть ли не рекордным — 25 человек.

5 декабря съезд возобновил свою работу, но лишь для того, чтобы единогласно одобрить проект Конституции, предложенный группой Сталина, без каких-либо серьезных корректив. Постановление съезда оказалось предельно кратким: «Проект Конституции (основного закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной редакционной комиссией съезда, утвердить».

Казалось, группа Сталина одержала полную победу. Хотя и с опозданием, все же добилась утверждения своего проекта Конституции, которая и должна была стать правовой основой политических реформ. Однако главная цель — прежде всего смена широкого руководства за счет «новых сил», на основе скорейших альтернативных выборов — осталась не только не достигнутой, но и по-прежнему весьма отдаленной, отложенной на неопределенный срок. Второе постановление съезда гласило: поручить ЦИК СССР «на основе новой Конституции разработать и утвердить положение о выборах, а также установить сроки выборов Верховного Совета Союза ССР».

Часть 11

Пленум, о котором не сообщалось в газетах

Узкое руководство воспользовалось одной из двух однодневных пауз, возникших в ходе работы VIII Всесоюзного съезда Советов, и 4 декабря в 16 часов все же созвало в Свердловском зале Кремля Пленум ЦК, о котором известило лишь накануне. Тот самый Пленум, который оно намеревалось провести еще 26 ноября, но так и не сделало этого, явно выжидая, когда же редакционная комиссия съезда одобрит окончательный текст Конституции. Сложившаяся ситуация была использована для того, чтобы свести обсуждение по намеченному изначально первому пункту повестки дня к простой формальности.

«Молотов: По первому вопросу слово имеет товарищ Сталин.
Сталин: Все читали проект Конституции.
Молотов: Все присутствовали на вчерашнем заседании комиссии, значит, можно проект не зачитывать. Есть ли какие-либо замечания?».

Замечания нашлись лишь у троих из 123 участников пленума: у Г.Н. Каминского — недавно утвержденного наркомом здравоохранения СССР, И.П. Жукова, незадолго перед тем освобожденного от должности замнаркома связи СССР и утвержденного наркомом местной промышленности РСФСР, и у И.С. Уншлихта — секретаря отныне существующего только номинально Совета Союза ЦИК СССР Судя по их предложениям, они, скорее всего, пытались имитировать заинтересованность и активность, демонстрируя одновременно полное непонимание того, чем является Конституция как юридический документ.

После такого более чем странного обсуждения наиважнейшего для жизни страны документа председательствовавший на пленуме Молотов предложил проголосовать за утверждение окончательного текста Конституции. Конечно, еще по-старому, по-советски, простым поднятием руки. Все участники пленума единогласно поддержали так и не обсужденный ими всерьез текст, хотя это и не имело уже никакого значения.

Первый вопрос повестки дня занял всего десять минут. Затем Молотов предоставил слово Ежову для доклада по второму вопросу — «О троцкистских и правых антисоветских организациях», который внесли на рассмотрение Пленума в момент его открытия.

Этот доклад стал для Ежова дебютным в новой роли наркома внутренних дел. Отсюда, скорее всего, порожденная волнением косноязычность при выступлении, композиционная рыхлость, повторы, путаница при указании фамилий и должностей. Но вполне возможно, огрехи доклада были порождены тем, что на его подготовку у Ежова оказалось слишком мало времени.

Начал выступление Николай Иванович с убийства Кирова. И не только потому, что мотивом столь неоспоримого преступления слишком легко можно было считать политический теракт, но и из-за того, что материалы по этому делу он знал превосходно, ибо знакомился с

ними по ходу следствия как председатель КПК, а позже положил именно их в основу своей рукописи в 230 машинописных страниц «От фракционности к открытой контрреволюции».

Ежов сказал: «Доказательств прямого участия Зиновьева, Каменева, Троцкого в организации этого убийства следствию добыть не удалось… Равно не было доказано и то, что в убийстве Кирова принимали участие троцкисты».[160] (Учитывая, что следствие по делу об убийстве Кирова велось под личным контролем Ягоды, занимавшего тогда еще пост главы НКВД, удивляться заявлению Ежова не приходилось.)

Решающую роль в разоблачении деятельности троцкистско-зиновьевского блока, сказал далее Н.И. Ежов, сыграл августовский процесс. Лишь тогда следствию удалось установить и само образование в конце 1932 г. «зиновьевско-троцкистского блока на условиях террора», и то, что этим блоком намечалось убийство основных руководителей партии и правительства. Кроме того, Ежов вменил в вину бывшим оппозиционерам еще и то, что «троцкисты через своих сторонников, работающих в различного рода хозяйственных и советских учреждениях, воровали государственные средства».[161]

Наибольшее внимание в докладе Ежов уделил структуре и конкретной деятельности разоблаченного НКВД блока. Его, оказывается, возглавляли Пятаков, Сокольников, Радек и Серебряков, что явствовало из их собственных и Зиновьева признаний. Назывался он «запасным центром» и руководил вредительством и террором по всей стране. Именно ему подчинялись все региональные группы в Западной Сибири, Азово-Черноморском крае, на Урале и другие.

Затем нарком связал бывших оппозиционеров, занимавших большие посты в промышленности и на транспорте и разоблаченных в последние месяцы, с теми, кто им подчинялся напрямую или работал вместе с ними. Именно так в докладе возникли преступные цепочки, связавшие, например, тех, кто последовательно возглавлял Главхимпром НКТП — М.П. Томского, Г.Л. Пятакова, С.А. Ратайчака, с руководителями химических предприятий: Я.Н. Дробнисом — директором Кемеровского химкомбинатстроя, Б.О. Норкиным — директором Кемеровского химкомбината, Таммом — директором Горловского химического завода. Еще одну подобную цепочку протянул Ежов от Ратайчака через начальника отдела азотной промышленности Г.Е. Пушина к руководителям предприятий этой отрасли, в том числе к директору Горловского азотно-тукового комбината Уланову. Еще одну преступную группу, включавшую заместителя наркома путей сообщения Я.А. Лившица, подчиненных ему начальников ряда железных дорог — Князева, Буянского, Шемергорна и других, глава НКВД обозначил на транспорте.[162]

И все же наиболее значимым в докладе следует считать не подробно излагавшиеся преступления троцкистов и зиновьевцев, а иное. Дважды по ходу выступления Ежов подчеркнул, что троцкисты и зиновьевцы «активизировали свою работу в 1935–1936 гг., вернее — в начале 1936 г.».[163] Определение именно такой даты пика противостояния наиболее активной части партии и узкого руководства, подчеркивание ее как наиболее серьезного и опасного периода должно было быть понято участниками пленума однозначно. Слова Ежова прямо указывали на время завершения работы над проектом новой Конституции и публикации интервью Сталина с первым упоминанием альтернативности предстоящих выборов.

Заключал доклад Ежова раздел, названный «О троцкистах и правых антисоветских организациях», содержавший данные, полученные следствием, исключительно по отношению к троцкистам или тем, кого обоснованно к ним причислили. Ежов упомянул здесь об очной ставке Бухарина и Рыкова с Сокольниковым, которую провел он сам вместе с Кагановичем.

* * *

Вслед за выступлением Ежова слово тут же попросил Бухарин. Он вышел на трибуну для того, чтобы отмести от себя подозрения, однако начал он выступление с полной и безоговорочной поддержки Ежова в осуждении Зиновьева, троцкистов, с восхваления работы НКВД.

«Я знаю, что говорить сейчас особенно тяжело, потому что, по сути дела, действительно необходимо, чтобы сейчас все члены партии, снизу доверху, преисполнились бдительностью и помогли соответствующим органам до конца истребить вот ту сволочь, которая занимается вредительскими актами и всем прочим. Совершенно естественно, и из этого нужно исходить, что это есть основная директива, основное, что стоит перед партией».

Разумеется, основную часть выступления Бухарин посвятил самооправданию, не менее голословному, нежели предъявленные в его адрес обвинения. При этом он явно вынужденно должен был признавать, и неоднократно, свою активную роль в правой оппозиции:

«Я никогда не отрицал, что в 1928–1929 гг. я вел оппозиционную борьбу против партии… Я в 1928–1929 гг. нагрешил очень против партии. Это я знаю. Хвосты эти тянутся до сих пор. Часть людей, которые тогда шли со мной (Бухарин подразумевал здесь членов т. н. бухаринской школы — Марецкого и других. — Ю.Ж.), эволюционировали бог знает куда. Я этого не знаю, но я этого теоретически не исключаю… Ну я действительно в 1928–1929 гг. против партии грешил, когда я сделал свое заявление. Последнее из моих заявлений было заявление по поводу «организованного капитализма» зимой 1930 г.».

Заодно чистосердечно поведал Бухарин и о том, что дважды пытался защитить Радека — до и после его ареста обращаясь с письмами к Сталину.

Признавая, но лишь в далеком прошлом, и свое участие в оппозиции, и резкую критику курса, проводимого сталинской группой, и даже организацию, но опять же семь лет назад, совещания части членов ЦК у себя на квартире, Бухарин не забывал о своей защите. Однако практически единственным аргументом собственной невиновности он выдвигал результат очной ставки с Сокольниковым — публикацию во всех центральных газетах заявления Прокуратуры СССР о том, что «следствием не установлено юридических данных для привлечения Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова к судебной ответственности». Упорно настаивал на том, что тем самым с него уже сняты все возможные обвинения и подозрения.

Наконец, как последнее, наиболее весомое подтверждение своей полной непричастности и к уже осужденным, и только арестованным, но не представшим еще перед судом, объявил, что никогда не стремился к власти.

«Бухарин: Неужели вы думаете, что я могу иметь что-нибудь общее с диверсантами, с этими вредителями, с этими мерзавцами после тридцати лет моей жизни в партии и после всего? Ведь это просто сумасшествие.

Молотов: Каменев и Зиновьев тоже всю жизнь были в партии.

Бухарин: Каменев и Зиновьев хотели власти, они шли к власти. Я ужасно стремился к власти? Что вы, товарищи!».

Завершил же Бухарин выступление слишком нарочитым признанием в любви, иными словами — в личной преданности Сталину:

«Я всегда, до самой последней минуты своей жизни всегда буду стоять за нашу партию, за наше руководство, за Сталина. Я не говорю, что я страшно любил Сталина в 1928 г. А сейчас я говорю: люблю всей душой!».[164]

Так же, как Бухарин, выстроил свою защиту и получивший слово Рыков. Полностью и безоговорочно солидаризировался со всеми обвинениями в адрес не только троцкистов, но даже и Томского. Себя же пытался обелить, опять же ссылаясь на заявление прокуратуры. Надеясь продемонстрировать полную лояльность партии и ЦК, Рыков приоткрыл любопытную подробность своей очной ставки с Сокольниковым. Оказалось, последний признался в том, что

«они», то есть руководители «троцкистско-зиновьевского блока», «решили убить целый ряд наших людей в Ленинграде», а потом, использовав такую акцию как предлог, поднять войска «для спасения революции». Не стал Рыков и отвергать те показания, согласно которым его намечали в правительство СССР после отстранения группы Сталина от власти. Объяснил это как «расплату за мою вопиющую ошибку, за участие в правом уклоне».[165]

* * *

Малоубедительные объяснения Бухарина и Рыкова, в которых явно звучала какая-то фальшивая нота, не вызвали к ним доверия или хотя бы желания объективно разобраться в далеко не новых обвинениях правых. Первым же взявший слово в прениях Р.И. Эйхе продемонстрировал воинственную нетерпимость и неприкрытую кровожадность.

«Факты, вскрытые следствием, — гневно восклицал он, — обнаружили звериное лицо троцкистов перед всем миром… Старые буржуазные специалисты, организующие свои вредительские организации, ненавидящие рабочий класс, не шли на такие подлые факты, на такие подлые преступления, на которые шли троцкисты… Да какого черта, товарищи, отправлять таких людей в ссылку? Их нужно расстреливать! Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко!» А когда он перешел к оценке поведения Бухарина, то выразился предельно кратко: «Бухарин нам правды не говорил. Я скажу резче — Бухарин врет нам!».[166]

Ту же позицию нетерпимости занял и С.В. Косиор, предложив Пленуму свою отнюдь не оригинальную оценку ситуации:

«У нас очень большой опыт сейчас имеется с разоблачением троцкистов, причем за это время мы разоблачили, к сожалению очень поздно, сотни самых отчаяннейших, самых злобных людей, части из которой мы очень много верили… разве мы не имеем перед собой заявления, что оппозиционные группы во главе с Троцким, Зиновьевым, с правыми, решили произвести последнюю попытку на советскую власть, на сталинское руководство. Они, как мы видим, просчитались».

Вышедший на трибуну первый секретарь Донецкого обкома С.Л. Саркисов попытался использовать представившуюся возможность не столько для очередных филиппик, сколько для самооправдания — на всякий случай.

«Я, как вам всем известно, — признался он в своих прошлых грехах, — бывший оппозиционер… хотя я десять лет тому назад раз и навсегда порвал с этой сволочью». А затем поведал, как же именно он борется с врагами: «Областной комитет партии и лично я, об этом знает ЦК КП(б)У, разоблачили много троцкистов… Меньше всего я произносил слов на всяких собраниях, потому что я считал, что нужно делать. А что значит показать делом? Показать делом, это значит бывшему оппозиционеру разоблачать троцкистов… Я всегда систематически, последовательно изгонял людей с оппозиционным прошлым, особенно с партийной работы».

В завершение своего выступления он внезапно бросил в адрес Бухарина самое страшное из всех возможных обвинений: «Бухарин… вместе с левыми эсерами хотел арестовать Ленина». И первым на пленуме предложил судить Бухарина и Рыкова.

Такого рода выступления членов широкого руководства — как и несколькими днями ранее на съезде — свидетельствовали об очень многом. О том, что им крайне необходим образ врага, прежде всего, чтобы таким образом самоопределиться как социальной группе. Свидетельствовали и о том, что они уже пытаются списать все свои собственные недостатки, ошибки, просчеты на троцкистов. Наконец, и о том, что все они стремятся прочно связать себя, свою замкнутую социальную группу, со Сталиным, не только избежать тем самым уже обозначившегося разрыва с ним, но и во что бы то ни стало поставить его в полную зависимость от себя и своих групповых интересов. А для этого обязательно связать себя со

Сталиным нерасторжимыми узами крови, которую предстояло пролить. Более того, все подобные выступления, в том числе Бухарина и Рыкова, свидетельствовали и о готовности всех их признать врагами кого угодно, только не себя.

* * *

Выступления представителей сталинской группы и здесь разительно отличались от этих речей. Так, взявший слово Каганович пытался устоять на твердой почве фактов, а они позволяли утверждать лишь одно — несомненно существовавшую связь правых с Зиновьевым, Каменевым, а в более отдаленные годы и с Троцким. Кроме того, Каганович постарался объяснить только внешнее, формальное, с его точки зрения, противоречие между содержанием сообщения Прокуратуры СССР и обвинениями, которые на пленуме предъявили Бухарину и Рыкову. Подчеркнул, что в обращении речь шла о чисто юридических основаниях прекращения дела, теперь же речь идет о другом — об основаниях исключительно политических.

Очень четкую, тщательно выверенную позицию занял Молотов, выступивший сразу после Эйхе и попытавшийся, как и на съезде, перевести обсуждение в более спокойное русло, обстоятельно обосновал свой взгляд фактами, всячески избегая эмоций. Он подчеркнул необходимость именно такого подхода к решению обсуждаемого вопроса буквально с первых же слов: «Товарищи, из всего того, что здесь говорили Бухарин и Рыков, по-моему, правильно только одно: надо дело расследовать, и самым внимательным образом».

Избегая ставших чуть ли не обязательными инсинуаций, Молотов ни в чем конкретно ни Бухарина, ни Рыкова не обвинил. Он говорил об ином. О том, почему сразу же после показаний Зиновьева на суде узкое руководство не поспешило с арестами или безапелляционным осуждением их. «Почему мы должны были слушать обвинение на процессе в августе месяце и еще оставлять Бухарина в редакции «Известий», а Рыкова в наркомсвязи? Не хотелось запачкать членов нашего Центрального комитета, вчерашних товарищей. Только бы их не запачкать, только бы было поменьше обвиняемых». Он попытался подтвердить такую линию узкого руководства, предельно мягкую, еще одним примером, уже двухлетней давности. «Вы, товарищи, знаете, что по убийству Кирова все нити объективно политически были у нас в руках. Показывали, что Зиновьев и Каменев вели это дело. А мы, проводя процесс один за другим, не решались их обвинить. Мы обвиняли их в том, в чем они сами признались, — в том, что они объективно, их разговоры и группировки создавали настроения, которые не могли не повести к этому делу. Вот как мы подошли. Мы были сверхосторожны — только бы поменьше было людей, причастных к этому террору, диверсии и так далее».

Молотову пришлось объяснять и другое — ставшее на Пленуме притчей во языцех сообщение Прокуратуры СССР. «Когда мы это опубликовали, — сказал он, обращаясь непосредственно к Бухарину и Рыкову, — приняв решение ЦК о том, что нет юридических оснований, мы только подчеркнули, что политически вам не доверяем. Я голосовал за это решение, но политически не доверял… А теперь вы изображаете дело так: вы видите — вы оправдали. Очной ставки не было. Теперь Каменева нет, Томского нет, а те аргументы, которые были, они не дали вам должных юридических оснований. Но к сожалению, есть новые факты, более убийственные, пачкающие людей. Но давайте проверять это дело объективно. Еще и еще раз будем к каждому возражению Рыкова и Бухарина прислушиваться».[167]

* * *

В начале одиннадцатого вечера заседание Пленума, продолжавшееся более шести часов, прервали, перенесли на 7 декабря. Но о том, что произошло в тот день, нам практически ничего не известно, ибо выступление Сталина по докладу Ежова — по делу Бухарина и Рыкова — до сих пор остается недоступным для исследователей. Единственным, что позволяет, но в предельно обобщенном виде, судить о том, что же сказал тогда Сталин, является резолюция по второму пункту повестки дня.

«Принять предложение т. Сталина считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего Пленума ЦК».

Кроме того, опять же по предложению Сталина, о Пленуме решили не сообщать в газетах. (Этот запрет сохранялся на протяжении последующих 50 лет, и потому не только содержание докладов и выступлений на нем, но и сам факт проведения его оказался государственной тайной!). Стремление сохранить в тайне все происходившее на этом Пленуме лишний раз подтверждало нежелание узкого руководства открыто обвинить правых, подтверждало сохранявшееся пока стремление сталинской группы удержаться на возможно мягкой позиции.

Группа Сталина все еще отказывалась принять те правила игры, которые ей навязывало широкое руководство. Она попыталась продемонстрировать свою силу, возможность достигать намеченных целей, не прибегая к репрессивным мерам.

Часть 12

Испанский синдром

Между тем, внешнеполитическая обстановка в конце 1936 года резко осложнилась. 24 октября 1936 г., на следующий день после подписания министрами иностранных дел Германии и Италии, Нейратом и Чиано соответственно, германо-итальянского протокола о проведении согласованной внешней политики, Гитлер и Муссолини объявили о создании «оси Берлин — Рим». Менее месяца спустя, 15 ноября, в Берлине Нейрат и его японский коллега Мусякодзи подписали «Антикоминтерновский пакт». Заручившись союзниками в Европе и Азии, Гитлер открыто объявил, что теперь Италия и Германия могут победить не только большевизм, но и всю Европу, включая Великобританию. А 30 января 1937 г., выступая в рейхстаге, заявил: «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». Война становилась неминуемой.

Несмотря на столь угрожающие события, ни французской, ни советской дипломатии так и не удалось добиться расширения антигерманского оборонительного блока. Осенью была полностью утрачена надежда на присоединение к нему Румынии, что стало несомненным после отставки румынского министра иностранных дел Николае Титулеску, самого последовательного в Бухаресте сторонника сближения с Францией.

Столь же призрачным оказались ожидания заключения договора о взаимопомощи с Великобританией. Премьер Стэнли Болдуин, полностью отрешившись от европейских проблем, весь год занимался матримониальными делами короля Эдуарда VIII, 11 декабря отрекшегося от престола. Единственному, как выяснилось, стороннику активных действий в британском правительстве, министру иностранных дел Антони Идену оставалось лишь изображать Кассандру, предупреждая о надвигающейся опасности, что он и сделал, выступая 14 ноября в Бедфорде:

«Если Европа будет в 1936 г. усеяна бумажными клочками разорванных договоров, то нельзя будет взирать на будущее с доверием. Нужно положить предел односторонним расторжениям договоров. Англия не намерена равнодушно созерцать вооружение Германии. Англия не допустит расчленения Испании».

Однако из объявленной Иденом программы Лондону удалось добиться лишь последнего пункта, да и то весьма своеобразно — за счет уступок другому агрессору, Италии. 2 января Лондон и Рим заключили «джентльменское соглашение» о взаимных интересах в Средиземном море, то самое, которое дорого обошлось британскому флоту после начала Второй мировой войны.

Даже Чехословакия, более других нуждавшаяся в коллективной системе безопасности, уже не проявляла былой твердости. Подвергаясь сильному давлению со стороны Берлина и шантажу судетских немцев, зная о существовании плана раздела страны между Германией, Венгрией и Польшей, но не встретив твердой поддержки Парижа и Лондона, она начала склоняться к поиску компромисса со своим слишком грозным западным соседом.

Но, пожалуй, самую серьезную угрозу для политики сталинского руководства таило развитие событий в Испании, где гражданская война постепенно стала перерастать в революцию, что должно было подтвердить правоту не Сталина, а Троцкого и Зиновьева. Такое положение на Иберийском полуострове бросалось в глаза любому, кто побывал там.

Сдерживать же надвигавшуюся революцию с каждой неделей становилось труднее, ибо ситуация в Испании приобретала все большую зависимость от европейских стран, но не от СССР, а от Германии и Италии. Военное присутствие нацистов, первоначально выражавшееся в поставках франкистам оружия и отправке к ним «инструкторов», в ноябре 1936 г. качественно изменилось. Из Гамбурга в Кадис прибыл авиалегион «Кондор» — около трехсот боевых самолетов и танковый корпус.

А 4 января 1937 г., в соответствии с подписанным 26 ноября в Саламанке соглашением о помощи Италии франкистам, в южноиспанских портах высадился итальянский экспедиционный корпус численностью около 50 тысяч человек. Правовой основой появления войск интервентов стало признание Германией и Италией 18 ноября режима Франко, что противоречило их обязательствам, взятым при присоединении к соглашению о невмешательстве. Формальным же поводом — военная помощь СССР законному испанскому правительству и формирование с согласия последнего, начиная с 22 октября, интернациональных бригад, воинских частей из добровольцев, прибывших со всего мира для помощи республиканцам.

Приток интернационалистов совпал с битвой за Мадрид, начавшейся в конце октября 1936 года и достигшей кульминации 6–9 ноября. Только благодаря самым решительным мерам республики — отказу от милицейской системы и возвращению к регулярной армии, формированию ее на основе декрета о мобилизации мужчин в возрасте от 20 до 45 лет — столицу удалось отстоять, хотя франкисты и сумели прорваться на ее западные окраины.

К середине ноября положение на всех фронтах Испании стабилизировалось, что немедленно породило активизацию дипломатии. 5 декабря Великобритания и Франция направили ноты Германии, Италии, Португалии и СССР, то есть тем именно странам, которые в той или иной форме оказались причастными к гражданской войне, с предложением подтвердить свою приверженность политике невмешательства «в интересах мира, сохранения европейской цивилизации и гуманности».[168]

9 декабря в ответных нотах, врученных М.М. Литвиновым послам Великобритании и Франции, советское правительство решительно подтвердило свою готовность «вместе с другими государствами вновь заявить о воздержании от прямых или косвенных действий, которые могли бы привести к иностранной интервенции в Испании, ожидая, однако, что будет обеспечен или гарантирован полный контроль такого же воздержания со стороны других государств». Советский Союз не хотел рисковать. Он должен был быть уверен в том, что если прекратит военную помощь законному правительству Испании, то то же сделают Германия, Италия и Португалия, поддерживавшие мятежников.

Следующую попытку сдержать агрессоров, разумеется, чисто дипломатическую, сделал Комитет по невмешательству. В коммюнике от 9 декабря он призвал к запрещению как прямого, так и косвенного вмешательства в испанские дела. А для этого участники соглашения не должны были допускать использование своей территории для вербовки, отправки или

транзита «лиц, предполагающих принять участие в гражданской войне в Испании или с какой-либо иной целью», а также предоставлять займы или кредиты противоборствующим сторонам.[169]

Советское правительство 18 декабря через И.М. Майского выразило готовность и на этот раз не только принять все рекомендации Комитета, но и неуклонно соблюдать их, однако потребовало одновременно ввести строжайший контроль. Но тут же обнаружилось: Великобритания, инициатор данного предложения Комитета, настаивает на незамедлительном запрещении волонтерства, а вопрос о введении контроля, от которого отнюдь не отказывается, предполагает решить лишь в дальнейшем, путем консультаций.

Причину столь своеобразной позиции Лондона вскоре объяснил Иден. В беседе с Майским 21 декабря он выразил опасение, что Кремль, усиливая свое влияние на Мадрид благодаря военной помощи, намеревается установить в Испании советскую власть.[170] Вполне возможно, основанием для такого предположения могли послужить леворадикальные лозунги, под которыми выступали протроцкистская партия ПОУМ, Федерация анархистов Иберии и, в меньшей степени, Всеобщая конфедерация труда.

Новый, 1937 год не только не принес положительных сдвигов в решении испанского вопроса, но и обнаружил усиление довольно неприятной для Москвы тенденции. Французские премьер Леон Блюм и министр иностранных дел Ивон Дельбос, пренебрегая национальными интересами, не очень задумываясь о последствиях своих решений, все больше и больше подпадали под влияние Лондона, безоговорочно выступая с поддержкой всех его предложений и вызывая тем открытое недовольство других членов кабинета.

Об этом откровенно говорили в беседе с советским полпредом В.П. Потемкиным французские министр обороны Эдуард Даладье и начальник генерального штаба Морис Гамелен. Они выразили тревогу «военных кругов Франции перед расширяющейся германской интервенцией в Испании и военными приготовлениями Германии». Вместе с тем «признали чрезвычайную опасность создания в Испании Гитлером антифранцузской военной базы». Кроме того, Даладье обвинил Великобританию «в том, что она воспротивилась оказанию помощи законному правительству Испании», причем отметил, что она же «двусторонним средиземноморским соглашением с Италией изолировала Францию и повысила требовательность Муссолини в отношении французского правительства».[171]

Тем неприятные известия из Парижа для узкого руководства не ограничились. 19 января французские газеты опубликовали провокационное сообщение из Москвы, в котором говорилось о «возможности пересмотра советским правительством советско-французского пакта… представляющегося для СССР несколько обременительным». В.П. Потемкин категорически отверг как заведомо ложное утверждение прессы. Он заявил, что «для СССР французско-советский пакт остается одной из существенных гарантий общего мира в Европе». И добавил, что Москва, как и прежде, надеется ради упрочения пакта как можно скорее установить технический контакт генеральных штабов обоих государств.

* * *

В таких внешнеполитических условиях узкое руководство СССР 22 января 1937 г. решило провести новый открытый процесс — по делу арестованных осенью минувшего года Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека, Г.Я. Сокольникова, Л.П. Серебрякова и других. Суд над видными государственными и партийными деятелями, известными в прошлом как троцкисты, скорее всего, должен был послужить решению нескольких задач одновременно.

Во-первых, для всего мира, и особенно Великобритании и Франции, СССР доказал бы свой отказ от прежнего экспансионистского курса. Во-вторых, для широкого руководства процесс должен был явиться зримым итогом результатов назначения Ежова в НКВД, работы его

наркомата по выполнению «Директивы», а вместе с тем и свидетельством неослабевающих возможностей группы Сталина в борьбе против идейных и политических противников.

Наконец, процесс вполне мог стать превентивным ответом Троцкому, готовившему рукопись «Преданная революция» к печати, и попыткой предотвратить создание троцкистского IV Интернационала. Ведь вряд ли случайно подготовка процесса совпала по времени с изменениями в жизни Троцкого. Высланный под нажимом Москвы из Норвегии Лев Давидович с женой 9 января — в день утверждения второго варианта обвинительного заключения — прибыл в Мексику. Когда же в Москве, в Колонном зале Дома союзов, 23 января начался суд, Троцкий уже обосновался на новом месте — на вилле приютившего его великого художника Диего Риверы в пригороде мексиканской столицы.

В отличие от августовского процесса 1936 года, январский процесс 1937 года открылся без пропагандистской подготовки. Так, «Правда» до начала публикации судебных отчетов ограничилась всего тремя материалами. 20 января дала сообщение «В прокуратуре Союза ССР», просто известившее: «В настоящее время органами НКВД закончено следствие по делу троцкистского «параллельного центра» в составе Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека, Л.П. Серебрякова, Г.Я. Сокольникова… Дело слушанием в военной коллегии Верховного суда СССР назначено на 23 января».

На следующий день на первой полосе была помещена редакционная статья «Троцкистские шпионы, диверсанты, изменники родины», а на пятой — корреспонденция Михаила Кольцова из Мадрида «Агентура Троцкого в Испании».

Представшие 23 января 1937 г. перед судом 17 обвиняемых — из нескольких тысяч арестованных к тому времени троцкистов! — фактически распадались на две разнородные группы. К первой, основной, относились широко известные давние сторонники Троцкого Г.Л. Пятаков, Л.П. Серебряков, Н.И. Муралов, Я.Н. Дробнис, М.С. Богуславский, которые в ходе самой, пожалуй, бурной и значительной внутрипартийной дискуссии 15 октября 1923 г. подписали знаменитое «Заявление 46-ти» в защиту и поддержку позиции Троцкого. Все они, а также и К.Б. Радек за участие в «объединенной» оппозиции в конце 1927 г. были исключены из партии и отправлены в ссылку. Только после признания «ошибочности своих взглядов» их восстановили в рядах ВКП(б) и даже назначили на довольно высокие посты. С тех пор почти все они сумели сделать карьеру. Пятаков перед арестом занимал должность первого заместителя наркома тяжелой промышленности, Радек — заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б), Серебряков — заместителя начальника Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта, Богуславский — начальника Сибмашстроя в Новосибирске, Дробнис — заместителя начальника Химкомбинатстроя в Кемерове.

Рядом с ними, в числе главных обвиняемых, находился «зиновьевец» Г.Я. Сокольников. На XIV съезде партии он поддержал оппозицию, но не Троцкого, а Зиновьева и Каменева — «ленинградскую», она же «новая».

Судебное присутствие под председательством В.В. Ульриха, и государственный обвинитель А.Я. Вышинский добивались, прежде всего, признаний Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольникова в том, что они с 1931–1933 гг. начали получать директивы от Троцкого и неуклонно следовать им. Кроме того, от них требовали подтвердить их собственные показания о том, что они сформировали «параллельный центр» как руководящий орган подпольной организации, который начал активную деятельность в середине 1935 г.[172]

Суд проводился гласно, на него были приглашены зарубежные и советские журналисты, и пресса, а через нее и весь мир услышали признания троцкистов, подтвердившие правомочность обвинения и беспристрастность суда.

Пятаков: «…Самое тяжелое, граждане судьи, для меня не это, не тот приговор справедливый, который вы вынесете. Это сознание прежде всего для себя, сознание на следствии, сознание вам и сознание всей стране, что я очутился в итоге всей

предшествовавшей преступной подпольной борьбы в самой гуще, в самом центре контрреволюции троцкистской».

Радек: «После того, как я признал виновность в измене родине, всякая возможность защитительных речей исключена. Нет таких аргументов, которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Человек, который 35 лет провел в рабочем движении, не может смягчать какими бы то ни было обстоятельствами свою вину, когда признает измену родине. Я даже не могу сослаться на то, что меня свел с пути истинного Троцкий. Я уже был взрослым человеком, когда встретился с Троцким, со сложившимися взглядами. И если вообще роль Троцкого в развитии этих контрреволюционных организаций громадна, то в тот момент, когда я вступал на этот путь борьбы против партии, авторитет Троцкого был для меня минимальным».

Сокольников: «Я признал свою вину и свои преступления на предварительном следствии, полностью признаю их здесь и не имею к ним ничего добавить».

Серебряков: «Тяжело сознавать, что я, вошедший с ранних лет в революционное движение и прошедший два десятка лет честным и преданным членом партии, стал в итоге врагом народа и очутился вот здесь, на скамье подсудимых. Но я отдаю себе отчет, что это произошло потому, что в свое время, совершив политическую ошибку и проявив упорство в ней в дальнейшем, я усугубил эту ошибку, которая по неизбежной логике судьбы переросла в тягчайшее преступление».

Муралов: «Свыше десяти лет я был верным солдатом Троцкого, этого злодея рабочего движения, этого достойного всякого презрения агента фашистов, врага рабочего класса и Советского Союза. Но ведь свыше двух десятков лет я был верным солдатом большевистской партии. Вот эти все обстоятельства заставили меня все честно сказать и рассказать и на следствии, и на суде. Это не мои пустые слова, потому что я привык быть верным в прежнее время, в лучшее время моей жизни, верным солдатом революции, другом рабочего класса».[173]

После этих признаний вполне естественной стала заключительная часть приговора, гласившая: Л.Д. Троцкий и его сын, А.А. Седов, «в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР».[174]

После вынесения 29 января относительно мягкого приговора некоторым подсудимым (Радек, Сокольников и Арнольд — 10 лет тюремного заключения, Строилов — 8, остальных ждал расстрел) пропагандистская кампания продолжалась всего три дня. Кульминацией ее стал митинг москвичей на Красной площади, выступления на нем с поддержкой и одобрением суровой кары троцкистам Н.С. Хрущева, Н.М. Шверника и президента Академии наук СССР известного ботаника В.Л. Комарова.[175] А затем, как и в начале января, пресса забыла о врагах, вернулась к реабилитации исторического прошлого России, используя для того юбилейные и просто «круглые» даты выдающихся деятелей отечественной культуры и науки, возвращая народу их порядком подзабытые имена: композиторов М.А. Балакирева, М.И. Глинки, А.П. Бородина, зодчего В.И. Баженова, химика Д.И. Менделеева, физика П.Н. Лебедева. Особого внимания удостоился А.С. Пушкин, которому «Правда», в связи со столетием гибели великого национального поэта, посвятила чуть ли не полностью три номера — за 9, 10 и 11 февраля.

Часть 13

Подготовка к выборам по новой избирательной системе

Уже в ходе процесса по делу «параллельного центра» сталинская группа, скорее всего, сочла, что с проблемой «второй партии» — радикального крыла большевизма — покончено навсегда, а потому можно и должно вернуться к решению самой важной и актуальной задачи — подготовке к выборам по новой избирательной системе. К тому, что оказалось невозможным и в начале декабря минувшего года — в ходе заседания VIII чрезвычайного съезда Советов, и

в конце — 26 декабря, когда ПБ утвердило дату созыва 3-й сессии ЦИК СССР седьмого созыва, последней возможной по старой Конституции, на 11 января 1937 г. с практически единственным пунктом повестки дня — утверждением очередного бюджета.

За сутки до окончания процесса, 28 января, ПБ приняло решение созвать очередной Пленум ЦК, учитывая при этом негативный опыт предыдущих, июньского и декабрьского. Новый подход выразился в сознательном, тщательно продуманном сочетании двух предельно разнородных вопросов, выносившихся на обсуждение: выборы хотя и по новой системе, но пока лишь в партийных организациях; дело Бухарина и Рыкова; уроки заговора троцкистов.

Как оказалось, найти наиболее эффективную последовательность обсуждения двух проблем, чему группа Сталина, судя по последовавшим сразу же событиям, придавала огромное значение, не удавалось целый месяц, вплоть до самого открытия Пленума. За четыре с лишним недели ПБ семь раз официально меняло не только очередность докладов, но и докладчиков.[176]

18 февраля из-за внезапной кончины Орджоникидзе Пленум перенесли на 23 февраля, а содокладчиком по второму вопросу назначили Молотова.[177] Однако и тогда порядок дня все еще не стал окончательным. При открытии, буквально на ходу, повестку изменили вновь. Первым оказался доклад Ежова о деле Бухарина и Рыкова, вторым — Жданова о подготовке парторганизаций к выборам, третьим, уроки троцкистского заговора, — Молотова и Кагановича, четвертым — еще один доклад Ежова, пятым — доклад Сталина о недостатках партийной работы.

Растянувшийся на одиннадцать дней Пленум, как и предусматривалось изначально, распался на обсуждение трех проблем, причем вторая и третья связывались воедино докладом Сталина. Таким образом, доклад Жданова, основной для предлагаемых политических реформ, как бы оказывался запрятанным, утопленным в повестке дня.

Доклад Ежова и обсуждение его заняли в общей сложности три дня — с вечернего заседания 23 февраля по утреннее 26-го, ибо ими всего лишь завершили тему, поднятую еще на декабрьском Пленуме. Трудно сказать, как бы все прошло на этот раз, если бы сам Бухарин не сделал все возможное для собственной дискредитации. Сначала — слишком обстоятельной, да еще в двух частях, запиской, направленной членам ЦК и, по замыслу автора, призванной заменить устное выступление, которого он поначалу пытался всячески избежать. В ней Бухарин обвинения в свой адрес объявлял клеветой… троцкистов, прежде всего и главным образом Радека, а также Пятакова, Сокольникова и Сосновского, которых заодно всячески поносил как заклятых врагов партии и страны. В полемическом задоре очернительства не забыл Бухарин и о своих былых союзниках по правой оппозиции — уже арестованных и давших против него «показания» Е.Ф. Куликове, Н.А. Угланове, В.А. Котове, В.М. Михайлове, Е.В. Цейтлин, которых тоже причислил к злостным клеветникам и контрреволюционерам. Мимоходом отрекся и от своих учеников по Институту красной профессуры, так называемой бухаринской школы — А.Н. Слепкова, Л.П. Марецкого, В.Н. Астрова и других, вряд ли случайно упомянув среди них и заведующего агитпропом А.И. Стецкого, своего нынешнего идеологического противника.

Усугубила уже сформировавшееся резко отрицательное отношение к Бухарину еще одна его записка, в ПБ, распространенная среди участников Пленума. В ней Бухарин фактически признавал свое полное поражение в еще не начавшейся дискуссии, признавал и политический крах, объявляя, что начинает голодовку, а потому не будет участвовать в заседаниях Пленума даже при обсуждении персонального вопроса его и Рыкова.[178]

И все же Бухарин на Пленуме появился. Даже дважды (Рыков лишь раз) получил слово. Сначала — после доклада Ежова и первого в начавшемся обсуждении выступлении Микояна. Затем — по окончании дискуссии. Но и личным, хотя и вынужденным присутствием, и двумя выступлениями он так и не смог переломить настроение, уже воцарившееся в зале, не опроверг

достаточно убедительно хотя бы основные обвинения, прозвучавшие в докладе наркома внутренних дел.

Выработку резолюции перенесли из зала заседания в специальную комиссию пленума, включавшую 36 членов ЦК. Ежов предложил исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов партии, предать суду с применением высшей меры наказания. Его поддержали С.М. Буденный, А.В. Косарев, Д.З. Мануильский, Н.М. Шверник, И.Э. Якир. За более мягкий вариант резолюции, «без применения расстрела», высказались Н.К. Антипов, С.В. Косиор, М.М. Литвинов, К.И. Николаева, Г.И. Петровский, П.П. Постышев, Н.С Хрущев, М.Ф. Шкирятов. Третий вариант, внесенный Сталиным, предлагал Пленуму остаться в рамках своей компетенции, не подменяя собой ни следствия, ни суда: «исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), суду не предавать, а направить дело Бухарина — Рыкова в НКВД». С этим солидаризировались В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, И.М. Варейкис, Н.К. Крупская и М.И. Ульянова.[179]

27 февраля Пленум остановился на последнем варианте резолюции, проголосовав именно за него. Бухарин и Рыков были незамедлительно арестованы, а следствие по их делу, уже шедшее с августа минувшего года, продолжилось.

Рассмотрев дело Бухарина — Рыкова, Пленум приступил ко второму пункту повестки дня, доклада Жданова. Жданов суть вопроса сформулировал буквально в первых фразах: «Нам предстоят, очевидно, осенью или зимой этого года перевыборы в Верховный Совет СССР и в Советы депутатов трудящихся сверху донизу по новой избирательной системе. Введение новой Конституции отбрасывает всякие ограничения, существовавшие до сих пор для так называемых лишенцев… голосование будет тайным и по отдельным кандидатам, выдвигаемым по избирательным округам. Новая избирательная система… даст мощный толчок к улучшению работы советских органов, ликвидации бюрократических органов, ликвидации бюрократических недостатков и извращений в работе наших советских организаций. А эти недостатки, как вы знаете, очень существенны. *Наши партийные органы должны быть готовы к избирательной борьбе* (выделено мной. — Ю.Ж.). При выборах нам придется иметь дело с враждебной агитацией и враждебными кандидатами».

Полагая, что такого объяснения все еще недостаточно, Жданов уточнил: «*Проверка тайным голосованием будет самой основательной проверкой наших работников, потому что тайное голосование представляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и неугодных с точки зрения масс кандидатур, чем это было до сих пор* (выделено мной. — Ю.Ж.)…Возглавить поворот в политической жизни страны и обеспечить демократические перевыборы — это означает, что наши партийные организации не должны ожидать, когда массы толкнут их снизу в отношении критики и отводов негодных кандидатур, не дожидаясь их провала при тайном голосовании». Дабы ни у кого не оставалось неясности, Жданов открыто предупредил всех: «Наши партийные органы должны научиться отличать дружескую критику от враждебной. У нас нередко бывает так, что недовольство трудящихся отдельными недостатками и извращениями в деятельности наших советских органов расцениваются и рассматриваются как враждебная критика. Было бы очень вредным и опасным, если бы при новых выборах были повторены ошибки, имевшие место в старой тактике выборов и которые заключались в невнимательном отношении к кандидатурам беспартийных, когда в целях обеспечения партийного влияния в советах беспартийные кандидатуры не пользовались необходимым вниманием и поддержкой, которые вытекают из основ большевистского понимания руководства и связи с массами. Имейте в виду, что коммунистов в нашей стране два миллиона, а беспартийных «несколько» больше».

Объяснив именно так ситуацию, связанную с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР, докладчик перешел к собственно проблемам партийных организаций. Жданов сказал, что «за последние 2–3 года выборы областных, краевых комитетов и ЦК нацкомпартий проводились лишь в тех организациях, которые образованы заново в связи с формированием областей». Что вместо выборов, даже по старой, советской системе, давно уже утвердилась кооптация, представляющая собой «нарушение законных прав членов партии». И обрушился на существовавшую ранее практику выборов, связывая критику с новой избирательной системой.

Он отметил, что «члены партии лишены возможности свободно высказываться по кандидатурам, воспользоваться правом отвода и критики неприемлемых кандидатов». Честно признал, что прежняя «организация выборов направлена не к тому, чтобы обеспечить действительную возможность проверки каждой кандидатуры партийной массой, а к тому, чтобы как можно скорее провести выборы и избавиться от докучливой критики партийных масс к той или другой кандидатуре», а потому она должна остаться в прошлом.

«Если мы хотим добиться уважения у наших советских и партийных работников к нашим законам, и масс — к советской Конституции, то мы должны обеспечить перестройку партийной работы на основе безусловного и полного проведения начал внутрипартийной демократии, предусмотренной уставом нашей партии».

И перечислил необходимые мероприятия, которые уже содержались в проекте резолюции по его докладу: ликвидация кооптации, запрещение голосовать списком, переход от открытого голосования к тайному, обеспечение «неограниченного права отвода членами партии выдвигаемых кандидатур и неограниченного права критики этих кандидатур».[180]

* * *

Но вопросы, поднятые Ждановым, не заинтересовали участников Пленума. В прениях выступило всего 16 человек. Первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий упорно пытались перевести разговор на другую тему — на предстоящую, по их мнению, борьбу с «врагами народа», которые якобы оживились в связи с принятием новой Конституции.

Р.И. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома: «Мы встретимся… во время выборной борьбы с остатками врагов, и надо изучить сейчас и ясно уяснить, с какими врагами нам придется встретиться, где эти очаги врагов».

С.В. Косиор, первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины, все внимание в своем выступлении сосредоточил на необходимости усилить агитационную работу, дабы выяснить «источник чуждых нам влияний».

Н.С. Хрущев, первый секретарь МК: «В связи с большой активностью, которую мы имеем на предприятиях, в колхозах, в учреждениях, среди рабочих и служащих, мы имеем безусловно оживление некоторых враждебных групп и в городе, и на селе. В Рязани не так давно выявлена эсеровская группировка, которая также готовится, что называется сейчас уже, к выборам на основе новой Конституции».

Л.И. Мирзоян, первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана: «Наметилось большое оживление работы враждебных элементов… В целом ряде мест духовенство так ловко подделывается под советский лад, что частенько разоружает наши отдельные первичные организации».

Я.А. Попок, первый секретарь ЦК КП(б) Туркмении: «По всем линиям мы чувствуем рост активности враждебных элементов».

И.Д. Кабаков, первый секретарь Свердловского обкома (его появление на трибуне Сталин встретил издевательской репликой: «Всех врагов разогнали или остались?»[181]): «Та активность, которая выливается в форму усиления участия масс в строительной работе,

зачастую используется враждебными элементами как прикрытие для контрреволюционной работы».

Е.Г. Евдокимов, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома: «Вскрыта у нас группа так называемых промежуточных элементов, которая в индивидуальном порядке обрабатывает неустойчивых людей… Дальше, эсеровская организация в трех донских районах на границе с Украиной, сейчас арестовано сорок человек из эсеровской организации. Они тоже самым энергичным образом подготовляются к выборам».

И все же при голосовании члены ЦК не могли не поддержать предложенную резолюцию. Тем более что они, собственно, должны были проголосовать всего лишь за точное и неукоснительное соблюдение устава партии, а не за новое положение о выборах, которое весьма интересовало их, но о котором они так ничего и не узнали.

В прениях, правда, этот вопрос все же прозвучал. Р.И Эйхе заметил, что «следовало бы начать со скорейшего ознакомления с избирательным законом. До сих пор мы ничего не знаем». Однако Жданов не стал углубляться в не предусмотренную темой доклада проблему. Предоставил ответить М.И. Калинину. Все «вопросы, — сказал Михаил Иванович, — будут разрешены, когда будет обсуждаться проект…Опубликовать раньше проект нет оснований. Обсуждаться проект, очевидно, будет на сессии, и вы тогда внесете поправки».[182] Единственной неудачей для Жданова оказалась попытка настоять на быстрейшем проведении выборов во всех парторганизациях, завершив их не позже конца апреля. Ссылаясь на незнание новых, демократических норм избирательной системы, Пленум поддержал предложение, высказанное С.В. Косиором и М.М. Хатаевичем — «надо несколько оттянуть сроки окончания партийных выборов». Жданов вынужден был внести поправку в проект резолюции — отнести завершение восстановления уставных норм в партии на 20 мая.[183]

* * *

Неожиданно возникший в ходе Пленума второй доклад Ежова носил сугубо ведомственный характер. Ежов, прежде всего, попытался обосновать пересказанную им телеграмму Сталина и Жданова от 25 сентября 1936 г. об «опоздании на 4 года» в деле разоблачения троцкистского подполья. Виновным в «четырехлетнем отставании» Ежов объявил Г.А. Молчанова, известного своими давними связями с троцкистами. Молчанов с ноября 1917-го по июнь 1918 г. служил ординарцем в штабе Антонова-Овсеенко, открытого сторонника Троцкого, а затем, вплоть до лета 1920 г., служил в рядах Красной армии, опять же под непосредственным командованием Троцкого.

Наконец, Ежов сообщил и о принятых в подведомственном ему наркомате мерах: об аресте 238 чекистов высокого ранга, в том числе 107, работавших в Главном управлении госбезопасности.[184]

Выступившие в прениях сотрудники НКВД признали, что именно в 1931–1932 гг. резко ослабли действия по разоблачению вражеского подполья. Вместе с тем они разошлись во взглядах на то, кто повинен в этом. Только Ягода поддержал Ежова, назвав ответственным за все одного Молчанова. Остальные настаивали на виновности, прежде всего, бывшего наркома, то есть самого Ягоды. Ту же позицию заняли выступавшие в прениях нарком здравоохранения СССР Г.Н. Каминский, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома, в прошлом отдавший четырнадцать лет ответственной работе в ОГПУ Е.Г. Евдокимов, секретарь ЦИК СССР, в 1931–1932 гг. заместитель председателя ОГПУ, а в 1933–1935 гг. прокурор СССР И.А. Акулов.

Затем слово взял А.Я. Вышинский, который выступил с резкой критикой работы органов НКВД. Он поведал о том, что слишком часто следователи НКВД, проводя допросы, демонстрируют непрофессионализм, вопиющую неграмотность, сознательно допускают

преступные подтасовки. Он, в частности, сказал: «Качество следственного производства у нас недостаточно, и не только в органах НКВД, но и в органах прокуратуры. Наши следственные материалы страдают тем, что мы называем в своем кругу «обвинительным уклоном». Это тоже своего рода «честь мундира» — если уж попал, зацепили, потащили обвиняемого, нужно доказать во что бы то ни стало, что он виноват. Если следствие приходит к иным результатам, чем обвинение, то это считается просто неудобным. Считается неловко прекратить дело за недоказанностью, как будто это компрометирует работу».

Вышинский пояснил, что такой «обвинительный уклон» нарушает инструкцию ЦК от 8 мая 1933 г. (которую не раз поминал в докладе Ежов, извращая ее истинный смысл). Подчеркнул — документ этот направлен на то, «чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности». И добавил: «К сожалению, до сих пор инструкция от 8 мая выполняется плохо».

* * *

Сталин выступил за два дня до окончания Пленума. В своем докладе он сказал об «одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадности и шумливых восхвалений» в партийных органах, риторически приведя мнение неких неназванных оппонентов: «Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда?»

Уже ближе к концу доклада Сталин еще раз намекнул на тех же оппонентов: «Современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии…. Слабость наших людей составляет… отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы».

И лишь завершая речь, он опять вернулся к той же, явно главной для него теме. И прямо назвал тех, кто должен быть готов лишиться своих постов. Партийных руководителей: 3–4 тыс. — высшего звена, 30–40 тыс. — среднего и 100–150 тыс. низового. Указал и срок — шесть месяцев, когда придется «влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения», то есть как раз до выборов в Верховный Совет СССР и местные Советы.

С началом прений опасения Сталина стали понятны. Он, как оказалось, наткнулся на глухую стену непонимания, нежелания членов ЦК, услышавших в докладе лишь то, что захотели услышать, обсуждать то, что он предлагал. Из двадцати четырех человек, принявших участие в обсуждении, пятнадцать говорили в основном о «врагах народа», то есть троцкистах. Говорили убежденно, агрессивно. Все проблемы сводили к одному — необходимости поиска «врагов». И практически никто из них не вспомнил об основном — о недостатках в работе партийных организаций, о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

Так, Е.Г. Евдокимов сразу же, с готовностью признал свои ошибки, правда, не вдаваясь в детали, и тут же заговорил о засилье «врагов» в Азово-Черноморском крае. «Везде в руководстве сидели враги партии — и первые, и вторые секретари… Почти все звенья затронуты, начиная с наркомзема, наркомсовхозов, крайвнуторга и так далее. Крепко, оказалось, засели и в краевой прокуратуре… Две организации чекистов возглавлялись врагами партии. Весь огонь враги сосредоточили на захвате городских партийных организаций».

Вину за такое положение Евдокимов целиком и полностью возложил на своего предшественника — Б.П. Шеболдаева. Да еще на А.Г. Белобородова, принципиального и твердого троцкиста, работавшего перед арестом 15 августа 1936 г. уполномоченным комитета заготовок по краю.

Недалеко от Евдокимова по образу мышления ушел и П.П. Постышев. Снятый недавно с поста второго секретаря ЦК КП(б) Украины, он нашел единственное весомое и бесспорное оправдание своим ошибкам. С гордостью заявил:

«Мы ведь на Украине все-таки одиннадцать тысяч всяких врагов исключили из партии, очень многих из них посадили».[185] Сходными по сути оказались выступления Б.П. Шеболдаева, И.Д. Кабакова, Я.Б. Гамарника, А.И. Угарова, А.В. Косарева.

Изменить столь агрессивный дух Пленума попытался Я.А. Яковлев. Ссылаясь на данные КПК, он сделал все возможное, дабы пресечь репрессивные устремления членов ЦК, настойчиво убеждал их, что число исключенных из партии далеко не равнозначно количеству врагов, что большинство бывших членов ВКП(б) пострадали не из-за своих троцкистских убеждений, а по иным, более простым, прозаическим причинам — из-за казенщины, бюрократизма и равнодушия к людям. Яковлев рассказал: «Когда мы, Комитет партийного контроля, познакомились со 155 исключенными на трех предприятиях (Москвы. — Ю.Ж.), из них 62 исключили за пассивность. Из этих 155 две трети работают на производстве больше десяти лет. 70 — слесари, токари, шлифовальщики, инженеры, техники. Из этих 155 122 — стахановцы. В чем же здесь дело? Мне кажется, дело в том, что здесь имело место… отсутствие внимания к людям».

Не ограничиваясь примером по столице, Яковлев привел данные по НКПС. «На сети железных дорог — сообщил он, — насчитывается около 75 тысяч исключенных из партии» при общем числе коммунистов там 156 тысяч. Столь удручающий результат чистки он объяснил так: «Исключена очень большая часть за пассивность, политнеграмотность и неуплату членских взносов».

Далее слово пришлось взять заведующему отделом руководящих партийных органов Г.М. Маленкову. Он говорил практически о том же, о чем уже сказал Яковлев, — о невнимании, равнодушии партсекретарей к рядовым членам партии. Подчеркнул, что настоящие, а не мнимые троцкисты составили, в общем, не более одной десятой исключенных. Указал, что бездумные, формальные чистки повсюду привели к резкому уменьшению областных и краевых организаций — почти наполовину. Что первые секретари создают чуть ли не повсеместно своеобразные личные кланы партбюрократии, даже при переводе в другой край или область тянут за собой «хвост» из лично преданных людей, с кем они давно сработались. По его мнению, те же первые секретари потворствуют открытой лести в свой адрес, что порождает подхалимаж, зазнайство, самодовольство.

Дав столь нелицеприятную оценку партократии, Маленков уточнил округленные цифры, приведенные в докладе Сталиным. Дал справку, что в целом к номенклатуре ЦК или к руководителям высшего звена относятся не 3–4 тысячи человек, а значительно больше — 5860 первых и вторых секретарей горкомов, райкомов, обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий. К низшему же не 100–150 тысяч, а всего 94 145 секретарей парткомов первичных организаций. Тем самым он как бы продемонстрировал явную раздутость руководящего звена и намекнул о вполне возможном сокращении его.

* * *

Речи Яковлева и Маленкова несколько охладили пыл членов ЦК, однако так и не заставили их выступать по теме доклада Сталина. Участники Пленума перестали говорить о «засилье врагов», но тут же нашли себе иных противников — в лице друг друга. С.Е. Кудрявцев, член ЦК и ПБ компартии Украины, и П.П. Любченко назвали нового виновного во всех ошибках, допущенных в республике, — Постышева. А.А. Андреев обрушился на Шеболдаева, В.И. Полонский, секретарь ВЦСПС, — на Н.М. Шверника. Н.С. Хрущев, упорно защищая свой метод чистки, вступил в полемику с Яковлевым, пытался опровергнуть его. Такой поворот в ходе

Пленума позволил Сталину в заключительном слове 5 марта сказать гораздо больше и яснее, нежели в докладе.

Прежде всего, Иосиф Виссарионович объявил о том, что, несомненно, считал для себя наиважнейшим, — необходимости вскоре разграничить функции партии и органов исполнительной власти.

«Партийные организации будут освобождены от хозяйственной работы, хотя произойдет это далеко не сразу. Для этого необходимо время. Надо укомплектовать органы сельского хозяйства, дать туда лучших людей. Промышленность, она крепче построена, и ее органы не дадут вам подменить их. И это очень хорошо. Надо усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами, не подменять их и не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо их».

Затем Сталин выразил свое отношение к тем, кто пытался последние десять лет подменять собой исполнительную ветвь власти: к левым — троцкистам и зиновьевцам, к правым — бухаринцам. Не поленившись подсчитать, сколько же в партии изначально имелось убежденных идейных троцкистов и зиновьевцев, а также правых, он пришел к выводу, что не более 30 тысяч человек, в чем полностью сошелся в подсчетах с Троцким. Но сразу же уточнил: из них «уже арестовано 18 тысяч», а из тех, кто остался на свободе, многие «перешли на сторону партии, и перешли довольно основательно. Часть выбыла из партии».

Сталин несколько раз возвращался к данной проблеме. Пытался убедить членов ЦК, что необходимо разделять бывших оппозиционеров на две категории — лидеров и рядовых участников, думая и заботясь при том о судьбе последних. Он вспомнил о тех полутора миллионах человек, которых «вычистили» из партии по различным причинам с 1922 г. И счел сохранявшееся негативное отношение к ним неверным, ничем не оправданным. «У нас, — бросил в зал Иосиф Виссарионович, — развелись люди больших масштабов, которые мыслят тысячами и десятками тысяч. Исключить 10 тысяч членов партии — пустяки, чепуха это… В речах некоторых товарищей сквозила мысль о том, что давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с троцкистом или кто когда-либо в одной общественной столовой где-то по соседству с Троцким обедал… Это не выйдет, это не годится».

Третьей для Сталина — по смыслу, а не по построению доклада — стала проблема партократии, которую он вполне преднамеренно разделил на три неравные как по численности, так и по властным полномочиям группы. К первой отнес 102 тысячи секретарей первичных организаций, но сразу же отметил, что к ним особых претензий не имеет и требует от них лишь одного — повышения политического уровня. Вторую группу, три с половиной тысячи секретарей райкомов и горкомов, он счел чрезмерной по численности, почему и предложил сократить ее за счет совместительства должностей секретарей райкомов, обкомов, крайкомов. Главное же внимание Сталин уделил третьей группе, включавшей свыше ста секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, к которым причислил еще и наркомов. Именно о них он выразился донельзя презрительно.

«У нас, — заметил Сталин, — некоторые товарищи думают, что если он нарком, то он все знает. Думают, что чин сам по себе дает очень большое, почти исчерпывающее знание. Или думают: если я член ЦК, стало быть, не случайно я член ЦК, стало быть, я все знаю». И добавил: «Неверно это».

Подчеркнув именно такую определяющую черту и партократии и бюрократии в целом, Сталин предложил обязать всех секретарей трех групп пройти обязательное обучение или переподготовку на полугодовых курсах, которые скоро будут созданы. Но до отъезда на учебу секретари всех трех групп должны «выдвинуть двух заместителей себе, настоящих, полноценных, способных заменить их». Такое настоятельное требование он объяснил в реплике, брошенной во время выступления М.М. Хатаевича: «Многие из вас боятся

конкуренции, потому замухрышек выдвигают, а они вам дают плохую помощь, не могут быть настоящими заместителями».[186]

Секретари как первой, так и второй групп отлично понимали, что после курсов их скорее всего переместят, направят на какую-нибудь должность, но не обязательно на партийную. Сталин постарался подсластить горькую пилюлю: «Мы, старики, скоро отойдем, сойдем со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен».[187]

* * *

Столь же далекой от призывов к «охоте на ведьм», как и заключительное слово вождя, оказалась резолюция по докладу Сталина. Слова же «предательская и шпионско-вредительская деятельность троцкистских фашистов», упоминавшиеся лишь раз, да и то в преамбуле, послужили только поводом для установления серьезнейших недостатков в работе партийных организаций и их руководителей. Резолюция определила следующее:

Парторганизации увлеклись хозяйственной деятельностью, отошли от партийно-политической руководящей, «подмяли под себя и обезличили органы наркомзема на местах, подменив их собой, и превратились в узких хозяйственников».

«Повернувшись от партийно-политической работы к хозяйственным и прежде всего к сельскохозяйственным кампаниям, наши партийные руководители стали незаметно переносить основную базу своей работы из города в область. Они стали рассматривать город с его рабочим классом не как руководящую политическую и культурную силу области, а как один из многих участков области».

«Наши партийные руководители стали терять вкус к идеологической работе, к работе по партийно-политическому воспитанию партийных и беспартийных масс».

«Стали терять вкус также к критике наших недостатков и самокритике партийных руководителей…»

«Стали также отходить от прямой ответственности перед партийными массами… взяли на себя смелость подменить выборность кооптацией… получился таким образом бюрократический централизм».

В кадровой работе, уточнялось в резолюции, «надо подходить к работникам не формально-бюрократически, а по существу, т. е., во-первых, с точки зрения политической (заслуживают ли они политического доверия) и, во-вторых, с точки зрения деловой (пригодны ли они для данной работы)».

Руководители парторганизаций «страдают отсутствием должного внимания к людям, к членам партии, к работникам… В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии».

Наконец, отмечалось в резолюции, несмотря на отсутствие образования, партруководители не хотят повышать свой уровень, учиться, проходить переподготовку.

В резолюции, естественно, прозвучало требование незамедлительного устранения определенных таким образом истинных недостатков в партийной работе. В пунктах с 1-го по 8-й — осудить практику подмены и обезличивания хозяйственных органов; срочно возвратиться исключительно к партийно-политической работе, перенести ее прежде всего в город; уделять большее внимание печати. В пунктах с 9-го по 14-й — решительноотвергнуть «практику превращения пленумов обкомов, крайкомов, горкомов, партийных конференций, городских активов и т. п. в средство парадных манифестаций и шумливых приветствий вождям»; восстановить отчетность парторганов перед пленумами, пресечь практику кооптации в партийных организациях. В пунктах 15–18 говорилось о принципиально новом подходе в

работе с кадрами, а в пунктах 19–25 — об учебе и переподготовке партийных руководителей.[188]

Так Сталин сделал последнюю попытку подстраховать намеченные реформы, гарантировать столь назревшую ротацию кадров не только альтернативными выборами в Верховный Совет СССР, но и перевыборами, а точнее, настоящими выборами во всех партийных организациях.

Часть 14

«Непонимание» сталинской политики широким руководством

6 марта 1937 г. во всех советских газетах появилось сообщение об очередном важном событии в жизни партии. Оно предельно скупо информировало лишь о том, что «на днях» закончившийся Пленум «обсудил вопрос о задачах партийных организаций в связи с предстоящими выборами Верховного Совета СССР на основе новой Конституции». Оно не содержало даже намека на еще две проблемы, фигурировавшие в повестке дня, и лишь в конце отмечалось: «Пленум рассмотрел также вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и постановил исключить их из рядов ВКП(б)».

Столь ограниченное, преднамеренно выборочное содержание сообщения свидетельствовало о важном: узкое руководство, как и в декабре минувшего года, явно стремилось скрыть все, что было связано с репрессиями. Несомненно, пошло оно на это лишь для того, чтобы исключить любую возможность возникновения обсуждения, разговоров, слухов о существовании и арестах врагов, которые обязательно начались бы, если бы появились официальные данные о том. Пропаганда через газеты и журналы настойчиво начала бить в единственную цель: подготовка парторганизаций к предстоящим выборам по новой избирательной системе.

Вместе с тем приходится констатировать и иное. Настораживала, прежде всего, весьма существенная деталь: доклад Жданова опубликовали лишь 11 марта, хотя выправленный его текст вполне мог быть передан в газеты еще 28 февраля, во всяком случае не позже 5 марта, вместе с сообщением и резолюцией. Возможно, почти недельную отсрочку породило какое-то неизвестное нам столкновение мнений на самом высоком уровне, нежелание некой группы лиц, обладающих достаточной властью, предавать огласке содержание доклада, носившего откровенно антипартократический характер. Нельзя также исключать и того, что давление этой гипотетической группы, которую, если она существовала, вряд ли удастся когда-либо идентифицировать, привело к публикации, но только 29 марта, доклада Сталина — как своеобразной компенсации за нанесенный партократии «моральный ущерб». Если такое предположение верно, то вполне логичным было бы и следующее: целью данной группы являлось стремление любой ценой добиться огласки прозвучавшей на Пленуме констатации существования и вредительской деятельности многочисленных врагов — «троцкистских и иных двурушников».

Однако на этом своеобразное «перетягивание каната» отнюдь не завершилось. 1 апреля, как оригинальный контраргумент группы реформаторов, газеты опубликовали «Заключительное слово» Сталина, но резолюция по его докладу так и не стала достоянием гласности.

* * *

Пока узкое руководство при безоговорочной поддержке А.И Стецкого, Л.З. Мехлиса, Б.М. Таля и руководимых ими средств массовой информации объясняло партии, в чем же заключается истинный смысл только что прошедшего Пленума, возникла новая, хотя и вполне предсказуемая проблема. В соответствии с резолюцией по докладу Жданова во всех партийных

организациях, поначалу, разумеется, в низовых и районных, начались выборы. А они сразу же показали, что первые секретари либо по неграмотности, по неспособности понять требуемое от них, либо вполне преднамеренно и сознательно попытались проводить их по-старому — используя списки, избегая обсуждения каждой выдвинутой кандидатуры, принуждая голосовать открыто. Словом, демонстративно нарушали принятое ими же решение.

Наглядным примером подобного «непонимания» стала телеграмма, посланная С.В. Косиором Сталину 20 марта: «Поскольку выборы парторганов в областях начались, прошу ускорить дачу указания по неясным еще вопросам: выбирать ли открытым либо тайным голосованием парторгов и делегатов на партконференции и членов бюро парткомов».

Сталин ответил предельно кратко: «Все выборы проводятся путем тайного голосования». Но, отлично понимая, что вскоре он может получить еще сотню таких телеграмм, провел в тот же день через ПБ циркулярное решение «Об организации выборов парторганов (на основе решения Пленума)». В нем однозначно, ясно и понятно было вновь указано: *«Воспретить при выборах партийных органов голосовать списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода кандидатов и критику последних* (выделено мной. — Ю. Ж.). Установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование…».[189]

Но даже такого повтора решения Пленума, как вскоре выяснилось, оказалось недостаточно. Поэтому 8 мая ПБ пришлось утвердить уже как постановление ЦК еще одно разъяснение, подготовленное и внесенное Г.М. Маленковым, — «О нарушениях порядка оглашения результатов закрытого (тайного) голосования». В нем говорилось:

«ЦК ВКП(б) стали известны факты о том, что в отдельных партийных организациях на партийных конференциях и собраниях при оглашении результатов тайного голосования счетные комиссии не сообщают количества голосов «против», полученных членами ЦК ВКП(б) при голосовании их кандидатур в состав партийных органов или делегатов на конференции. ЦК ВКП(б) разъясняет, что такая практика является неправильной, и считает необходимым полностью устно (не в печати) оглашать результаты голосования, кого бы оно ни касалось».[190]

Именно поэтому сразу же после возникновения данной проблемы направленность пропагандистских материалов вынужденно была изменена. От вопросов, связанных с выборами в Верховный Совет СССР, перешли к разъяснению технологии проведения выборов в партийных организациях. Так, хотя и чисто внешне, представал перед всеми курс узкого руководства, выраженный и пропагандистскими материалами, и постоянным контролем за формой проведения выборов в партийных организациях. Но точно так же выглядел этот курс и в недоступной постороннему взгляду секретной переписке Сталина с первыми секретарями обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий. Вот известные нам направленные Сталиным на места шифротелеграммы по кадровым вопросам за период с конца января по начало мая 1937 г.

В.А. Орлову, секретарю Камчатского обкома, 22 января: «Получена жалоба Савина (начальника политотдела Крутогоровского рыбкомбината) о травле Савина и покровительстве Разгонову с Вашей стороны. Савин известен Центральному комитету партии как человек честный. Жалоба Савина производит впечатление документа объективного. Просьба дать объяснение секретарю крайкома Варейкису, копия ЦК партии и ждать решения вопроса от крайкома». И.Д. Кабакову, секретарю Свердловского обкома, 9 февраля: «Вы допустили преступление, исключив из партии Федорова за заявление о том, что к наркому не попадали его сообщения и нарком не реагировал на них. Надо было сначала проверить заявление Федорова, а потом обсудить его. Предлагаю отменить немедля решение ячейки об исключении, не трогать Федорова, проверить фактическую сторону его заявления и сообщить результаты ЦК».

Е.И. Рябинину, секретарю Воронежского обкома, 12 февраля: «Начальником Юго-Восточной дороги назначен Чаплин. У него были в прошлом некоторые грешки, но он давно

уже ликвидировал их. ЦК верит, что Чаплин будет честно и умело вести работу. Просим оказать ему полное доверие и оградить его от возможных придирок. Хорошо бы ввести его в обком и обеспечить ему участие в партийных органах».

Всем секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, начальникам управлений НКВД по краю, области, 13 февраля: «По имеющимся в ЦК материалам, некоторые секретари обкомов и крайкомов, видимо, желая освободиться от нареканий, очень охотно дают органам НКВД согласие на арест отдельных руководителей, директоров, технических директоров, инженеров и техников, конструкторов промышленности, транспорта и других отраслей. ЦК напоминает, что ни секретарь обкома или крайкома, ни секретарь ЦК нацкомпартии, ни тем более другие партийно-советские руководители на местах не имеют права давать согласие на такие аресты. ЦК ВКП(б) обязывает Вас руководствоваться давно установленным ЦК правилом, обязательным как для партийно-советских организаций на местах, так и для органов НКВД, в силу которого руководители, директоры, технические директоры, инженеры, техники и конструкторы могут арестовываться лишь с согласия соответствующего наркома, причем в случае несогласия сторон насчет ареста или неареста того или иного лица стороны могут обращаться в ЦК ВКП(б) за разрешением вопроса».

М.Д. Багирову первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, — Сталину 13 марта: «В докладных записках мы сообщали ряд данных, говорящих о причастности директора треста Кергезнефть Борца к контрреволюционной троцкистской работе в нефтяной промышленности. За последнее время поступили новые серьезные показания, подтверждающие активное участие Борца в троцкистской вредительской работе. Просим санкции на снятие Борца с работы и исключение его из партии».

М.Д. Багировуу 14 марта: «Предлагаем арестовать Борца и назначить вместо него директором треста товарища Калашникова».

А.И. Криницкому секретарю Саратовского обкома, 3 апреля: «Рассмотрев сообщение обкома о т. Яковлеве, ЦК ВКП(б) считает, что обком поступил неправильно, ставя вопрос о политическом доверии т. Яковлеву — уполномоченному КПК. Центральному комитету известно о бывших колебаниях т. Яковлева в 1923 г. Эти колебания ликвидированы были уже в 1924 г., и с тех пор т. Яковлев не давал оснований для каких-либо сомнений насчет его большевистской стойкости. ЦК доверяет т. Яковлеву и предлагает обкому считать на этом вопрос исчерпанным».

Е. Евдокимову, секретарю Азово-Черноморского крайкома, 20 мая: «Кандидата в предисполкомы края не можем и не считаем целесообразным дать. Не надейтесь на то, что Вам дадут готового работника сверху, со стороны. Ищите кандидата у себя в крае и выдвигайте снизу. Надо смотреть не вверх, на ЦК, а вниз, на своих работников, которые растут и которых нужно выдвигать».[191]

Все эти шифротелеграммы, равно как и циркуляр от 13 февраля, со всей очевидностью подтверждают два непреложных факта. Во-первых, арестов тогда требовал не кто-либо иной, а партократия, стремившаяся, без сомнения, таким образом возложить ответственность за любые провалы, ошибки, неудачи, упущения в народном хозяйстве на подведомственной территории, приписывая им чисто политический характер, исключительно на хозяйственников. Во-вторых, узкое руководство стремилось если не избежать репрессий полностью, то хотя бы свести к минимуму подобную практику. И оградить вместе с тем от необоснованных обвинений и наветов специалистов, пусть даже с далеко не безупречным партийным прошлым.

И все же после второго московского открытого процесса и февральско-мартовского Пленума в стране так и не наступило полное умиротворение. Репрессии, хотя и предельно ограниченные, выборочные, продолжались. Но затрагивали они в те весенние месяцы 1937 г. преимущественно тех, кто совсем недавно занимал важные, очень высокие посты в НКВД. Ну, а основанием для них послужили три ареста: 3 февраля в Минске — наркома внутренних дел

БССР, до того начальника секретно-политического отдела НКВД Г.А. Молчанова; 11 февраля в Харькове — начальника областного отдела УШОСДОР НКВД Украины, до марта 1935 г. секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе; 22 марта в личном вагоне поезда, следовавшего из Москвы в Сочи, заместителя начальника оперативного отдела НКВД З.И. Воловича. Их показания и позволили Ежову, Агранову и другим ответственным сотрудникам главного управления госбезопасности тихо и для всех незаметно, завершить следствие по давнему «Кремлевскому делу», фигурировавшему на Лубянке под кодовым названием «Клубок».

* * *

31 марта из Москвы спецсвязью ушел очередной циркуляр, адресованный «всем членам ЦК ВКП». В нем сообщалось: «Ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягода, совершенных в бытность его наркомом внутренних дел, а также после его перехода в наркомат связи, Политбюро ЦК ВКП считает необходимым исключение его из партии и ЦК и немедленный его арест. Политбюро ЦК ВКП доводит до сведения членов ЦК ВКП, что ввиду опасности оставления Ягода на воле хотя бы на один день, оно оказалось вынужденным дать распоряжение о немедленном аресте Ягоды. Политбюро ЦК ВКП просит членов ЦК ВКП санкционировать исключение Ягоды из партии и ЦК и его арест. По поручению Политбюро ЦК ВКП Сталин».

Г.Г. Ягода был арестован 28 марта на основании ордера, подписанного Ежовым. Однако первый допрос его прошел только 2 апреля. Более того, вопросы, задававшиеся подследственному, касались лишь его отношений с директором кооператива НКВД Лурье, который неоднократно, используя загранкомандировки, вывозил из страны и продавал бриллианты.[192]

Решительно изменили характер допросов только последовавшие аресты высокопоставленных сотрудников НКВД: 29 марта — бывшего секретаря коллегии наркомата П.П. Буланова и начальника административно-хозяйственного управления, в конце 1936 г. перемещенного на должность начальника УШОСДОР УССР, И.М. Островского; 1 апреля — бывшего начальника особого отдела, затем начальника управления по Восточно-Сибирскому краю М.И. Гая (Штоклянда); 11 апреля — заместителя Ягоды как в НКВД, так и в НКсвязи Г.Е. Прокофьева; 15 апреля — начальника отдела охраны К.В. Паукера; 22 апреля — начальника транспортного отдела А.М. Шанина. И здесь вряд ли случайным оказалось то, что двое из них, Шанин и Паукер, в разное время возглавляли службу безопасности высших должностных лиц страны; один, Волович, был напрямую связан с нею; еще один, сам Ягода, многие годы курировал ее; Гай отвечал за контрразведку в частях РККА, в том числе в расквартированной в Кремле Школе имени ВЦИК; наконец, Островский в последние месяцы являлся начальником Енукидзе. Потому-то ничего неожиданного в арестах бывшего коменданта Кремля Р.А. Петерсона и его заместителя М.А. Имянинникова 30 апреля, а еще раньше, 3 апреля, — начальника Школы имени ВЦИК Н.Г. Егорова уже не было.

В момент ареста Петерсон собственноручно написал показания, признал в них и само существование заговора, и свое прямое участие в нем, а заодно назвал и соучастников — Енукидзе, Корка, Медведева, Фельдмана.

Круг замкнулся. 26 апреля Ягода наконец дал показания о своих преступных связях с Рыковым, Бухариным, Томским, Углановым. Мало того, он признал: «Я действительно являлся организатором заговора против советской власти… Для этого имелся в виду арест моими силами членов советского правительства и руководителей партии и создание нового правительства из состава заговорщиков, преимущественно правых. В 1935 г. это было вполне реально, охрана Кремля, его гарнизон были в моих руках, и я мог это совершить».

Все это позволило Ежову подтвердить те обвинения в адрес Бухарина и Рыкова, которые он выдвигал дважды, на декабрьском и февральско-мартовском Пленумах, и получить неоспоримые факты, которые позволили бы подготовить в будущем еще один большой открытый политический процесс, на котором, как и предусматривалось решением февральско-мартовского Пленума, обвиняемыми стали бы Бухарин и Рыков.

* * *

Однако все показания, добытые на Лубянке, пока оставались всего лишь материалами проводившегося следствия. Пока же, в те весенние месяцы 1937 г., более характерным для узкого руководства оставались не репрессии, а привычные и мирные методы давления на латентную оппозицию: перемещение членов ЦК из одного региона в другой на равноценную должность либо с понижением.

Предельно схожую кадровую политику можно было наблюдать тогда же в НКИДе, перевод в который с начала 20-х годов служил своеобразным основанием для последующей формально почетной высылки из страны известных оппозиционеров. Например, А.А. Коллонтай отправили в Норвегию, А.Г. Шляпникова — во Францию, В.А. Антонова-Овсеенко — в Китай, Х.Г. Раковского — в Великобританию, Л.Б. Каменева — в Италию. Теперь же наступила пора обратного движения полпредов, также порожденного сугубо политическими мотивами. 9 февраля из Мадрида отозвали М.И. Розенберга, 28 февраля из Анкары — А.М. Карахана, давно известного своими близкими отношениями с Енукидзе.

Кроме двух полпредов, пришлось покинуть дипломатическую работу и замнаркома иностранных дел Н.Н. Крестинскому. 28 марта его перевели на точно такой же пост, но в Наркомат юстиции. Основание и для этого перемещения — на этот раз по горизонтали — не было указано, однако можно предположить, что крылось оно скорее всего в его политическом прошлом. Ведь в дни Бреста и дискуссии о профсоюзах он безоговорочно поддерживал Троцкого, полностью разделяя и отстаивая его предложения. Тогда же, в 1919–1921 гг., Крестинский являлся членом ПБ и секретарем ЦК, продолжая поддерживать политику все того же Троцкого, за что, собственно, и был «сослан» в Берлин полпредом.

Наконец, 11 апреля сняли с должности и вывели — вторым по счету за 1937 г. — из состава правительства СССР М.И. Калмановича, три года занимавшего пост наркома зерновых и животноводческих совхозов. Причиной его падения, также нигде не зафиксированной, вполне возможно, стало настойчивое стремление его не вполне законными методами способствовать увеличению земельных площадей подведомственных ему совхозов за счет прежде всего колхозных полей, а также приусадебных участков колхозников и единоличников.

Но каковы бы ни были мотивы отзыва двух полпредов — перевода Крестинского и снятия Калмановича — высказанные выше предположительно или какие-то иные, главное заключалось в том, что никто из них тогда же не был ни обвинен в антисоветской деятельности, ни арестован…

Не забывало узкое руководство и об основной цели, продолжало настойчиво готовить проведение важнейшей политической реформы. Комиссия ПБ под руководством Я.А. Яковлева через четыре месяца после своего создания завершила разработку конституций для союзных республик. В декабре 1936 г. ПБ одобрило проекты основных законов Российской Федерации и Украины, в январе 1937 г. — Казахстана, Грузии и Белоруссии, в феврале — Узбекистана, Армении, Туркмении, Таджикистана, Азербайджана и Киргизии. Поэтому только к апрелю, а не в декабре, как поначалу предполагал Сталин, съезды советов, проведенные во всех одиннадцати республиках, утвердили, наконец, собственные новые конституции.

Развивая достигнутый успех, узкое руководство подготовило и 13 марта утвердило на ПБ один из важнейших законодательных актов, который должен был обеспечить проведение в

скором времени действительно всеобщих выборов, — «О прекращении производства дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности». Опубликованный на следующий день во всех советских газетах как постановление ЦИК СССР, этот документ навсегда покончил с институтом лишенцев. Тем же решением ПБ Центральная избирательная комиссия ЦИК СССР, регулярно готовившая списки лиц, которые лишились избирательных прав, была ликвидирована.

Еще одним важным свидетельством намечавшихся далеко идущих политических реформ явилось предложение Сталина приступить к созданию учебника по истории партии, который заменил бы явно устаревшие, уже не отвечавшие новым представлениям узкого руководства о месте и роли партии в жизни страны труды В.И. Невского, Н.Н.Попова, Ем. Ярославского.

Впервые предложение о подготовке учебника по истории партии Сталин внес на рассмотрение ПБ 7 апреля, однако в тот день вопрос сочли неподготовленным, а потому его обсуждение отложили. И все же спустя всего девять дней, 16 апреля, Сталин сумел настоять на одобрении своей инициативы. Решением ПБ создали авторскую группу, включавшую трех членов ЦК: заместителя заведующего Агитпропом, старого коминтерновского работника В.Г. Кнорина; руководителя группы печати КПК, вскоре утвержденного в должности заместителя заведующего Агитпропом П.Н. Поспелова; председателя Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР, а двумя годами ранее еще и по совместительству председателя правления Всесоюзного общества старых большевиков до его ликвидации Е.М. Ярославского. Им предложили «положить в основу работы (указания) проект т. Сталина и предложенную им схему периодизации (событий) истории ВКП(б)». Задание следовало выполнить за четыре месяца, посему авторов освободили от исполнения всех обычных обязанностей. Вместе с тем в решении отмечалось, что создаваемая книга должна послужить учебником для секретарей райкомов, которым предстояло переучиваться на создаваемых Ленинских курсах.

* * *

Помимо внутриполитического направления нового курса, проводимого группой Сталина, существовал столь же важный внешнеполитический. Но вот здесь-то наступивший 1937 г. принес только осложнения и неудачи. Прежде всего, не оправдывались надежды на столь необходимое присоединение Великобритании к Восточному пакту после отречения 10 декабря 1936 г. пронацистски настроенного Эдуарда VIII. Форин Оффис продолжал свое прежнее стояние «над схваткой», как и прежде, фактически потворствуя агрессивным планам Гитлера.

Столь же бесперспективным оказалось упование на укрепление советско-французских отношений, выработку на основе договора от 2 мая 1935 г. тесного «технического» сотрудничества генеральных штабов двух стран. Париж интересовало лишь одно — какую конкретно помощь СССР может оказать Франции, если она подвергнется нападению со стороны Германии, при этом игнорировалось иное возможное развитие событий — нападение Германии на Советский Союз либо Чехословакию. На столь откровенно односторонний характер обсуждаемой проблемы вынужден был обратить внимание В.П. Потемкин в беседе с генеральным секретарем МИД Франции Леже. В ответ советский полпред услышал весьма странное обоснование позиции Ке-д'Орсе. Мол, тесное сотрудничество генеральных штабов Франции и СССР может привести к «отходу Англии от Франции и потере последней по крайней мере 60 % той военной помощи, которую в случае нападения Германии французы могли бы получить извне».

Анализируя сложившуюся ситуацию, в советском полпредстве не исключали, что военный министр Эдуард Даладье и его сторонники в правительстве стремятся добиться от Москвы

признания, что советская военная помощь не сможет стать достаточно эффективной. Пытаясь пресечь подобные настроения, Москва 17 февраля сообщила Парижу, что советская военная помощь будет непременно оказана любыми путями. Либо через территорию Польши и Румынии, либо, если Варшава и Бухарест откажутся пропустить части Красной армии, воздушным и морским путем.

Стала исчезать уверенность в надежности как союзника и Чехословакии. Советскому полпредству в Праге в январе удалось узнать о начавшихся секретных германо-чехословацких консультациях. О том, что проводятся они ради подписания двустороннего пакта, построенного на «принципе расширения Локарно» и снятия проблемы, порожденной подстрекаемыми из Берлина устремлениями судетских немцев о присоединении населенных ими районов к Германии.

Мало того, 15 февраля полпреду С.С. Александровскому пришлось сообщить в Москву еще одну не менее удручающую новость. Премьер М. Годжа начал активную кампанию «за ревизию внешней политики Чехословакии в сторону от Парижа — Москвы и в направлении к Берлину». Полпред констатировал: «Эта кампания прямо затрагивает интересы тех стран, которые твердо стоят на принципах коллективной безопасности и неделимости мира. Она, несомненно, действует разлагающе не только на страны, колеблющиеся в этих основных вопросах, но даже и на такие составные части мирного фронта, как Малая Антанта».

Наиболее же ярко обозначившийся путь западных демократий к Мюнхену, который предстояло пройти через аншлюс Австрии всего за полтора года, выразился при слишком затянувшемся решении испанского вопроса.

Советский Союз, желая как можно быстрее добиться восстановления мира на Пиренейском полуострове, но отнюдь не за счет республиканского правительства, поддержал соглашение, достигнутое в Комитете по невмешательству 16 февраля. Оно запрещало с ночи с 20 на 21 февраля выезд волонтеров в Испанию для участия в боевых действиях. Подтверждая твердую заинтересованность в том, чтобы не допустить дальнейшего роста численности итальянских и немецких войск, сражавшихся на стороне Франко, СНК СССР принял 20 февраля декрет, повторявший практически текст соглашения «О воспрещении отправки и вербовки добровольцев для Испании». Тем самым вполне официально и юридически была подтверждена изначальная позиция Кремля, настаивавшего на полном запрете появления на Пиренейском полуострове каких бы то ни было иностранных военнослужащих.

Несколько иначе пришлось поступить узкому руководству при решении задачи по введению контроля, призванного обеспечить соглашение от 16 февраля. Представители Германии и Италии в Комитете по невмешательству категорически воспротивились участию в столь важной и ответственной миссии СССР. И лишь для того чтобы максимально ускорить проведение в жизнь запрета на дальнейшее пополнение итальянских и немецких частей в Испании, И.М. Майский заявил 26 февраля в Лондоне: «…Я получил от моего правительства инструкцию заявить, что в настоящий момент оно не заинтересовано ни с политической, ни с какой-либо другой точки зрения в присутствии своих морских сил в Средиземном море или в Атлантическом океане на большом расстоянии от их собственных морских баз. В соответствии с этими инструкциями я предлагаю, чтобы контроль над зоной, назначенной для советского флота, а именно в Бискайском заливе, был поручен Англии или Франции».[193]

Такое решение должно было лишний раз доказать отсутствие каких-либо политических или территориальных интересов Советского Союза на юго-западе Европы, а также вызвать понимание и положительный отклик в Лондоне и Париже.

Оставалось добиться последнего — полного вывода всех иностранцев, сражавшихся в Испании на стороне как мятежников, так и законного правительства. Действуя таким образом, Кремль отлично знал о существовавшем реальном соотношении сил «добровольцев», из Италии — около 60 тыс. солдат и офицеров, из Германии — около 20 тысяч, и подлинных

добровольцев-антифашистов чуть ли не из всех стран мира, пришедших на помощь республике, подвергшейся скрытой агрессии. Ведь численность иностранцев-антифашистов, находившихся в Испании всего по нескольку месяцев, за весь период гражданской войны в совокупности не превысила и 30 тысяч человек. Советских же добровольцев — советников, танкистов, летчиков — в 1937 г. было одновременно примерно 150 человек.

В Москве не сомневались, что республиканская армия даже без поддержки иностранных добровольцев сумеет подавить мятеж. И действительно, на фронтах в те дни обозначился существенный перелом. 6 февраля франкистский корпус «Мадрид» (30 тыс. человек, около 100 орудий, до 100 танков, 70 самолетов), в который раз попытался захватить столицу, развернув наступление в районе реки Харамы. Однако после нескольких дней отступления республиканцы стянули к месту прорыва пять дивизий и остановили мятежников. Спустя месяц, 8 марта, взять Мадрид попытался итальянский экспедиционный корпус (40 тыс. человек, 200 орудий, 120 танков, 90 самолетов). Сражение под городом Гвадалахара, продолжавшееся две недели, закончилось полным разгромом итальянских интервентов. Испанская республика доказала, что может защитить себя.

* * *

И все же ситуация в Европе в целом оставляла желать лучшего. Слишком очевидным стал поворот в политике Парижа и Праги. С 31 декабря 1936 г. прекратил действие лондонский договор 1930 г. об ограничении и сокращении морских вооружений (он обеспечивал превосходство британских ВМС), к которому так и не примкнули Италия и Япония. Великобритания и Франция продемонстрировали странную, если не сказать преступную, пассивность после заявления Гитлера 30 января в рейхстаге о том, что Германия убирает свою подпись под Версальским договором. Все это вынуждало узкое руководство несколько скорректировать свою внешнюю политику, вернее, лишь ее тактику, оставив в неприкосновенности прежние цели. А для этого, как по традиции велось во всех странах мира, провести демонстративные перестановки на ключевых для решаемой проблемы дипломатических постах.

И здесь приходится признать вполне возможным, что снятие Н.Н. Крестинского, возглавлявшего в НКИД европейское направление, могло быть связано не с его политическим прошлым или не только с ним, а с теми замыслами, ради которых М.М. Литвинов и затеял перетасовку кадров. На должность, которая освободилась после перевода Крестинского в Наркомюст, был назначен В.П. Потемкин, человек более гибкий, нежели его предшественник, уже не раз доказавший умение успешно добиваться того, что требовало узкое руководство. Вдобавок он лично знал, что было немаловажно, большинство видных дипломатов и политиков Франции и Великобритании.

Были проведены и другие перестановки. Скорее всего, очевидный для всех даже просто читающих газеты неуспех советского внешнеполитического курса породил у узкого руководства предощущение грядущего столкновения с руководством широким. Такой же просчет развития ситуации оно уже однажды, в 1934 г., продемонстрировало весьма необычным способом. Как и три года назад, широкое руководство вполне могло использовать неудачу дипломатии как формальный предлог для открытой критики группы Сталина в целом или, по меньшей мере, только Молотова и Литвинова. Пока лишь таким предположением можно объяснить беспрецедентное решение, которое ПБ приняло 14 апреля 1937 г.

Названное «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)», оно гласило:

«1. В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности — и для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов политики, создать при политбюро ЦК

ВПК(б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова.

2. В целях успешной подготовки для Политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.».

Сохранился и инициативный документ, объясняющий членам ПБ необходимость создания этого, не предусмотренного уставом партии органа, практически образующего внутри ПБ то узкое руководство, которое до той поры существовало лишь фактически.

В записке, автором которой был сам Сталин, отмечалось: «Вопросы секретного характера, в том числе вопросы внешней политики, должны подготавливаться для Политбюро по правилу секретариатом ЦК ВКП(б). Так как секретари ЦК, за исключением т. Сталина, обычно работают либо вне Москвы (Жданов), либо в других ведомствах, где они серьезно перегружены работой (Каганович, Ежов), а секретарь ЦК т. Андреев бывает часто по необходимости в разъездах, между тем как количество секретных вопросов все более и более нарастает, секретариат ЦК в целом не в состоянии выполнять вышеозначенные задачи. Я уже не говорю о том, что подготовка секретных вопросов, в том числе вопросов внешней политики, абсолютно невозможна без участия тт. Молотова и Ворошилова, которые не состоят членами секретариата ЦК. Ввиду сказанного предлагаю Политбюро ЦК ВКП(б) создать постоянную комиссию при политбюро ЦК ВКП(б) для подготовки, а в случае необходимости — для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова». А далее следовал текст, который дословно был включен в решение как второй пункт.

Неоспоримым доказательством того, что решение ПБ от 14 апреля появилось как следствие неудач нового внешнеполитического курса, является обоснование создания необычной комиссии. Прежде всего — срочная «подготовка» и «разрешение» вопросов именно внешней политики. И все же данная проблема при всей ее очевидности явно служила только предлогом, лишь формальным основанием для более важного. Напоминание о секретности вопросов внешней политики должно было пресекать желания не только обсуждать, но даже просто интересоваться ими. А еще преднамеренное раскрытие состава двух комиссий лишний раз указывало партократии, что в действительности во главе страны стоит не ПБ, а узкое руководство, а также и то, что сама власть не является одноуровневой.

Теперь любой, познакомившийся с данным решением ПБ, уже сам при желании мог легко вычислить истинный высший уровень, который вроде бы составляли только те, кто и образовал обе комиссии. То есть именно те, кто и без того вот уже почти десять лет входил в неформально узкое руководство, — И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.М. Каганович. Остальные же члены комиссий — К.Е. Ворошилов, Н.И. Ежов, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь — как бы составляли всего лишь второй уровень властной группировки.

Если принимать такое структурирование за истинное, то за пределами обладания реальной властью оказывалось слишком много людей, не без основания считавших себя принадлежащими к высшему эшелону. Три члена ПБ — А.А. Андреев, М.И. Калинин, С.В. Косиор; три кандидата в члены ПБ — А.А. Жданов, Я.Э. Рудзутак, Р.И. Эйхе; четыре члена ОБ — Я.Б. Гамарник, А.В. Косарев, А.И. Стецкий, Н.М. Шверник. И уже поэтому можно было предполагать, что все они якобы находятся на некоем третьем уровне власти. А ниже их или наравне с ними, как это опять же представлялось по решению ПБ, находились не только зампреды СНК СССР — Н.К. Антипов, В.И. Межлаук, но еще и нарком иностранных дел (!) М.М. Литвинов, прокурор СССР А.Я. Вышинский, заведующие отделами ЦК Я.А. Яковлев и Л.З. Мехлис, а также Б.М. Таль. То есть именно те, кто играл ведущую роль в подготовке главного в то время для Сталина дела — политических реформ.

Потому-то с очень большой долей уверенности можно утверждать, что второй истинной целью решения ПБ от 14 апреля являлась сознательная дезинформация широкого руководства

о том, кто же в действительности обладает властью. Ведь далеко не случайно Каганович, уже утративший положение второго секретаря ЦК ВКП(б), занял место в слишком легко поддававшейся вычислению, но на самом деле не существовавшей тогда «тройке». Вместе с тем оказались «в тени» члены подлинной группы Сталина, весьма активно действовавшие именно в те самые дни, — Литвинов, Вышинский, Яковлев, Стецкий, Таль.

* * *

Однако истинные намерения группы Сталина проявились не столько в решении ПБ от 14 апреля, сколько в иных акциях, несравненно более значимых для нее по своим результатам. Прежде всего, в тех, которые позволяли предельно возможно расширять широкое руководство, одновременно обретая в нем надежных и благодарных союзников. Это позволило бы усилить таким образом влияние в ЦК хотя бы на короткий срок, столь необходимый для проведения через пленум избирательного закона.

Решением ПБ от 23 апреля из структур и из-под контроля Северо-Кавказского (только что переименованного в Орджоникидзевский), Сталинградского, Саратовского, Горьковского, Свердловского, Ленинградского, Восточно-Сибирского крайкомов и обкомов вывели партийные организации автономных республик — Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой, Немцев Поволжья, Марийской, Мордовской, Чувашской, Удмуртской, Коми, Карельской, Бурят-Монгольской. Напрямую, начиная с 1 июня, их подчинили ЦК ВКП(б). На этом основании подняли ранг первых секретарей их обкомов, предоставив им всю полноту прав, присущих такой должности, практически уравняли с теми, кому они еще вчера должны были беспрекословно подчиняться.

Достижению той же цели послужило и еще одно решение ПБ, принятое в тот же день. В соответствии с ним Казахский крайком преобразовывался в ЦК КП(б) Казахстана, Киргизский обком — в ЦК КП(б) Киргизии, Закавказский крайком ликвидировался, а взамен его создавались ЦК компартий Азербайджана, Армении и Грузии. Круг первых секретарей нацкомпартий возрастал с пяти до шестнадцати человек.

Подобные меры обязательно должны были привести к размыванию своеобразного единства широкого руководства. Единства не столько взглядов, сколько общих интересов, которое неизбежно возникло за почти десять лет пребывания большинства региональных первых секретарей на своих весьма высоких и довольно самостоятельных постах. Остро необходимо это было для группы Сталина потому, что от ЦК, несмотря на давнюю внешне выражавшуюся лояльность, от него все еще можно было ожидать любых, самых непредсказуемых сюрпризов.

Чуть позже узкое руководство провело, наконец, и реорганизацию одного из высших государственных органов. 25 апреля 1937 года решением ПБ упразднили просуществовавший с конца августа 1923 г. Совет труда и обороны — рабочий орган СНК СССР, в компетенцию которого входило осуществление хозяйственных и финансовых планов, корректировка их в зависимости от политической и экономической обстановки, контроль за наркоматами в области хозяйственных мероприятий и обороны. Взамен него, но в тех же, по сути, целях — «объединение всех мероприятий и вопросов обороны», и также при СНК СССР образовали Комитет обороны. В его состав включили председателем — председателя СНК СССР В.М. Молотова, членами — И.В. Сталина, наркома путей сообщения А.М. Кагановича, наркома обороны К.Е. Ворошилова, заместителя председателя СНК СССР В.Я. Чубаря, наркома оборонной промышленности М.Л. Рухимовича, наркома тяжелой промышленности В.И. Межлаука. Спустя два дня Комитет обороны пополнили еще и кандидатами — заместителем наркома обороны, начальником ПУР РККА Я.Б. Гамарником, наркомом пищевой

промышленности А.И. Микояном, секретарем ЦК А.А Ждановым, наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым.[194]

Так наряду с двумя иллюзорными комиссиями ПБ появился подлинный, обладающий всеми необходимыми юридическими правами постоянно действующий властный орган, призванный решать все важнейшие вопросы по ключевым для страны в условиях приближавшейся войны проблемам. В его состав вошли далеко не в равной степени как наркомы, хотя и занимавшие одновременно высшие партийные посты — члены ПБ, секретари ЦК, так и партийные функционеры, что ускорило давний процесс слияния обеих властных структур.

Концентрация полномочий внутри СНК СССР выразила характерную тенденцию, вскоре проявившуюся и в установлении абсолютного и монопольного контроля за всеми без исключения назначениями номенклатуры. Если прежде ОРПО занимался изучением и представлением кандидатур лишь в структурах партии — начиная с секретарей обкомов, крайкомов и выше, то теперь его функции существенно расширились. В соответствии с решением ПБ от 11 мая на заведующего ОРПО Г.М. Маленкова возложили «обязанности давать заключения по всем предложениям отделов ЦК, касающимся назначения и перемещения работников». Самих же заведующих отделами обязали «представлять в органы ЦК свои предложения о распределении работников только с заключения заведующего ОРПО». Иными словами, под контроль ОРПО были поставлены утверждения в должностях уже и государственных служащих соответствующих рангов — от наркомов союзных республик до начальников главков, заместителей наркомов и наркомов СССР, чем прежде вполне самостоятельно занимались отраслевые отделы ЦК, вносившие свои предложения непосредственно в секретариат.

Этим решением и был образован прежде отсутствовавший, единый для всей страны своеобразный отдел кадров номенклатуры ПБ. Он не только сконцентрировал в одних руках проведение всей кадровой политики, но и необычайно высоко вознес самого Маленкова, фактически вплотную приблизив его к узкому руководству. Скорее всего, это произошло потому, что тот сумел доказать за полтора года пребывания на посту заведующего ОРПО верность идеям политических реформ. Георгия Максимилиановича не ввели, что было бы вполне естественным, ни в одну из двух только что образованных комиссий ПБ, ни в Комитет обороны, и все же его уже можно было считать членом более значимой, хотя и действующей за кулисами власти, группы Сталина.

* * *

Очень важным, прежде всего, для населения страны, особенно для технической интеллигенции, а также и для широкого руководства оказалось решение, принятое ПБ 28 апреля и оформленное как совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса». Выглядевшее в целом как документ чисто экономического характера, призванный искоренить недостатки в данной отрасли и, в частности, упорядочить зарплату, он содержал выпадавший из контекста третий пункт, в котором указывалось:

«Осудить применяемую некоторыми партийными и в особенности профсоюзными организациями практику огульного обвинения хозяйственников, инженеров и техников, а также практику огульных взысканий и отдачи под суд, применяемую и извращающую действительную борьбу с недостатками в хозорганах. Обязать Донецкий обком КП(б) Украины и Азово-Черноморский крайком ЦК ВКП(б) исправить допущенные в этом отношении ошибки и разъяснить всем партийным организациям Донбасса, что их прямой обязанностью, наряду с

выкорчевыванием вредительских элементов, являются всемерные поддержка и помощь добросовестно работающим инженерам, техникам и хозяйственникам».

Дабы ни у кого не оставалось сомнений, ради чего не только принято, но и предано широкой гласности данное постановление, 5 мая ПБ еще одним своим решением предложило «прокурору Союза ССР т. Вышинскому пересмотреть судебные приговоры и снять судимость с инженеров и техников угольной промышленности Донбасса, осужденных по производственным делам без достаточных оснований или на протяжении последующей работы показавших себя добросовестными и преданными делу работниками».

А 15 мая «Правда» под заголовком «Что делает прокуратура в связи с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о Донбассе» дала большое интервью с Вышинским. В нем он воспользовался возможностью напомнить, выделив особо, важнейшее положение преамбулы постановления: «Некоторые хозяйственники в порядке самостраховки увольняют с работы лиц, виновность которых не только не доказана, но даже не расследована». Развивая данную мысль, Вышинский заявил: «В ряде случаев неудовлетворительно велось расследование дел хозяйственников и специалистов, а судебные органы осуждали некоторых работников без достаточных оснований».

Вышинский предупредил всех причастных к такого рода преступлениям: «Прокуратура потребовала из Донбасса все дела лиц, осужденных по производственным преступлениям в 1934, 1935, 1936 и 1937 гг., для их сплошной проверки. После просмотра этих дел в Москве прокуратурой Союза приговоры, вынесенные без достаточных оснований, будут опротестованы. В отношении лиц, осужденных по производственным делам без достаточных оснований, а также в отношении лиц, которые в последнее время показали себя честными и добросовестными работниками, будет возбужден вопрос о снятии с них судимости».

Часть 15

Заговор военных

1 мая 1937 г. страна в двадцатый раз отмечала праздник Великого Октября военным парадом и демонстрацией трудящихся в Москве, на Красной площади. Традиционный приказ по случаю парада подписал нарком обороны К.Е. Ворошилов. Говорил он только о положении в стране: «Победы социализма записаны ныне в великой Сталинской Конституции СССР, открывающей новую полосу в строительстве советского государства. Сталинская Конституция СССР знаменует собой расцвет подлинной советской демократии, еще более тесную связь всех трудящихся масс с органами советской власти, обеспечивает еще более широкое и всестороннее участие их в управлении своим собственным государством».

Об ином аспекте ситуации поведал в пространной, на полосу, статье «Единство международного пролетариата — высшее веление переживаемого момента» генеральный секретарь ИККИ Георгий Димитров. Выражая оценку положения в мире, не столько свою, сколько узкого руководства, он прозорливо предсказал то, что действительно произошло через два месяца в Азии, через десять и шестнадцать месяцев в Европе. Начал он с самого главного, самого тревожного: «Вся международная обстановка в настоящий момент находится под знаком лихорадочной подготовки фашизмом нового передела мира путем захватнической войны. Гитлер усиленно готовит удар против Чехословакии, уничтожение которой как самостоятельного государства, согласно фашистской концепции, необходимо для «умиротворения Европы». Германский фашизм готовит поглощение Австрии… Японская военщина со своей стороны всячески старается разбить демократическую оппозицию у себя дома, чтобы с тем большей агрессивностью напасть на китайский народ».

Перейдя к непосредственным задачам пролетариата, Димитров напомнил суть решений VII конгресса Коминтерна: «Главное теперь заключается в том, чтобы, укрепляя дальше единство рабочего класса в национальном масштабе, найти общий язык, общую платформу, обеспечивающую возможность пролетариату выступать единым фронтом в международном

масштабе, своевременно сосредоточивать свои главные силы на тех участках борьбы против фашизма, которые являются наиболее важными в каждый данный момент».

Димитров, несомненно, учел более чем годовую практику народных фронтов Франции, Испании и особенно — борьбы в поддержку испанского республиканского правительства. Именно потому ему пришлось осудить позицию лидеров Второго и Амстердамского интернационалов, упорно отклоняющих предложения компартии Испании и ИККИ о совместных действиях в защиту испанского народа. Кроме того, Димитров принял во внимание и решения пленумов ЦК ВКП(б) о борьбе с троцкизмом.

1. «Сосредоточить борьбу против главного врага, против ударного кулака реакционной части крупной буржуазии — против фашизма».

«Обуздать находящихся в рядах рабочего движения врагов единого фронта».

«Дать самый решительный отпор всем, кто ведет клеветническую кампанию против СССР».

«Ведя борьбу против фашизма, бить со всей беспощадностью по его троцкистской агентуре».

* * *

События в Испании подтвердили существование опасности, исходившей от троцкизма. Начиная с осени 1936 г. в Каталонии, ставшей автономной республикой (провинцией) с собственным правительством — Генералидад, решающую роль в политической и экономической жизни играла анархо-синдикалистская профсоюзная организация — Национальная конфедерация труда (НКТ). Она установила практически полный контроль над национализированными ею же промышленными предприятиями, сельскохозяйственными кооперативами, возникшими как результат аграрной реформы, над органами местного самоуправления. Итогом этого явилось своеобразное двоевластие, при котором и Генералидад, и органы центрального правительства присутствовали в Каталонии чисто номинально. Не довольствуясь достигнутой властью, анархо-синдикалисты рассматривали свои достижения как первый этап социалистической революции, настойчиво стремясь перейти ко второму — установлению классического либертального коммунизма, да еще в масштабах всей Испании. Стремясь добиться именно такого развития событий, они противопоставляли себя коммунистам, по их мнению, партии порядка и этатизма.

Один из лидеров НКТ, Лопес, выражая взгляды наиболее экстремистской части конфедерации, многозначительно заявил на митинге, состоявшемся 20 сентября 1936 г. в Барселоне: «Имеется одна партия, которая хочет монополизировать революцию. Если эта партия будет продолжать свою линию, мы решим ее раздавить. В Мадриде находится иностранный посол, вмешивающийся в испанские дела. Мы его предупреждаем, что испанские дела касаются лишь испанцев».[195]

Лопес имел в виду компартию Испании и советского полпреда М.И. Розенберга.

26 марта 1937 г. анархо-синдикалисты вышли из Генералидад. Несколько смягчился конфликт 16 апреля, с формированием нового правительства автономной Каталонии, но уже спустя четыре дня конфронтация возобновилась. Произошли стычки анархо-синдикалистов, использовавших броневики, артиллерию и пулеметы, с правительственными частями. Только 8 мая, ценою пятисот убитых и тысячи раненых, удалось прекратить братоубийственный вооруженный конфликт.

Информация о событиях в Каталонии, поступавшая в Кремль, скорее всего, поначалу была неопределенной. Возможно, просто выглядела таковой для Сталина, потому что исходила лишь из одного источника — от начальника Разведупра Генштаба С.П. Урицкого. Советские газеты сообщили о боях в Барселоне только тогда, когда исход оказался предрешенным, — 6 мая. 9

мая, когда мир на улицах Барселоны был полностью восстановлен, «Правда» опубликовала материал своего собственного корреспондента Е. Тамарина, в котором впервые ответственными за барселонские события, помимо ВКТ и ФАИ, была названа еще и протроцкистская ПОУМ.

В мае очередную корреспонденцию Тамарина «Правда» опубликовала под заголовком «Испанские троцкисты — враги народного фронта» и сопроводила ее еще одним материалом — «Решение всеобщего рабочего союза об исключении троцкистов из профсоюзной организации». 11 мая «Правда» дала еще два материала о троцкистах: информацию «Испанская печать требует суда над троцкистами» и статью редактора международного отдела Б.Д. Михайлова «Троцкистско-фашистский путч в Барселоне».

Для узкого руководства было очень важным доказать свою непричастность к любым действиям радикальных партий и организаций Испании. Ведь мировое общественное мнение все еще пыталось не просто связать их с Коминтерном, то есть с СССР, но и представить доказательством якобы сохранившихся агрессивных замыслов Кремля, желания его установить полный и безраздельный политический контроль над Пиренейским полуостровом. Отсюда и последовало настойчивое стремление Кремля не просто демонстративно отстраниться от каталонских событий, но и представить их враждебными именно Советскому Союзу, не один год ведущему борьбу с тем самым троцкизмом.

* * *

В мае 1937 года «Правда» опубликовала — вместе с «Известиями», «Красной звездой», рядом других центральных газет — сообщение «В Наркомате обороны». В нем извещалось о создании военных советов при командующих военными округами, а также о важных перемещениях в высшем начсоставе Красной армии. Командующего войсками Киевского военного округа И.Э. Якира переместили на ту же должность в Ленинградский, И.Ф. Федько из Приморской группы ОКДВА в Киевский, П.Е. Дыбенко из Приволжского в Сибирский. Одновременно был смещен с должности замнаркома М.Н. Тухачевский, направленный командующим войсками Приволжского военного округа, а на его место в НКО назначен Б.М. Шапошников, до того командующий войсками Ленинградского военного округа. В последних двух перемещениях и крылась суть данных кадровых решений: они проводились только с одной целью — понижение Тухачевского в должности, отправка его из столицы в далекий провинциальный город.

Но не менее важной была и первая часть сообщения, по которой восстанавливался жесткий партийный контроль над начсоставом армии. Ведь отныне не только командующие войсками округов должны были все свои решения согласовывать с политработниками. «В отмену существующего порядка», в дополнение к структуре уже действовавших политуправлений и политотделов, подчинявшихся Политическому управлению РККА, на деле являвшемуся отделом ЦК ВКП(б), воссоздавался и отмененный в конце декабря 1934 г. институт военных комиссаров — «во всех войсковых частях, начиная с полка и выше, и в учреждениях НКО».

Разумеется, оба эти решения были подготовлены и приняты отнюдь не Ворошиловым единолично, а всем узким руководством. О военных советах и восстановлении института военных комиссаров — 8 мая, когда у Сталина в его кремлевском кабинете присутствовали Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов. О перемещении командующих войсками военных округов и понижении Тухачевского в должности — 10 мая, опять же у Сталина, на заседании с участием Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова, Чубаря и Микояна.[196] В заседаниях принимали участие члены ПБ и комиссий ПБ, образованных 14 апреля.

Характер решений свидетельствовал о неожиданно появившемся сомнении в безусловной лояльности высшего начсостава армии. Ну а такую настороженность, как можно предполагать с большой долей уверенности, должна была породить некая важная информация Ежова.

Ежов мог напомнить о том, что В.М. Примаков и В.К. Путна еще в августе 1935 г. признали себя участниками боевой группы троцкистско-зиновьевской организации; М.И. Гай, Г.Е. Прокофьев и З.И. Волович дали в апреле 1937 г. показания о связях Ягоды с М.Н. Тухачевским, А.И. Корком, Б.М. Шапошниковым и другими; А.С. Енукидзе и Р.А Петерсон взяли на себя и организацию, и руководство подготовкой переворота. Ежов мог указать и на нечто объединяющее не только арестованных, но и тех подозреваемых из числа высших военачальников, которые пока еще находились на свободе. Таким же общим для них являлась служба в РККА под непосредственным командованием Л.Д. Троцкого.

Так, в 1920 г., когда шла советско-польская война, в прямом подчинении у Троцкого находились командующий Западным фронтом Тухачевский и член реввоенсовета фронта И.Т. Смилга, впоследствии видный сторонник Троцкого. Непосредственно подчинялись Тухачевскому троцкист Г.Л. Пятаков — командующий 15-й армией, сторонники Зиновьева М.М. Лашевич и Г.Е. Евдокимов, последовательно командовавшие 7-й армией, В.К. Путна — командир 27-й стрелковой дивизии.

Кроме того, определенные подозрения Ежова вызвало поведение ряда советских военных, находившихся в Испании во время Каталонского путча. Так, например, в Барселоне в те дни как генеральный консул СССР находился не кто иной, как В.А. Антонов-Овсеенко, который вместе с Троцким возглавлял, по сути, Красную армию, находясь на должности начальника Политуправления РККА с августа 1922-го по январь 1924 г. Сталин не только вспомнил о нем в заключительном слове на XIII партконференции, но еще и сообщил, что тот «прислал в ЦК и ЦКК совершенно неприличное по тону и абсолютно недопустимое по содержанию письмо с угрозой по адресу ЦК и ЦКК призвать к порядку «зарвавшихся вождей»».[197]

Действительно, письмо, написанное Антоновым-Овсеенко 27 декабря 1923 г. в защиту Троцкого и упоминавшее из «вождей» только Сталина, было откровенно ультимативным. Мало того, оно сохраняло необычайную злободневность даже тринадцать с половиной лет спустя. Ведь в нем, в частности, говорилось: «…Партию и всю страну вместо серьезного разбора серьезных вопросов кормят личными нападками, заподозреваниями, желчной клеветой, и этот метод возводят в систему, как будто в сем и состоит широко возвещенный новый курс. Ясно, к чему это ведет. К глубочайшей деморализации и партии, и армии, и рабочих масс и к подрыву влияния нашей партии в Коминтерне, к ослаблению твердости и выдержанности линии Коминтерна… Знаю, что этот мой предостерегающий голос на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего впечатления. Но знайте — этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность интересам партии, в целом интересам коммунистической революции… и их голос когда-либо призовет к порядку зазнавшихся «вождей», так, что они его услышат, даже несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту».[198]

О такой — нет, даже не филиппике, а прямой угрозе — Ежов непременно должен был знать с того самого дня, как возглавил КПК, или в крайнем случае, когда начал писать свой теоретический труд об оппозиции, и прежде всего о троцкистской оппозиции. Ежов вполне мог связать Антонова-Овсеенко и с Каталонским путчем, и с теми показаниями, которые уже имелись у НКВД против Тухачевского и других пребывающих во главе армии военачальников.

Наконец, настораживали Ежова и такие факты биографий высшего начсостава РККА, которые могли свидетельствовать о связях некоторых военных с рейхсвером или даже с германским нацизмом. Ведь для узкого руководства не являлось секретом, что в 1928–1929 гг. командарм 1 ранга, тогда командующий Украинским военным округом И.Э. Якир, комкоры Ж.Д. Зонберг, Р.Я. Лонгва учились в германской военной академии. Там же курс, но уже в 1931 г.,

прошли командующие Белорусским военным округом А.И. Егоров, Средне-Азиатским — П.Е. Дыбенко, Северо-Кавказским — И.П. Белов. В 1931–1933 гг. учились в Германии командующий Закавказским военным округом М.К. Левандовский, помощник командующего Украинским военным округом И.Н. Дубовой, начальник штаба Ленинградского военного округа С.П. Урицкий, командир 13-го стрелкового корпуса В.М. Примаков.

И все же как в апреле, так и в первой половине мая 1937 года Ежов не смог еще получить достаточно весомые доказательства существования военно-политического заговора, которые убедили бы узкое руководство. Даже очередной допрос Ягоды не принес желаемого. 13 мая он заявил своим следователям, Когану и Ларнеру, и без того хорошо им известное: летом 1936 г. «в протоколах следствия по делу троцкистской организации уже появились первые данные о наличии военной группы троцкистов в составе Шмидта, Зюка, Примакова и других. Вскоре я вынужден был пойти на аресты. Сначала, кажется, Шмидта, Зюка, а в дальнейшем и самого Примакова».[199] Но такие показания доказывали лишь одно: если заговор в НКО и существовал, Ягода о нем ничего не знал, что весьма сомнительно.

Естественно, эти показания никак не могли удовлетворить Ежова. Потому-то 12 мая был арестован начальник Военной академии имени Фрунзе командарм 2-го ранга А.И. Корк, а 15 мая — временно не имевший должности комкор Б.М. Фельдман. Оба — на основании показаний М.Е. Медведева, арестованного ранее. Ну а тот еще 8 мая признал свое участие в троцкистской военной организации, возглавляемой Фельдманом, а уже через два дня, 10 мая, Медведев назвал и другие фамилии — Тухачевского как «возможного кандидата в диктаторы», Якира, Путну, Примакова и Корка.

19 мая очередные показания дал Ягода: «Корк являлся участником заговора правых, но имел самостоятельную, свою группу среди военных, которая объединяла и троцкистов. Я знаю, что помощник Корка по командованию Московским военным округом Горбачев тоже являлся участником заговора, хотя он и троцкист… Я знаю, что были и другие военные, участники заговора (Примаков, Путна, Шмидт и др.), но это стало мне известно значительно позже, уже по материалам следствия или от Воловича (о Примакове). Я хочу здесь заявить, что в конце 1933 г. Енукидзе в одной из бесед говорил о Тухачевском как о человеке, на которого они ориентируются и который будет с ними».

21 мая были арестованы начальник управления боевой подготовки РККА комкор К.А. Чайковский и начальник управления связи РККА комкор Р.В. Лонгва. 22 мая — маршал, кандидат в члены ЦК М.Н. Тухачевский и председатель Центрального совета ОСОАВИАХИМа комкор Р.П. Эйдеман. 25 мая — начальник военных сообщений РККА комкор Э.Ф. Аппога. 27 мая — начальник артиллерийского управления РККА комкор Н.А. Ефимов. 28 мая — командарм 1-го ранга член ЦК И.Э. Якир. 29 мая — командарм 1-го ранга, кандидат в члены ЦК И.П. Уборевич. 31 мая у себя дома застрелился, вполне возможно, ожидая ареста, армейский комиссар 1-го ранга, член ЦК Я.Б. Гамарник. Помимо них было арестовано еще около 50 военнослужащих.

* * *

Подобные чистки нуждались в объяснении, и такое объяснение было дано на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны, проходившем с 1 по 4 июня 1937 г. Дано оно было самим Сталиным.

Начал он с объяснения того, что же, по его мнению, представлял собой заговор, названный и в НКВД, и в докладе наркома обороны «военно-политическим». Основное внимание Сталин сосредоточил на второй составляющей названия, сразу же сделав ее главной. Политическими руководителями заговора он назвал прежде всего находившегося в далекой Мексике Троцкого и уже арестованных Бухарина и Рыкова. Только потом он назвал других

руководителей: «Ягода, Тухачевский по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 человек».[200] Заговор, сказал далее Сталин, «они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который тогда был начальником Школы (имени) ВЦИК, а Школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят — организуйте группу, которая должна арестовать правительство…» Потом Сталин повторит то же еще несколько раз: «хотят арестовать правительство в Кремле»; они полагали, что «Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ — Корк и Горбачев — тоже у нас… И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело решенное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели. Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: «Это дело реальное»; «они хотели захватить Кремль… хотели обмануть Школу (имени) ВЦИК…»».[201] Так перед участниками расширенного заседания Военного совета возникла более чем реальная картина подготовленного, но так и не состоявшегося государственного переворота.

Кроме того, Сталин упомянул и о двурушничестве военных — ведь они изменили родине, выдавали врагу важные военные сведения. «Уборевич, особенно Якир, Тухачевский занимались систематической информацией немецкого генерального штаба»; «Якир систематически информировал немецкий штаб»; Тухачевский «оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых, передал немецкому рейхсверу».

Говоря о военачальниках, Сталин бросил в зал фразу: «Хотели из СССР сделать вторую Испанию». Для тех дней общий смысл ее был понятен каждому: в самую последнюю минуту был предотвращен военный мятеж. Но мятеж какого рода — франкистского? Вряд ли. Уж скорее всего, ограниченного масштаба, типа барселонского. Ведь большинство тех, кого упомянули и Ворошилов, и Сталин, служили либо в Московском военном округе, либо в Наркомате обороны, то есть опять же в Москве.

И тут приходится вновь вспомнить о старом, 1923 г., письме В.А. Антонова-Овсеенко, о котором Сталин вряд ли когда-либо забывал. В нем содержалась открытая угроза двинуть войска против ПБ и ЦКК, что в новых условиях выглядело бы именно как путч войск Московского военного округа, московского и кремлевского гарнизонов с единственной, уже открыто и однозначно названной целью — ареста узкого руководства во главе со Сталиным.

1 июня 1937 года «Правда» поместила короткое сообщение: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством». А десять дней спустя появилась главная информация под обычным для таких случаев заголовком «В прокуратуре СССР»: «Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путна В.К. рассмотрением закончено и передано в суд.

Указанные выше арестованные обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене Рабоче-крестьянской Красной армии. Следственным материалом установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Гамарника Я.Б. в антигосударственных связях с руководящими кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным органам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Все обвиняемые в предъявляемых им обвинениях признали себя виновными полностью. Рассмотрение этого дела будет проходить сегодня, 11 июня, в закрытом судебном заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР».

На следующий день, но уже под заголовком «В Верховном суде СССР», появилось второе официальное сообщение: «По оглашении обвинительного заключения на вопрос председательствующего тов. Ульриха, признают ли подсудимые себя виновными в предъявленных им обвинениях, все подсудимые признали себя виновными в указанных выше преступлениях полностью… Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР всех подсудимых… признало виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-крестьянской Красной армии, измене родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского — звания маршала Советского Союза, и приговорить всех к высшей мере уголовного наказания — расстрелу».

Наконец, 13 июня, теперь уже под рубрикой «Хроника», читателей уведомили: «Вчера, 12 июня, приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путна В.К.».

Часть 16

Нарастающий гнев Сталина

С конца мая 1937 года советская печать систематически сообщала о ходе выборов в партийных организаци ях. Они сразу же продемонстрировали крайне неприятную и опасную для узкого руководства тенденцию — незыблемость позиций местных руководителей. Несмотря на одобрение ими же доклада Жданова на февральско-мартовском Пленуме и соответствующей его резолюции, партийная бюрократия все оставила без изменения, откровенно игнорируя смысл двух инструктивных писем ЦК. Практически все первые секретари сохранили ведущее положение, продемонстрировав тем Москве, узкому руководству, что именно они являются хозяевами положения в своих регионах и добровольно уходить не собираются — даже в ходе альтернативных выборов в Верховный Совет СССР.

Заметной такая ситуация стала в начале июня, после городских конференций в Киеве, Ереване, Баку, Фрунзе, в Ленинграде, Иркутске, Калинине, Оренбурге, Энгельсе, Горьком, Челябинске, Ростове. На них, кроме- иркутской, первые секретари ЦК нацкомпартий — С.В.Косиор, А.Р. Аматуни, М-Д.А. Багиров, М.К. Аммосов крайкомов и обкомов — А.А. Жданов, М.Е. Михайлов» А.Ф. Горкин, Е.Э. Фрешер, Ю.М. Каганович, К.В. Рындин, Е.Г. Евдокимов получили абсолютное большинство голосов «за». Доказали, что столь же просто победят и на следующем этапе. Исключение составил лишь первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома, член ЦК М.О. Разумов. Он не сумел набрать достаточного числа голосов, чтобы стать делегатом краевой конференции, потому, что был обвинен в защите разоблаченных как оппозиционеры работников Иркутского горкома — второго секретаря Горбуновой и заведующего культпропотделом Шумовского.

Но в те же дни широкое руководство пополнилось новыми людьми, близкими к группе Сталина. Первыми секретарями рекомендовали 21 мая в Мордовский обком на место снятого Прусанова В.М. Путнина, 2 июня в Восточно-Сибирский крайком А.С. Щербакова. 4 июня начальником Политуправления РККА утвердили П.А. Смирнова, перед тем начальника политуправлений Балтийского флота, Северо-Кавказского, Приволжского, Белорусского и Ленинградского военных округов.

Этим узкое руководство не ограничилось. Накануне намеченного открытия Пленума, 19 июня, первым пунктом заседания, должным предвосхитить выступление Я.А. Яковлева, ПБ решило сделать сообщение Н.И. Ежова как секретаря ЦК. Вполне вероятно, что обсуждение и формы, и содержания экстраординарного сообщения стало причиной незначительной отсрочки созыва Пленума, начавшегося 23 июня более чем необычно. До обязательного оглашения

повестки дня, до первого доклада или речи собравшихся призвали поддержать два предложения ПБ. По первому «выразить политическое недоверие» и на том основании «вывести из состава членов и кандидатов в члены ЦК» председателя Ленинградского областного совета профсоюзов П.А. Алексеева, наркома легкой промышленности СССР И.Е. Любимова, главу правительства РСФСР Д.Е. Сулимова, управляющего трестом коммунального оборудования Наркомата местной промышленности РСФСР В.И. Курицына, председателя уже фактически не существующего СНК ЗСФСР и сопредседателя ЦИК СССР Г.М. Мусабекова, председателя Комиссии по оценке урожайности при Наркомате заготовок СССР В.В. Осинского, управляющего одним из небольших трестов в Куйбышевской области А.И. Седельникова.

Во втором предложении ПБ, зачитанном Ежовым, предлагалось одобрить еще одну более жесткую акцию. «За измену партии и родине и активную контрреволюционную деятельность» следовало «исключить из состава членов и кандидатов в члены ЦК и из партии», а их «дела передать в Наркомвнудел» 19 человек: председателя Комиссии советского контроля — заместителя председателя СНК СССР Н.К. Антипова, наркома внутренних дел УССР В.А. Балицкого, наркома местной промышленности РСФСР И.П. Жукова, заместителя заведующего агитпропа ЦК В.Г. Кнорина, первого секретаря Крымского обкома Л.Н. Лаврентьева (Картвелишвили), наркома пищевой промышленности РСФСР С.С. Лобова, первого секретаря Восточно-Сибирского крайкома И.П. Румянцева, первого секретаря Курского обкома Б.П. Шеболдаева, начальника ГУШОСДОРТРАНС НКВД Г.И. Благонравова, первого секретаря Одесского обкома Е.И. Вегера, председателя СНК БССР Н.М. Голодеда, бывшего наркома совхозов СССР М.И. Калмановича, наркома коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комарова и других.

Участники Пленума одобрили оба проекта решений. Таким образом состав ЦК сократился на 26 человек. Столь необычное, даже странное открытие Пленума можно понять, только если воспринимать оба предложения ПБ как ничем не прикрытую демонстрацию силы узкого руководства. Его можно расценить как своеобразное начало боевых действий со стороны группы Сталина, нанесение ею превентивного удара накануне голосования по важнейшему вопросу — об альтернативных выборах. Как последнее предупреждение тем, кто еще намеревался саботировать принятие нового избирательного закона. Противники новой избирательной системы должны были в те роковые минуты осознать, что перед ними только два варианта дальнейшего поведения. Либо поддержать проект Я.А. Яковлева, либо попасть в следующий список выводимых из состава ЦК.

Бросалось в глаза и иное. В списках фигурировали все те, кто уже не первый месяц терял свои позиции, неуклонно спускаясь по иерархической лестнице: Осинский, Жуков, Кнорин, Лаврентьев, Лобов, Калманович, Комаров, Кубяк, Михайлов, Уншлихт. Да еще те, кто оказался в составе ЦК случайно, пребывал в нем чисто номинально, не играя существенной роли, — Курицын, Седельников.

Наконец, практически все жертвы объединяла явная их некомпетентность, отсутствие высшего, а слишком часто и среднего образования, опыта практической работы по профессии.

Члены ЦК собирались в Москве крайне медленно — из-за продолжавшихся в ряде регионов страны выборов в партийных организациях. Скорее всего поэтому сталинская группа вновь изменила повестку дня Пленума. Первым основным вопросом после сообщения Ежова стали рутинные проблемы сельского хозяйства — доклады наркома земледелия СССР М.А. Чернова «О введении правильных севооборотов» и «О мерах улучшения машинно-тракторных станций», Я.А. Яковлева «Об улучшении семян зерновых культур». Слушание и обсуждение их заняло три с половиной дня, с вечернего заседания 23 июня по 26 июня, за которые все члены

ЦК не только собрались в столице, но и успели познакомиться с двумя предложениями ПБ и проголосовать по ним. И лишь затем, 27 июня, выступил Я.А. Яковлев с основным для Пленума докладом — о новом избирательном законе, который был предварительно рассмотрен специальной комиссией, образованной ПБ еще 26 мая и включавшей, естественно, Яковлева, а также председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, секретаря ЦИК СССР И.А. Акулова, правоведов — наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко и прокурора СССР А.Я. Вышинского, заведующего Агитпропом ЦК А.И. Стецкого и председателя правительства Украины П.П. Аюбченко.

Яковлев начал свое выступление беглым, предельно кратким напоминанием об особенностях новой избирательной системы. О том, что выборы отныне будут всеобщими, равными, прямыми, тайными. Затем перешел к пятой особенности предлагаемого им проекта закона.

«Конституция СССР предоставляет каждой общественной организации и обществу трудящихся право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР… Эта статья имеет огромное значение, она внесена по предложению товарища Сталина. Ее цель — развить, расширить демократию… Эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах в советы. *На окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать и внести в избирательный бюллетень по соответствующему округу всех без исключения кандидатов в Верховный Совет СССР, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся* (выделено мной. — ЮЖ.)… Отказ окружных по выборам… комиссий в регистрации кандидата в депутаты может быть обжалован в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным. К кандидатам в депутаты не предъявляется никаких особых требований, кроме предъявляемых к любому избирателю… От общественных организаций, выставивших кандидатов, требуется лишь, чтобы они были зарегистрированы в установленном законом порядке и представили протокол собрания или заседания, выдвинувших кандидата, по установленной форме в избирательную комиссию».

Так Яковлев сообщил участникам Пленума об альтернативности предстоящих выборов, о состязательности на них, определяемой тем, что теперь не только партия, но и любая общественная организация, в том числе и ее местные отделения, а также любые собрания граждан будут выставлять собственных кандидатов, да еще ни с кем не согласуя их. Таких кандидатов, которые отвечают не чьему-либо, а действительно только их собственному волеизъявлению. И тут же Яковлев перешел к еще более значимому.

Проект закона, отметил он, предусматривает исключение «всяких попыток исказить результаты голосования и действительную волю трудящихся… Некоторые формальности, введенные этой (VIII. — Ю.Ж.) главой, могут показаться некоторым товарищам излишними и даже бюрократическими, но там, где вопрос идет о создании высшего государственного органа, никакая формальность не будет излишней.

Участковая избирательная комиссия, — пояснил докладчик, — посылает в окружную избирательную комиссию не только протокол голосования, но и оба экземпляра счетных листов на каждого кандидата. Совет депутатов трудящихся обязан хранить избирательные бюллетени вплоть до утверждения мандатов Верховным Советом СССР».

Трудно усомниться, против чьих возможных действий по фальсификации результатов были направлены все перечисленные выше меры. Только первые секретари — райкомов, горкомов, обкомов и крайкомов — обладали возможностью и неофициальными правами, которые позволили бы в случае острой необходимости подтасовать число поданных за того или иного кандидата голосов. Именно поэтому Яковлев и подчеркнул для него наиважнейшее:

«Цель — обеспечить точное волеизъявление трудящихся — предусматривает установленное «Положением о выборах в Верховный Совет СССР» право, согласно которому избранным считается только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов. Если ни

один из кандидатов на выборах не получит абсолютного большинства голосов, то обязательно (не позднее, чем в двухнедельный срок) перебаллотировка двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов».

Именно тут доклад неожиданно прервался весьма показательной, хотя и короткой, спонтанной дискуссией:

«Эйхе: А если во втором туре не будет абсолютного большинства?

Яковлев: Такого случая не может быть, раз голосуют при баллотировке только за двух кандидатов.

Калинин: Нужно поправку сделать, что при равенстве голосов вопрос будет решаться по жребию.

Яковлев: Это неправильно. Не годится давать жеребьевке решать — будет ли сторонник коммунистов или враг в совете.

Калинин: Ворошилов предлагает боем дело кончить.

Яковлев: И это лучше, чем жребий. Тут у нас возможностей больше. Наши могут победить».

* * *

На том особенности нового избирательного закона, нуждающиеся в разъяснениях, Я.А. Яковлев счел исчерпанными и перешел ко второму разделу доклада. Однако стал говорить не о том, что предусматривалось повесткой дня — подготовке к выборам Советов, а о более чем серьезных недостатках в их деятельности.

Начал с того же, о чем применительно к партийным организациям говорил на предыдущем пленуме Жданов, — о фактически отсутствующем в жизни законном избрании в Советы, о царившей повсюду кооптации. Затем подробно остановился на собственно работе Советов всех уровней — от районных и городских до ЦИК СССР. Оказалось, что более двух третей всех вопросов, решенных Челябинским облисполкомом, больше 90 % — Орджоникидзевским крайисполкомом, более 70 % — Свердловским облисполкомом и больше 80 % — Азово-Черноморским крайисполкомом были решены «опросом». «Факт также, — продолжил Яковлев, — что Западный облисполком из 20 000 постановлений, принятых им с начала 1936 г., только 500 рассмотрел на заседаниях президиума, а остальные были приняты либо «опросом», либо в порядке подписи председателем и секретарем».

Другим аспектом той же проблемы стало, по словам Яковлева, повсеместное бездействие депутатских секций, которые, по конституции, призваны были направлять деятельность соответствующих отделов исполкомов и контролировать их. На практике же, как доказал докладчик, все обстояло иначе:

«В тех многочисленных случаях, когда секции проявляют инициативу, вскрывают недостатки, требуют исправления, критикуют заведующих (отделами исполкомов.) заведующие нередко начинают осаживать их, игнорировать, перестают ходить на секции, посылают вместо себя на секции пятистепенных работников и тем самым постепенно сводят секции на нет. Я бы мог привести многочисленные примеры превосходной работы секций по Москве, Ленинграду, Днепропетровску, Ташкенту, но, к сожалению, по всем этим пунктам я вынужден был бы одновременно привести многочисленные факты игнорирования секций со стороны тех или иных бюрократов, мнящих себя стоящими выше ответственности перед советами».

И Яковлев сделал единственно возможный в таком случае вывод: «Все наши работники должны понять, что нет людей, которые могли бы претендовать на бесконтрольность в работе, что подконтрольность любого работника вытекает из основ советской власти, что только с

помощью контроля снизу, дополняющего контроль и руководство сверху, можно улучшить работу советов».

Подвергая нелицеприятной критике работу Советов всех уровней, Яковлев поначалу ограничился лишь указанием исполкомов: Орджоникидзевского, Азово-Черноморского, Восточно-Сибирского краевых, Западного, Ярославского, Свердловского, Челябинского областных, Брянского, Московского, Коломенского, Рязанского, Ярославского, Харьковского, Омского городских. Но почти сразу же стал называть и фамилии опорочивших себя руководителей, и не только представлявших советскую ветвь власти. Тогда-то и стала приподниматься завеса тайны вывода из ЦК первых секретарей региональных парторганизаций — Разумова, Румянцева, Шеболдаева, Вегера, а также Голодеда и Уншлихта. Все они, как и председатели соответствующих Советов, исполкомов, были обвинены докладчиком в полном пренебрежении интересами людей, в беззакониях, от которых страдало население, прежде всего сельской местности. Яковлев резюмировал:

«Само собой разумеется, что практика подмены законов усмотрением той или иной группы бюрократов является делом антисоветским. Крестьянин ведь судит о власти не только по тому, каков закон — будь он великолепен. Но если исполнитель извращает его в своей деятельности, крестьянин будет судить о власти в первую очередь на основании действий исполнителей».

Как бы мимоходом, невзначай коснулся Яковлев и еще одной достаточно серьезной проблемы: «Партгруппы в Советах и в особенности в исполкомах Советов зачастую превратились в органы, подменяющие работу Советов, в органы, кои все решают, а Советам остается лишь проштамповать заранее заготовленное решение… Вывод отсюда: необходимо будет войти на очередной съезд партии с предложением об отмене пункта устава ВКП(б) об организации партгрупп в составе Советов и их исполнительных комитетов с тем, чтобы все вопросы работы Советов как в части хозяйственного, культурного и политического руководства, так и в части назначения людей обсуждались и решались непосредственно Советами и их исполкомами без возложения на коммунистов обязанности голосовать в порядке партдисциплины за то или иное решение через партгруппы, не являющиеся выборными партийными органами».

Так вроде бы неожиданно, чисто случайно возникла — и не где-нибудь, а на пленуме ЦК! — совершенно новая тема — постепенного выхода Советов (правда, пока без указания — какого же конкретно уровня) из-под жесткого партийного контроля, превращения их в самостоятельную на деле, а не на словах, ветвь власти. Но, разумеется, не для конкуренции или противостояния партийной, отнюдь нет. Главным образом для того, чтобы из нее в дальнейшем «черпать как из богатейшего резерва новые кадры для смены сгнивших или забюрократившихся». Именно так невзначай и прозвучала явно исходившая от сталинской группы оценка широкого руководства.

После перерыва первым взял слово Молотов. Его выступление оказалось не только весьма пространным для прений — продолжалось почти час, — но и сугубо политическим по сути. Вполне возможно, уловив настроения участников Пленума, он постарался подсластить горькую пилюлю, по возможности смягчить впечатление, оставленное докладом Яковлева. Он стремился убедить членов ЦК в том, что узкое руководство не отказывается от изначального генерального курса, курса Октября, что внимание к Советам, которые, конечно же, останутся под руководством партии, не только давно назрело, но и диктуется исключительно заветами Ленина. Молотов сразу же подчеркнул:

«Новая Конституция поднимает роль Советов, увеличивает их значение во всем строительстве социализма… Смысл избирательной кампании будет заключаться в том, чтобы отточить Советы как орудие нашей партии, как организатора борьбы за победу коммунизма».

Однако вслед за тем, практически без перехода Молотов обрушился на партократию, подмявшую под себя законные органы власти. Явно имея в виду первых секретарей крайкомов, обкомов, райкомов, он заметил: «В представлении некоторых товарищей у нас можно встретить такое отношение, что советский аппарат, это, ну второстепенная какая-то организация, а советские работники — это работники второго сорта. Речь идет о том, чтобы Советы, советский аппарат, советских работников поставить в работе на более высокую ступень, выше». Иными словами, дал понять, что необходимо уравнять наконец-то советскую ветвь власти с партийной. И сделать это исключительно с точки зрения конституции, как старой, так и новой, только что принятой.

А чтобы не только подтвердить, но и усилить эту мысль, Молотов перешел к проблеме кадровой ротации, о чем утром уже говорил Яковлев в своем докладе. Он привел несколько примеров неспособности слишком многих профессиональных революционеров — несменяемых партийно-государственных руководителей — справляться со своими прямыми обязанностями на советских постах. Одновременно, опять же, как и Яковлев, весьма недвусмысленно объяснил причины вывода из состава ЦК некоторых из его членов. Назвал «Каминского по линии наркомздрава, Сулимова по линии Совнаркома РСФСР, Жукова по линии местной промышленности», как не справившихся с решением жизненно важной проблемы охраны материнства — со строительством родильных домов, яслей, обеспечением их всем необходимым оборудованием. Каминский, Сулимов, Жуков, как прямо заявил Молотов, «совершенно бюрократически отнеслись к этому вопросу».

Наконец, завершая выступление, Молотов сделал важное заявление, посвященное все тому же кадровому вопросу:

«Конечно, надо понять, товарищи, что наши старые критерии старых партийцев теперь во многих отношениях недостаточны. Товарищ Сталин за последнее время несколько раз всем нам говорил о том, что наши старые оценки людей теперь совершенно недостаточны. Имеет дореволюционный партийный стаж, потом он имеет хорошее качество, что он участвовал в Октябрьской революции, имел заслуги в гражданской войне, потом он неплохо дрался против троцкистов и против правых. Все это надо понять и учесть как важный элемент в оценке человека. Но это недостаточно. В данное время от нас, от тех людей, которые являются представителями партии на любом участке работы, требуется, чтобы в духе тех требований партии, которые она теперь представляет в борьбе с недостатками работы в Советах и с недостатками в подборе людей, требуется, чтобы руководители находили известный подход к этим людям и умели на места устаревшего хламья, обюрократившейся или очиновничейся группы работников выдвигать новых людей. Нам надо теперь добиться того, чтобы мы теперь выдвинули такие кадры людей в Советы, высшие и местные органы Советов, которые в соответствии с основными требованиями теперешнего момента твердо, последовательно, разумно, со знанием дела будут проводить политику партии на своем месте».

* * *

Еще более неожиданным для собравшихся оказалось и иное. В самом конце прений, когда речь зашла о поиске наиболее беспристрастной формы подсчета голосов, Сталин заметил, что на Западе, благодаря многопартийности, такой проблемы нет. И вслед за тем внезапно бросил в зал весьма странную для подобного собрания фразу: *«У нас различных партий нет. К счастью или к несчастью у нас одна партия»* (выделено мной. — Ю.Ж.). Он предложил поэтому, но лишь как временную меру, использовать для беспристрастного контроля за выборами

представителей все тех же существующих общественных организаций, а не ВКП(б), как можно было бы ожидать от секретаря ЦК.

Вызов, открытый вызов партократии был брошен. Но она отнюдь не собиралась сдаваться. Первые партактивы по итогам Пленума провели в Москве и Ленинграде уже 4–5 июля, но на них не говорили ни о сути и особенностях новой избирательной системы, ни о подготовке агитаторов и пропагандистов к выборам. Внимание было сосредоточено на другом, не имевшем отношения к Пленуму. «Каждый партийный и непартийный большевик, — отмечалось в резолюции московского актива, на котором с докладом выступил Н.С. Хрущев, — должен помнить, что враги народа, подонки эксплуататорских классов — японо-германские фашистские агенты, троцкисты, зиновьевцы, правые, эти шпионы, диверсанты и убийцы, будут всячески пытаться использовать выборы для своих вражеских контрреволюционных целей… Разоблачение, выкорчевывание и разгром всех врагов народа являются важнейшим условием успешного проведения выборов в Советы, осуществления сталинской Конституции и дальнейшего победоносного продвижения нашей страны к коммунизму».

Столь же агрессивной оказалась и резолюция, принятая ленинградским партактивом. Она директивно определяла: «Боевая задача ленинградской партийной организации заключается в том, чтобы выкорчевать до конца из партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций вредителей, шпионов, контрреволюционных троцкистско-зиновьевско-бухаринских выродков и поставить на все участки работы преданных делу социализма воинствующих партийных и беспартийных большевиков, верных сынов партии и родины».

После столь откровенного призыва превратить выборную кампанию в «охоту на ведьм» не стал удивительным ход четвертой сессии ЦИК СССР седьмого созыва, открывшейся, как и предусматривалось, 7 июля. На ней, как и на Пленуме, с докладом о проекте «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» выступил Я.А. Яковлев. Практически он повторил все то, о чем говорил десять дней назад: о том, как обеспечиваются всеобщее, равное и прямое избирательное право и тайное голосование, как обеспечивается право общественных организаций и обществ трудящихся выдвигать своих кандидатов; здесь подчеркнул, что статья 125-я Конституции, провозглашая свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, собственно, и является гарантией данного права. Рассказал о том, как будут организованы выборы.

После этого Яковлев резко отрицательно оценил работу Советов в целом и настоятельно предложил выдвигать кандидатами в депутаты новые кадры, черпая из неиссякаемого, по его словам, резерва — молодежи, женщин, беспартийных. «*Советская демократия, — подчеркнул Яковлев, — не только не боится народа, не только не отделяет себя от народа, но обращается к массам трудящихся, предлагая трудящимся выставлять своих кандидатов на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах… Неуклонное осуществление Сталинской Конституции и избирательного закона, несомненно, обеспечит на основе критики недостатков работы Советов и выдвижения в Советы новых людей* (выделено мной. — ЮЖ.) улучшение работы Советов снизу доверху».

Однако доклад Яковлева оказался гласом вопиющего в пустыне. Все без исключения участники начавшихся вслед за тем прений демонстративно игнорировали суть услышанного. Говорили о чем угодно, только не о главной проблеме. Так, взявший слово первым глава украинского правительства П.П. Любченко ограничился восхвалением, да и то в предельно общей форме, Конституции и новой избирательной системы, доказывал их преимущества, сравнивая с тем, чем располагали западные страны, прежде всего Польша. Столь же бессодержательными стали речи начальника Главсевморпути О.Ю. Шмидта, председателя ЦИК Грузинской ССР Ф.Я. Махарадзе, многих других. Ну а советские чиновники — председатель СНК Казахской ССР У.Д. Исаев, председатель Куйбышевского облисполкома Г.Т. Полбицын, заместитель начальника председателя Ленсовета А.М. Иванов, нарком местной промышленности БССР А.Я. Белтин, как и требовалось по плохому сценарию, занялись

уничижительной самокритикой. Но все же превалировала в прениях иная тема — та, что обозначилась на партактивах.

Многолетний лидер комсомольцев А.В. Косарев почему-то пренебрег, например, возможностью выдвигать кандидатов в депутаты от молодежи. Предпочел — разумеется, от имени ВЛКСМ — лишь поддерживать кандидатов, которых должен был выдвинуть кто угодно, но только не молодежные организации. «Молодежь нашей страны, — сказал он, — руководимая партией, ею воспитываемая, будет поддерживать тех кандидатов на предстоящих выборах в Советы, кто предан социализму, кто честен перед страной, кто честен перед партией, кто борется с изменниками делу партии Ленина — Сталина, кто борется с предателями родины, врагами народа — троцкистами, бухаринцами и иными двурушниками, кто умеет обнаруживать этих врагов народа и их обезвреживать…»

Сегодня уже трудно усомниться в том, что репрессии первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов стали неизбежным и логическим развитием давнего противостояния их с реформаторами, сталинской группой. Но, отрешая первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, наркомов СССР от занимаемых должностей, ПБ поначалу пыталось быть предельно осторожным, не давая НКВД формального повода для возбуждения следствия. Большинству ответственных партработников инкриминировали лишь халатность.

Так, например, в постановлении ЦК «О руководстве ЦК КП(б) Белоруссии», утвержденном ПБ 27 июля, вполне справедливо как негативная характеризовалась деятельность Червякова, Голодеда, наркома земледелия республики Бенека. Обличался их действительный, хоть и запоздалый, «левый уклон», который выразился в принудительной реорганизации десятков колхозов в совхозы, в фактическом изъятии у колхозников приусадебных участков, в незаконной передаче огромных по площади колхозных земель совхозам. Новому руководству республики Шаранговичу, второму секретарю Денискевичу, наркому земледелия Низовцеву и было поручено «ликвидировать последствия» подобной антикрестьянской политики. Однако, отмечалось в постановлении, Шарангович, Денискевич и Низовцев «не только не выполнили этого задания ЦК ВКП(б), но даже не приступили к его выполнению». Своим вопиющим равнодушием к порученному делу они довели, вместе с предшественниками, сельское хозяйство Белоруссии до того, что там «появились очереди за хлебом», скрывали факт очередей от ЦК ВКП(б) и не обращались в ЦК ВКП(б) за помощью.

Чтобы исправить близкое к катастрофическому положение, пять дней спустя, 2 августа, ПБ утвердило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об оказании помощи колхозному крестьянству Белоруссии». Объявило о возвращении 32 тысяч га земли колхозам, передаче прежним владельцам приусадебных участков, о ликвидации 138 совхозов и передаче их земель, 230 тысяч га, и скота частью колхозам, а частью государству, о создании 60 машинно-тракторных станций и быстрейшем обеспечении их 900 гусеничными тракторами.

* * *

К концу августа Я.А. Яковлев и его аппарат практически завершили подготовку всех документов, необходимых для предстоящих альтернативных выборов. Утвердили в ПБ образцы избирательных бюллетеней и конвертов для них, удостоверений на право голосования, счетных листов, протоколов голосования, списков избирателей.[202]

Два из этих документов однозначно свидетельствовали об альтернативности готовившихся выборов. Так, образец избирательного бюллетеня содержал три фамилии — разумеется, и они сами, и их число являлись чистейшей условностью. Но уже предельно безусловным по смыслу был текст, помещенный над ними справа: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните».

Столь же определенно указывал на выдвижение по меньшей мере двух кандидатов и один из разделов образца «Протокола голосования» по избирательному округу. Именно в нем содержались трафареты, раскрывавшие главную особенность приближавшихся выборов.

«Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, окружная избирательная комиссия отмечает это следующим образом: В соответствии с результатами голосования… окружная избирательная комиссия установила, что из общего числа поданных по округу голосов, признанных действительными, ни один из кандидатов в депутаты не получил абсолютного большинства голосов. Ввиду этого на основании статьи 107-й Положения о выборах в Верховный Совет СССР… окружная избирательная комиссия объявляет перебаллотировку нижеследующих двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов.

… (фамилия, имя, отчество) от… получил… голосов… (фамилия, имя, отчество) от… получил… голосов и назначает день перебаллотировки на… дня… месяца… года, то есть не позднее чем в двухнедельный срок по истечении первого тура выборов». Завизировали образец протокола окружной избирательной комиссии Сталин, Молотов, Калинин, Жданов, Каганович.

31 августа, признав данную часть работы выполненной, ЦК образовало «предварительную», как ее назвало решение, комиссию ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, которой и предстояло уже официально внести на рассмотрение ближайшего пленума все вышеперечисленные документы. Председателем ее стал Я.А. Яковлев. Завершить всю необходимую работу комиссии следовало не позднее 5 октября, вскоре после чего и должен был быть созван Пленум.

Вслед за тем Я.А. Яковлев продолжил подготовку к выборам, но уже в несколько своеобразной форме. По личному поручению Сталина несколько скорректировав статью 22 главы 11 Конституции, разработал изменение административно-территориального деления РСФСР, что и было с 11 по 28 сентября утверждено сначала ПБ, а вслед за тем и президиумом ЦИК СССР. Так на карте страны появились вместо Азово-Черноморского края — Ростовская область и Краснодарский край, вместо Северной области — Архангельская и Вологодская, вместо Восточно-Сибирского края — Иркутская и Читинская области, вместо Московской области — Московская, Тульская и Рязанская, вместо Западно-Сибирского края — Новосибирская область и Алтайский край, из Воронежской области выделили Тамбовскую, а на месте Западной и Курской образовали Смоленскую, Курскую и Орловскую. Кроме того, скорее всего при прямом участии или по поручению Яковлева, тогда же, 22 сентября, и на Украине образовали четыре новые области: Полтавскую, Житомирскую, Каменец-Подольскую и Николаевскую.

Такая лишь на первый взгляд очередная бюрократическая мера призвана была сыграть довольно значительную роль в ближайшее время. Прежде всего, она существенно меняла число избирательных округов, создавая дополнительные места в Верховных Советах как СССР, так и РСФСР, УССР. Более того, сразу же приводила к увеличению числа членов широкого руководства, способствовала изменению в нем расстановки сил, ибо одновременно ПБ утвердило в должностях новых первых секретарей двух крайкомов и десяти обкомов в безусловной поддержке которых на предстоящем Пленуме сталинская группа хотела быть полностью уверенной. Наконец, у весьма влиятельных партократов Е.Г. Евдокимова, Н.С. Хрущева, Р.И. Эйхе, Д.А. Конторина и М.О. Разумова изрядно сократили не столько подведомственную территорию, сколько размах властных полномочий.

* * *

Но данное поручение, как оказалось, стало последним, выполненным Я.А. Яковлевым. Судя по косвенным данным, в день открытия Пленума, 12 октября 1937 года, он был арестован. Однако протоколы ПБ ни тогда, ни позже так и не зафиксировали обязательное при таких обстоятельствах освобождение его от должностей заведуюхцего сельхозотделом ЦК и первого заместителя председателя КПК. Случай редкий.

Что же произошло с Я.А. Яковлевым? Чем было вызвано его устранение — на протяжении полутора месяцев тайное, без огласки, да еще и за несколько часов до открытия Пленума ЦК ВКП(б)? Почему убрали человека, два года игравшуго одну из главных ролей на политической сцене: в разработке конституционной реформы, подготовке текста новой Конституции и невиданного в истории страны действительно демократического избирательного закона, всех документов, необходимых для выборов?

Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего следует обратиться к тому положению, которое занимал Я.А. Яковлев во властных структурах. На 12 октября он уже восьмой год являлся членом ЦК; четвертый год возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК — один из трех экономических; год являлся первым заместителем председателя КПК — вернее, фактически руководил ею, так как Ежов, ее официальный глава, с октября 1936 г. просто не имел времени для исполнения этой своей обязанности. Помимо того, Я.А. Яковлев с 11 августа 1936 г. состоял еще и в образованном ПБ «секретариате по первоначальной наметке программы ВКП(б)».

Все это, а также самое активное участие в работе конституционной комиссии, которая для Яковлева отнюдь не завершилась 5 декабря 1936 г., предполагало как вполне заслуженное и потому возможное, избрание его ближайшим Пленумом на тот пост, на который он мог претендовать с полным правом, — члена Оргбюро, секретаря ЦК или даже кандидата в члены ПБ. Во всяком случае, не только его послужной список, но и последняя конкретная работа позволяли ему давно претендовать на более высокую должность в партийной иерархии, чему могли способствовать давнее сотрудничество с узким руководством, вхождение в группу Сталина, а потому и инициатива в этом вопросе со стороны генерального секретаря.

Теперь обратимся к тем доступным фактам, которые прямо или косвенно могут пролить свет на причины устранения Я.А. Яковлева.

4 сентября ПБ освободило от обязанностей заведующего отделом печати и издательств Б.М. Таля, оставив его «в распоряжении ЦК» и заменив Л.З. Мехлисом. Иными словами, был выведен из игры один из трех членов сталинской группы, кто вместе с Яковлевым и Стецким составлял мозговой центр реформаторов и узкого руководства. Ведь именно они трое являлись подлинными авторами текста новой конституции, разработчиками очередной третьей программы ВКП(б), которая должна была определить то принципиально иное по сравнению с прошлым положение партии в обществе и государстве, ее место в жизни страны при сформированном на демократической, альтернативной основе советском парламенте — Верховном Совете СССР. Кроме того, Б.М. Таль входил и в «предварительную» комиссию по подготовке выборов, хотя и на вторых ролях.

Три недели спустя, 28 сентября, ПБ (а точнее — только Сталин и Молотов в присутствии Ежова и Маленкова) приняло решение: «Ввести в комиссию для разработки вопросов по выборам в Верховный Совет СССР тт. Молотова, Сталина и Мехлиса». На первый взгляд здесь вроде бы все было ясно. Предварительная работа успешно подходила к концу. Ее результаты были столь важны, что для полной уверенности в их утверждении Пленумом требовалось предельно поднять уровень комиссии. Столь же понятным выглядело и введение в ее состав Л.З. Мехлиса — он всего лишь замещал по должности выбывшего Б.М. Таля. И все же в решении ощущалась некая недоговоренность. Не было ясно, остается в комиссии Я.А. Яковлев или нет, а если остается, то в первом или во втором ее составе.

Только после этого, 30 сентября, ПБ в лице Сталина, Молотова и Ворошилова наконец установило дату созыва Пленума — 10 октября, и повестку дня, включающую всего два пункта:

«1. Вопросы избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. 2. Текущие вопросы». Примечательно, что докладчик по первому вопросу определен почему-то не был.

2 октября состоялось первое протокольно оформленное заседание «предварительной» комиссии, ставшей с этого момента комиссией ЦК. В нем приняли участие члены обоих составов. Первого — Молотов. Сталин, Калинин, Яковлев, Горкин, Мехлис, Хрущев, Вышинский, Чернышев; второго — Булин, Маленков, Шверник, Косарев, Хохлов. Кроме того, протокол зафиксировал присутствие еще троих: заведующего агитпропотделом ЦК А.И. Стецкого, заведующего особым сектором ЦК А.Н. Поскрёбышева и второго секретаря Ленинградского горкома А.И. Угарова.

Некоторое несоответствие между официальным составом комиссии и теми, кто прибыл на ее заседание, довольно легко поддается объяснению. Андреев в тот день находился в Самарканде, проводил пленум ЦК компартии Узбекистана, на котором был снят А.И. Икрамов, а первым секретарем избран У.Ю. Юсупов. Жданова, скорее всего, неотложные дела задержали в Ленинграде. Стецкого пригласили в соответствии с занимаемой должностью. Поскребышева — для исполнения свойственной ему обязанности секретаря, а Угарова — вполне возможно, как представителя Жданова.

Прежде всего, комиссия обсудила ряд чисто технических вопросов, не подготовленных в свое время Яковлевым: о форме и размерах ящика (урны) для голосования; об избирательных участках в частях и соединениях Красной армии, в северных и кочевых районах, небольших поселениях; о порядке включения в избирательные списки лиц 18-летнего возраста. Кроме того, она приняла решения о редакторах газет, издававшихся в центрах избирательных округов, и об увеличении ежедневного тиража «Правды» и «Известий» на 300 тысяч экземпляров для каждой. Только затем последовало самое главное — выборы назначили на 12 декабря, а начало избирательной кампании — на 12 октября.

Тем, однако, круг требовавших решения задач не был исчерпан. Состав избирательных округов поручили доработать Маленкову, Яковлеву и Горкину (фамилии были перечислены именно в таком порядке), вопрос об отпуске средств на избирательную кампанию отложили до сформирования Центральной избирательной комиссии, а вопрос об организации агитационно-пропагандистской работы в избирательных округах и на избирательных участках отнесли на неопределенное время.

5 октября, на втором и последнем заседании комиссии ЦК (ее протокол не обнаружен), утвердили тексты постановлений ЦИК СССР о дне выборов и избирательных округах, образец удостоверения депутата Верховного Совета СССР, а также решили финансовые вопросы, отложенные ранее. Выделили 836,7 тыс. рублей на бумагу для избирательных бюллетеней и конвертов, в которые их необходимо было вкладывать; 719,4 тыс. рублей — на производство фильма «Техника выборов в Верховный Совет СССР».

7 октября устоявшийся, сделавшийся даже до некоторой степени рутинным ход работы внезапно нарушился. Сталин и Молотов от имени ПБ приняли постановление, ликвидировавшее прежде декларированное равноправие ВКП(б) и общественных организаций при подготовке и проведении выборов, — «Об утверждении в партийном порядке председателей и секретарей избирательных комиссий в Совет Союза и Совет Национальностей Верховного Совета СССР». Это постановление уже вносилось на утверждение ПБ 5 октября Маленковым, но так и не было рассмотрено. В соответствии с ним ЦК нацкомпартий были обязаны к 10 октября наметить состав республиканских избирательных комиссий, крайкомы и обкомы в тот же пятидневный срок — окружных, а к 15 октября «тщательно проверить и утвердить председателей и секретарей участковых избирательных комиссий». Все три варианта списков следовало тут же «представить на утверждение ЦК».

Чтобы понять причину такого поворота событий, приходится вступить на зыбкую почву догадок и предположений, попытаться реконструировать происходившее, сопоставляя

известные неоспоримые факты и данные предельно «глухого» источника, «Книги посетителей кремлевского кабинета Сталина».

После возвращения из Минска Я.А. Яковлев встречался со Сталиным чаще, нежели прежде. В августе и сентябре — по пяти раз, а всего за первую декаду октября — даже шесть. 2 октября, в день протокольного заседания комиссия ЦК, одновременно с Яковлевым в кабинете Сталина присутствовали Молотов, Ежов и Вышинский, 5 октября — Молотов, Косиор, Чубарь и Ежов, 8 октября — Молотов, Ежов, Мехлис и Горкин. 9 октября состав участников встречи существенно изменился. Среди них оказались, помимо Ежова, члены комиссии ЦК Молотов, Жданов, Мехлис, Горкин, Косарев, Шверник, а также те, кого только три дня спустя официально введут в состав Центральной избирательной комиссии, — секретарь ВЦСПС П.Г. Москатов, начальник Главсевморпути О.Ю. Шмидт, генеральный секретарь правления Союза советских писателей В.П. Ставский и заместитель директора по учебной части казанского Института советского права Г.П. Горшенин.

Сегодня практически невозможно установить, о чем же шла речь 2 и 5 октября. Присутствие в обоих случаях Молотова и Ежова мало о чем говорит, ибо они являлись тогда практически непременными участниками всех рабочих встреч Сталина. Лишь появление в кабинете вместе с Яковлевым еще и Вышинского порождает неуверенную догадку. Может быть, обсуждался вопрос избирательных прав, к примеру, крестьян. Тех самых, кому их недавно возвратили, но по решению ЦК от 2 июля намеревались вновь отнять. Более понятной выглядит встреча 8 октября. Присутствие на ней Мехлиса и Горкина должно свидетельствовать о том, что темой беседы вполне могли оказаться рабочие детали подготовки к выборам. Встреча же у Сталина 9 октября только своим составом прямо указывает на обсуждение и решение чисто практических вопросов предстоящих выборов, в том числе и согласование состава Центральной избирательной комиссии.

Но как бы то ни было, можно все же констатировать следующее. К 19 часам 15 минутам 9 октября, когда все посетители покинули кабинет Сталина, общая концепция выборов, включая и альтернативность, все еще не претерпела существенных изменений. В своем изначальном виде она была внесена 10 октября на рассмотрение ПБ, которому в соответствии с традицией и как обычно бывало формально, следовало, обсудив, обязательно одобрить выступление Молотова на пленуме — в тот же день, спустя час или два.

В 6 часов вечера в кабинете Сталина собрались Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Косиор, Микоян, Молотов, Чубарь, Жданов и Ежов — все без исключения члены ПБ и секретари ЦК. Отсутствовали лишь кандидаты в члены ПБ Петровский, Постышев и Эйхе, которые должны были уже находиться в Москве, но которых по неизвестной причине в Кремль не пригласили. Через три часа после начала заседания в кабинет вошли Мехлис, Стецкий, Яковлев и Горкин и пробыли там всего тридцать минут.[203] А через полчаса после их ухода, в 10 часов вечера, заседание ПБ неожиданно завершилось переносом открытия Пленума на сутки — на 7 часов вечера 11 октября. И утверждением тезисов выступления Молотова:

Как выдвигать кандидатов (колхозы, заводы, конференции).

Параллельные кандидаты (не обязательно) (выделено мной. — ЮЖ.).

Беспартийных — 20–25 %.

Порядок формирования избирательных комиссий (в центре и на местах).

Так что же произошло в тот вечер? Несомненно одно. Договоренности по проекту постановления Пленума и непременно основанного на нем выступления Молотова достичь не удалось. Большинство членов ПБ решительно отвергли альтернативность выборов, от чего Сталин, Молотов, Андреев и Калинин еще не смогли отказаться. Скорее всего, солидарную с ними позицию занял и Жданов, имевший полную возможность выразить несогласие, если бы оно у него было, накануне, не доводя дело до открытого противостояния.

Выступить же против должны были, по меньшей мере, пятеро, ибо при девяти членах ПБ голоса их никак не могли разделиться поровну. Следовательно, не кто иной, как Ворошилов, Каганович, Косиор, Микоян, Чубарь, а также Ежов, и смогли изменить обычный ход заседания и добиться его продолжения на следующий день, чтобы принудить сталинскую группу внести в проект постановления Пленума и в тезисы выступления Молотова принципиальные коррективы. Пока еще, на вечер 10 октября, по двум важнейшим позициям: о необязательности выдвижения альтернативных, или, как их назвали, параллельных кандидатов в депутаты, а также об установлении строго фиксированной квоты для беспартийных депутатов — не более четверти от общего количества членов Верховного Совета СССР. Даже прозаседав четыре часа, ПБ не сумело достичь приемлемого для обеих сторон компромиссного соглашения. Изымать же из проекта постановления все, что было связано с состязательностью при выборах, пришлось Яковлеву и Стецкому. Во всяком случае, на втором заседании ПБ, 11 октября, присутствовали они, а не Мехлис и Горкин.

11 октября ПБ заседало с половины четвертого дня до шести, а через час открылось заседание Пленума ЦК ВКП(б). Проект постановления, розданный всем собравшимся, — «Об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» выглядел уступкой широкому руководству. Ведь уже первый пункт проекта устанавливал: «ЦК нацкомпартий, крайкомы и обкомы обязаны тщательно проверить для утверждения ЦИКами союзных и автономных республик, краевыми и областными исполкомами состав республиканских и окружных избирательных комиссий». Та же процедура предусматривалась и при образовании участковых избирательных комиссий.

Мало того, второй пункт документа уже прямо отвергал то, что предложил Сталин весной 1936 г. Больше ни о каком свободном выдвижении кандидатов от общественных организаций речи не шло:

«Партийные организации обязаны выступать при выдвижении кандидатов в депутаты не отдельно от беспартийных, а сговориться с беспартийными об общем кандидате, имея в виду, что главное в избирательной кампании — не отделяться от беспартийных. Отдельное от беспартийных выступление коммунистических организаций со своими кандидатами только оттолкнуло и отделило бы беспартийных от коммунистов, побудило бы их к выставлению конкурирующих кандидатов и разбило голоса, что на руку только врагам трудящихся». В этой установке зародилось принципиально новое понятие — «блок коммунистов и беспартийных», которое вскоре станет краеугольным камнем предвыборного обращения ЦК ВКП(б) и которое, судя по всему, явилось конкретным результатом «компромисса» двух групп в ПБ.

Молотов выступил на Пленуме не как требовалось обычно — с докладом и даже не с сообщением, как объявил председательствующий Андреев, а скорее, с заурядной информацией. За пятнадцать минут поведал собравшимся лишь о том, что они и без того могли понять из проекта постановления, и о том, что им предстояло узнать на следующий день из газет: о создании Центральной избирательной комиссии; о назначении выборов на 12 декабря текущего года. Но в его сообщении содержалось и то, что доводить до всеобщего сведения не следовало.

«Обсуждался вопрос также о том, — сказал Молотов, — какое количество беспартийных считать надо нормальным для введения в состав депутатов в Верховный Совет. Общее мнение Политбюро было такое, что надо иметь примерно в среднем для СССР до 20 % беспартийных в составе Верховного Совета».

Невольно Молотов обозначил пункт, ставший, несомненно, одним из главных на двухдневном заседании ПБ. Как можно лишь догадываться, первоначально доля беспартийных

либо вообще загодя не устанавливалась, либо предполагалась значительно большей, скажем, 40 %.

Наконец, более конкретно, нежели в проекте постановления, высказался Молотов о подборе кандидатов: «Вся работа по выдвижению кандидатов должна быть по-настоящему под контролем и руководством парторганизаций. Тех кандидатов, которых мы выдвигаем вместе с беспартийными и проводим через собрания… Эти кандидаты предварительно должны быть должным образом проверены парторганизациями… Есть сообщения от партийных комитетов, что выдвинутые кандидатуры частично сняты и заменены новыми после двух-трех дней. Видимо, они были проверены недостаточно». И далее он уточнил ту же мысль: «Мы их должны утвердить в Центральном комитете партии не позднее 17 октября, получить по крайней мере на утверждение. Проверка этих кандидатов, которая будет проходить, потребует много времени для того, чтобы подготовить избирателей к тому, чтобы провести тех, а не других кандидатов».

Прения, открывшиеся после сообщения Молотова, полностью раскрыли затаенные устремления членов ЦК. Первые секретари крайкомов и обкомов говорили преимущественно о необходимости, как и прежде, вести борьбу с «врагами», хотя ни проект постановления, ни выступление Молотова не давали к тому ни малейшего основания и не предполагали столь резкого изменения темы, предложенной для обсуждения.

«Постышев (первый секретарь Куйбышевского обкома): Требуется разъяснение — будут ли участвовать в выборах спецпереселенцы. Правда, Полбицын их распустил и дал указание, чтобы они вошли на общих основаниях в колхозы, но мы часть их обратно завернули. Нам разъясняли, Вячеслав Михайлович, что они имеют право участвовать в выборах на общих основаниях и что для них специальных избирательных участков создавать не надо.

Сталин: Они прав не лишены.

Постышев: Ну хорошо, пусть выбирают. Уж больно сволочной они народ…

Прамнэк (первый секретарь Донецкого обкома): Как готовятся к выборам наши враги? Безусловно, враги активизируются, об этом говорит целый ряд фактов… Мы имеем по Донбассу ряд случаев, когда враждебно настроенные люди демонстративно заявляют, что они не будут участвовать в выборах.

Сталин: Много их?

Прамнэк: Я бы не сказал, что много, но на отдельных участках попадаются. Во всяком случае, десятками можно такие случаи найти… В Рутченкове (район города Сталино. — Ю.Ж.) есть община баптистская, 102 человека. Раньше они собирались один-два раза в месяц, а сейчас они собираются два-три раза в неделю, причем их агитация и работа, безусловно, направлена на объединение их в связи с выборами… Будут ли они выставлять свои кандидатуры? Я думаю, что это будут очень редкие случаи, у них не хватает смелости — побоятся, а будут выставлять даже наших людей, не враждебных нам людей, но более для них подходящих, на которых они рассчитывают, или с таким расчетом, чтобы разбить голоса и провалить кого-нибудь из наших выставленных кандидатов… Я считаю, что у нас в Донбассе и, наверное, в других областях тоже есть такие участки, которые, если мы не возьмем их в свои руки, могут провалить нашего кандидата… Райком партии отвечает за каждый избирательный участок. Это правильно записано в проекте предложений.

Евдокимов (первый секретарь Ростовского обкома):…Насчет вылазок классового врага. Мы так слегка край да и область почистили, но вылазки классового врага имеют место, особенно по церковно-сектантской линии.

Марголин (первый секретарь Днепропетровского обкома): Следует отметить, что уже сейчас обнаруживаются случаи, когда подбирают кандидатуры непродуманно и без соответствующей проверки. Это обнаружено по целому ряду районов. Есть факты, когда в участковые избирательные комиссии попадают чужаки из бывших кулаков или имевшие с ними

ту или иную связь… У нас были кое-какие изъяны в деле подбора окружных избирательных комиссий, в особенности председателей и секретарей комиссий. Некоторые кандидатуры председателей пришлось отвести. Они были чрезвычайно плохо проверены, и к их выдвижению мы подошли недостаточно серьезно. Мы эти недочеты исправили и к сроку, указанному в проекте решения ЦК, представили кандидатуры на утверждение… Пару слов относительно политических настроений. Мы безусловно имеем исключительный рост политической активности широких масс трудящихся Днепропетровщины как на заводах, так и в колхозах, у всего населения. Но мы имеем также факты активизации врага в самых различных антисоветских формах. Мы имеем проявление вражеских вылазок и на заводах, и в особенности в тех углах, куда наша политическая работа не добирается, в так называемых подсобных цехах, которые мы не всегда обслуживаем. На заводах таких уголков имеется значительное количество, в транспортных цехах, в некоторых подсобных цехах. Там враги из троцкистско-бухаринского отребья кое-какую работу пытаются проводить и не всегда находят противодействие со стороны наших людей. Особенно мы отмечаем довольно серьезное оживление антисоветских элементов в деревне, на селе. Антисоветские настроения проявляются преимущественно в деятельности церковников. Церковники на Днепропетровщине, особенно в таких районах, как Новомосковский, развернули довольно серьезную работу. Имеются случаи неоднократных просьб об открытии церквей. Есть факты, когда попы…

Чубарь: Сектанты?

Марголин: И сектанты, и несектанты организуют свой актив, у них есть такие кликуши-старухи, бывшие монашки…

Молотов: Неужели старух испугались?

Марголин: Мы не испугались, но борьба с этими явлениями проводится нами слабо… Затем кулачье активизируется и требует возврата своего имущества на основе закона…

Алемасов (первый секретарь Татарского обкома):…Настроения такие, которые дают нам полную уверенность, что, несмотря на происки отдельных вражеских элементов, которые у нас имеют также место, избирательную кампанию в Татарии мы проведем с успехом в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет нам партия.

Щучкин (первый секретарь Крымского обкома):…В Тельмановском и Ичкинском районах Крыма мы обнаружили основное — явную подготовку националистических элементов. Так, например, в Ичкинском районе в одном немецком селе во время изучения «Положения о выборах в Верховный Совет» в кружке был поставлен одним колхозником такой вопрос: «Нам непонятно, как это дело будет происходить на практике. Возьмем хотя бы наш сельсовет и начнем переизбирать его. Посмотрим, как это получится на деле». Во время этой процедуры произошла следующая история. Председателя совета, хорошего партийца, оклеветали в том, что он пьяница, связан с одной колхозницей, и на этой основе его провалили путем отвода. Провалили и секретаря парторганизации и избрали явно не наш, враждебный сельсовет. Мы считаем, что это не что иное, как попытка показать на практике, как можно организовать мероприятия антисоветского порядка, направленные во время выборов против нас… Несомненно, что в связи с той огромной работой, которая ведется в Крыму по разгрому буржуазных националистов из татарской и других национальностей, мы будем иметь большое оживление в среде еще не разоблаченных до конца враждебных элементов.

Конторин (первый секретарь Архангельского обкома):…Надо отметить, что враги не дремлют и по-своему изучают закон и конституцию там, где мы зеваем. В частности, церковники, попы пытаются восстановить, воскресить лозунг «советы без коммунистов». У нас имел место случай в Котласском районе, когда поп собирал церковников и говорил: «Вы обязательно организованно идите на выборы и там ведите себя так, чтобы не голосовать за коммунистов, чтобы провалить коммунистических депутатов». Таким образом, результаты там,

где мы прозевали, могут получиться не в нашу пользу. Последняя работа по указанию Центрального комитета — это показательные процессы, а затем работа по выкорчевыванию и уничтожению врагов народа. Нам сейчас предстоит провести большую работу, в особенности по Архангельской области. Там есть всякие категории людей — и административно высланные, и спецпереселенцы, и лагери. Много всякой сволочи. Мы вскрыли дополнительно десять контрреволюционных организаций… У нас такая область, что требуется еще подавить этих гадов.

Голос с места: Везде не мешает нажать.

Соболев (первый секретарь Красноярского крайкома): Мы уже организовали проверку и подбор кандидатов в Совет Национальностей и Союзный Совет… Когда мы получили списки кандидатов с рекомендациями от райкомов партии, мы решили проверить качество этой отборочной работы… Оказалось, что среди рекомендованных райкомами депутатов в Совет Союза и Совет Национальностей были бывшие колчаковцы, каратели, то есть проверка и отбор людей в районах были поставлены из рук вон плохо… Есть у нас такие коммунисты, которые саботировали проведение нашей партийной линии, и на них попы ставят ставку. Такие коммунисты и в Красноярском крае есть, мы их сейчас разоблачаем. По мере того как мы развертываем борьбу с вредительством в сельском хозяйстве, в животноводчестве, по мере того как мы разоблачаем и уничтожаем врагов — бухаринцев, рыковцев, троцкистов, колчаковцев, диверсантов — всю эту сволочь, которую мы сейчас громим в крае, они совершенно открыто делают выступления против нас…».

* * *

Но интереснее всех, пожалуй, было выступление первого секретаря Краснодарского крайкома И.А. Кравцова. Он, единственный, поведал, и весьма подробно, о том, что его коллеги потихоньку делали все последние недели. Рассказал о подборе только таких кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, которые бы отвечали интересам исключительно широкого руководства.

«Мы выдвинули в состав Верховного Совета, — разоткровенничался Кравцов, — наших кандидатов. Кто эти товарищи? Членов партии восемь человек, беспартийных и членов ВЛКСМ два человека. Таким образом, процент беспартийных мы выдержали тот, который указан в проекте решения ЦК. По роду работы эти товарищи распределяются так: партработников четверо, советских работников двое, председатель колхоза один, комбайнер один, тракторист один, нефтяник один. Из них женщин две, орденоносцев двое и казаков трое…

Сталин: Кто еще, кроме комбайнеров?

Кравцов: В десятку входят Яковлев, первый секретарь крайкома, председатель крайисполкома.

Сталин: Кто это вам подсказал?

Кравцов: Я вам, товарищ Сталин, должен сказать, что подсказали это здесь, в аппарате ЦК.

Сталин: Кто?

Кравцов: По вызову мы командировали в ЦК нашего председателя крайисполкома товарища Симочкина, который и согласовал это в аппарате ЦК.

Сталин: Кто?

Кравцов: Я не скажу, я не знаю.

Сталин: Вот жаль, что не скажете, неправильно сказано было».

Сегодня невозможно установить, что породило нарастающий гнев Сталина, который столь отчетливо слышался в трех вопрошающих и одновременно настаивающих «кто», в конце ясно ставший уже грозным. Нельзя однозначно понять, что же конкретно Сталин подразумевал под предельно жестким определением «неправильно сказано было». Возможно, гнев Сталина вызвал открыто названный принцип отбора кандидатов в депутаты. Из десяти человек четверо оказались партфункционерами, а двое — советскими чиновниками. Иными словами, не просто сохранился, но и восторжествовал тот самый принцип, ради ликвидации которого и была затеяна им политическая реформа с новыми Конституцией и избирательным законом.

А может быть, глухой гнев Сталина вызвало и упоминание в данном контексте фамилии Яковлева, что с новой силой разбередило полученные накануне раны…

Заключение

События середины тридцатых годов и слишком заметная в том роль первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, окончательно убедили Сталина в собственной правоте: в том, что партия нуждалась в незамедлительном коренном реформировании.

Уже в феврале 1941 года об этом на девятнадцатой партконференции в предельно завуалированной форме заявил в своем докладе Г. М. Маленков — разумеется, прямо сославшись на Сталина. Маленков напомнил делегатам те слова Генерального секретаря, которые все пытались игнорировать. Делали вид, что забыли о них, не придали должного значения сказанному Сталиным: «Некоторые товарищи думают, что на руководящие должности на фабриках, на заводах можно выдвигать лишь партийных товарищей. На этом основании они нередко оттирают способных и инициативных беспартийных товарищей, выдвигая на первое место партийцев, хотя и менее способных и неинициативных. Нечего и говорить, что нет ничего глупее и реакционнее такой, с позволения сказать, «политики»».

Именно таким подходом в кадровой политике Маленков объяснил, почему план 1940 года по некоторым отраслям оказался невыполненным. «Есть такие наркоматы, — заметил секретарь ЦК ВКП(б), — которые не только не выполнили плана 1940 года, но в сравнении с 1939 годом даже заметно уменьшили выпуск продукции».

Виноваты, несколько раз повторил Маленков, прежде всего обкомы и горкомы партии, которые ослабили свою работу в области промышленности и транспорта, полагая, что они не несут ответственности за их работу. Но тут же уточнил: ЦК ВКП(б) требует от горкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик отнюдь не руководства народным хозяйством, они должны только «проверять выполнение решений наркоматов предприятиями», «контролировать» последние. А далее он перечислил те позиции, по которым следует проводить проверку и осуществлять контроль: учет оборудования и сырья, равномерность выпуска продукции, технологическая дисциплина, освоение и внедрение новой техники, снижение себестоимости, материальное поощрение.

Чтобы ни у кого не возникло сомнения в ограниченности новых функций местных парторганов, в том числе и воссозданных промышленных отделов, Маленков уточнил: «Партийные организации обязаны лишь помочь наркоматам и предприятиям навести порядок, при этом единоначалие на предприятиях, установленное никем не отмененным постановлением ЦК ВКП(б) от 7 сентября 1929 г., остается в силе, сохраняется, как незыблемая основа системы управления».

Как явствовало из продолжения доклада, основной функцией секретарей по промышленности должен стать подбор кадров для промышленности и транспорта, и не больше. Но при одном непременном условии — полностью изменить подход к этим кадрам. «До сих пор, — продолжал Маленков, — несмотря на указания партии, во многих партийных и хозяйственных органах при назначении работника больше занимаются выяснением его родословной, выяснением того, кем были его дедушка и бабушка, а не изучением его личных деловых и политических качеств, его способностей. Основным вопросом в деле подбора кадров

является вопрос о правильном выдвижении новых работников, умеющих организовать живое дело. При этом надо усвоить, что речь идет о выдвижении не только партийных, но и беспартийных работников. Среди беспартийных много честных и способных работников, которые хотя и не состоят в партии, не имеют коммунистического стажа, но работают часто лучше, добросовестнее, чем некоторые коммунисты со стажем».

Вслед за столь откровенным указанием опираться в работе на беспартийных профессионалов Маленков предложил другое: избавляться от некомпетентных коммунистов, которых назвал болтунами и невеждами. «Пора, — сказал он, — товарищи, вытащить такого сорта хозяйственников на свет божий. Болтунов, людей, не способных на живое дело, нужно освобождать и ставить на меньшую работу, безотносительно к тому, являются они партийными или беспартийными… Невежда — это такой человек, который ничего не знает и знать ничего не хочет… Займет такой невежда пост директора ли предприятия, начальника ли дороги или другой какой пост и ничего слушать не хочет… Надо, товарищи, разоблачать таких невежд и гнать их в шею от руководства. Нельзя терпеть невежд во главе предприятий и вообще на руководящих постах».

Все эти предложения затрагивали пока только нижний слой хозяйственного руководства, преимущественно людей, занимающих посты от директора предприятия и ниже. Но в резолюции конференции они приобрели совершенно новые черты: необходимо добиваться того, чтобы директор предприятия стал на деле полновластным руководителем, целиком отвечающим за состояние предприятия и за порядок на производстве. Подобное уже вполне официальное требование должно было делать его полностью самостоятельным в работе.

Вместе с тем совершенно новый, непривычный для многих подход к оценке профессиональной деятельности тех, кто был занят в сфере народного хозяйства, продемонстрировала и еще одна резолюция конференции. Та, которая решительно предупредила наркомов М. М. Кагановича, М. Ф. Денисова, З. А. Шашкова, А. А. Ишкова, В.В. Богатырева, что «если они не улучшат работы своих наркоматов… то они будут сняты с постов народных комиссаров». Что это не пустая угроза, а вполне возможная мера, доказывало перемещение в партийных органах уже снятых за развал работы наркомов, которым не предъявлялось никаких политических обвинений — вывод из членов ЦК Н. М. Анцеловича, П. С. Жемчужиной, М. М. Литвинова, И. А. Лихачева, Ф. А. Меркулова.

* * *

Начавшаяся всего через четыре месяца война помешала планомерно и быстро претворить в жизнь новые принципиальные установки. К их уточнению, но в более жесткой, императивной форме узкое руководство смогло вернуться только в январе 1944 года. Тогда, когда в победе над нацистской Германией и ее сателлитами сомневаться больше не приходилось. Повод для того нашелся довольно скоро. 27 декабря 1943 г. в связи с ухудшившимся состоянием здоровья Калинина, а также и тем, что один из его основных заместителей, А. Е. Бадаев — председатель ПВС РСФСР, был снят с должности за «беспробудное пьянство» и «разврат», ПБ решило заменить последнего Шверником. Такая процедура находилась в компетенции союзного парламента, и потому его созыв наметили на 25 января 1944 г. А так как сессия оказывалась первой с начала войны, ее вознамерились использовать и для утверждения государственного бюджета, тем самым как бы восстанавливая действие законодательного органа власти, что должно было послужить в глазах населения признаком постепенного возвращения к нормальному мирному состоянию.

Воспользовавшись представившейся возможностью — традиционным проведением в канун сессии Пленума ЦК, опять же первого с начала войны, Маленков, скорее всего, при активной помощи Н. М. Шаталина, подготовил проект постановления ЦК ВКП(б) «Об

улучшении государственных органов на местах», — формально он опирался на постановление ПБ от 4 мая 1941 г., а фактически весьма значительно развивал и дополнял его.

24 января 1944 г. Маленков направил этот документ Сталину. Проект был столь необычным, важным, беспрецедентным, что, несмотря на значительный объем, заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«За время Отечественной войны против немецких захватчиков партийные и государственные органы на местах провели большую работу на отпор врагу. На полный ход пущены перебазированные на восток заводы. Колхозы и совхозы снабжают, без серьезных перебоев, армию и страну продовольствием. Транспорт обеспечивает перевозки военных и народохозяйственных грузов.

Осуществляя директивы партии и правительства по организации и укреплению тыла для нашего фронта, местные партийные и государственные органы добились серьезных улучшений в руководстве хозяйственным строительством и в основном успешно справились с задачей перевода хозяйства на военный лад, с задачей обеспечения Красной Армии всем необходимым для разгрома врага.

Вместе с тем нельзя не видеть и того, что в сложившейся практике руководства местных партийных и государственных органов хозяйственным и культурным строительством, как во время войны, так и в довоенный период, имелись и имеются крупные недостатки.

Наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизбежно приводит к смешению функций партийных и государственных органов, к подмене и обезличиванию государственных органов, к подрыву их ответственности и к усилению бюрократизма в госаппарате. В результате смешения функций партийных и государственных органов беспартийные часто не знают, куда им следует обращаться за разрешением своих вопросов, так как руководящие работники исполкомов советских органов вместо самостоятельного решения вопросов оглядываются на обкомы, органы партии, ожидая по каждому случаю специальных указаний. Такое неправильное положение во взаимоотношениях партийных и советских органов порождает также некоторую безответственность местных партийных руководителей, поскольку они считают себя ответственными только перед коммунистами и партийными организациями, но не перед беспартийными массами.

В организационном отношении указанные недостатки в работе местных партийных и советских органов привели к неправильному распределению руководящих работников между ними. В партийных организациях сосредоточены наиболее авторитетные и опытные руководящие работники за счет ослабления руководящих кадров в советских органах, что неизбежно усиливает указанные выше недостатки работы государственных органов. Такая неправильная расстановка руководящих сил привела к тому, что в настоящее время без устранения этого серьезного организационного недостатка нельзя поднять работу советских органов на уровень современных задач советского государства.

В целях ликвидации указанных выше недостатков в работе партийных и государственных органов Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

а) покончить с установившейся вредной практикой дублирования и параллелизма в руководстве хозяйственным и культурным строительством со стороны местных партийных и государственных органов, с неправильной практикой подмены и обезличивания государственных органов и полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте — в государственных органах. Такое сосредоточение оперативного руководства и сил в одном месте целиком себя оправдало в деле руководства предприятиями промышленности и транспорта, где вся полнота власти принадлежит руководителю предприятия, а также в военном деле, где на командиров возложена полная ответственность за работу в войсках;

б) укрепить государственные органы наиболее авторитетными и опытными кадрами, способными обеспечить дальнейший подъем работы государственных органов и сосредоточить в совнаркомах республик и исполкомах Советов дело руководства хозяйственным и культурным строительством;

в) повернуть внимание партийных организаций к всемерному укреплению государственных органов, поднятию их роли и авторитетности, освободив партийные органы от несвойственных им административно-хозяйственных функций и установить правильное разделение труда и разграничение обязанностей между партийными и государственными органами;

г) обязать руководящие партийные органы на местах, проводя перестройку взаимоотношений с советскими органами, осуществлять политическое руководство работой государственных органов и политический контроль за правильностью проведения ими директив партии и правительства; обеспечить правильный подбор и выдвижение кадров в государственном аппарате, неуклонно заботясь об их идейно-политическом росте; развернуть политико-просветительную работу в массах трудящихся, еще больше сплачивая массы вокруг Советов для поддержки проводимых ими мероприятий.

В качестве организационных, мер, обеспечивающих перестройку и укрепление местных руководящих государственных органов, Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

признать целесообразным, чтобы первый секретарь ЦК коммунистической партии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии был одновременно и председателем Совнаркома союзной (автономной) республики; исполкома краевого, областного, окружного, городского, районного Совета депутатов трудящихся;

укрепить руководящие кадры и аппарат Совнаркома союзных и автономных республик, исполкомов краевых, областных, окружных, городских и районных Советов, переведя для этой цели в советские органы партийных органов руководящих работников, занятых в настоящее время вопросами хозяйственной работы;

упразднить в горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик должности заместителей секретарей по отдельным отраслям промышленности, торговли, транспортам сельского хозяйства, а также соответствующие отделы партийных органов;

4) поручить Политбюро ЦК определить порядок и сроки практического осуществления указаний, изложенных в пунктах 1, 2, 3 настоящего постановления».

* * *

Сталин проект поддержал. Собственноручно написал резолюцию: «За (с поправками в тексте). И. Сталин». Правку же внес не смысловую, принципиальную, а чисто стилистическую. Вычеркнул одну фразу (последнюю пункта «а» второго раздела) да еще шесть слов — явные повторы и предложил свой вариант названия — «Об объединении руководства партийных и государственных органов на местах», по основному смыслу содержания третьего раздела. После столь явно выраженного мнения Сталина к сторонникам проекта присоединился Андреев. Казалось, теперь уже не будет никаких неожиданностей и сбоев, документ безоговорочно одобрят все. Но именно этого и не произошло. 26 января вместо Пленума состоялось заседание узкого руководства, оно же — ПБ, на котором проект данного постановления не только категорически отвергли, но и вычеркнули вообще из повестки дня Пленума…

Последний шанс реформировать партию мог появиться после Победы. Тогда, когда Сталин стал обладать непререкаемым авторитетом не только в Советском Союзе, но и во всем

мире. Однако эти планы внезапно оказались под угрозой из-за резкого ухудшения состояния здоровья Сталина. Как свидетельствует один из его близких родственников, а потому достаточно информированный и надежный источник, врачи констатировали у Иосифа Виссарионовича инсульт.

Вполне справедливо опасаясь самого худшего, 3 октября ПБ решило: временный отход главы советского правительства от повседневного руководства оформить как отпуск. Но уже 9 октября происшедшее пришлось сделать достоянием гласности, сообщив о нем на следующий день (поразительная поспешность!) во всех газетах страны: «Отъезд тов. Сталина в отпуск. Вчера, 9 октября, председатель Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталин отбыл в отпуск на отдых».

После первого инсульта Сталин так и не сумел восстановить здоровье. Каждый новый рабочий день давался ему всё труднее и труднее, вынуждая увеличивать перерывы для лечения. Спад работоспособности у Сталина начался в феврале 1950 года и достиг нижнего предела, стабилизировавшись в мае 1951 г. Если в 1950 г., с учетом недельного отпуска (болезни?), чисто рабочих дней — приемов посетителей в кремлевском кабинете — у него было 73, в следующем — всего 48, то в 1952-м, когда Иосиф Виссарионович вовсе не уходил в отпуск (не болел?), — 45. Для сравнения можно использовать аналогичные данные за предыдущий, период: в 1947 г. — у Сталина рабочих дней было 136, в 1948-м — 122, в 1949-м — 113. И это при ставших обычными трехмесячных отпусках.

Столь же показательным является число рабочих дней у Сталина и по месяцам: в январе 1951 г. их было 10, в феврале — 6, в марте — 7, в апреле — 8, в мае — 5, в июне — 3, в июле — 5, в августе — 4. После очередного, на этот раз полугодового отпуска (болезни?), с 10 августа 1951 г. по 11 февраля 1952 г., Иосиф Виссарионович работал в своем кремлевском кабинете еще реже: в феврале — 3 дня, в марте — 5, в апреле — 4, в мае — 2, в июне — 5, в июле — 5, в августе — 3, в сентябре — 4, в октябре (когда проходил XIX съезд партии) — 7, в ноябре — 9, в декабре — 4.

Разумеется, следует учитывать, что Сталин проводил заседания, встречи с членами узкого руководства, прием подчиненных и иностранных гостей не только в Кремле, но и на «ближней даче» — в Волынском, на окраине Москвы, — а также в «Зеленой роще», «Холодной речке», «Мюссере» — своих резиденциях на Черноморском побережье Кавказа, в районе Сочи — Гагра. И тем не менее, даже без обращения к его недоступной истории болезни, можно легко сделать единственно возможный вывод: Сталин если и вынужден был отрешиться от интенсивной, как прежде, повседневной работы из-за плохого самочувствия, то сделал это — неважно, добровольно или по принуждению — не в последние недели или месяцы жизни, а гораздо раньше.

* * *

Между тем, решение Политбюро от 16 февраля 1951 года коренным образом изменило систему власти в стране:

«Вопрос Президиума Совета Министров СССР. Председательствование на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей председателя Совета Министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью председателя Совета Министров СССР тов. Сталина И. В. (выделено мною. — Ю. Ж.)»

Последняя фраза, как ранее, так и позднее никогда больше не встречавшаяся в подобного рода документах, — более чем странная. Сложная и для расшифровки, и для понимания, и для объяснения.

Если ее внесли в текст с ведома и согласия Сталина, то тогда она несет следующий смысл. В силу неких определенных и веских, весьма серьезных причин, а ими могли быть либо загруженность какой-то иной более важной работой, либо серьезное ослабление работоспособности после тяжелого заболевания, Сталин передоверил свои высокие властные полномочия Булганину, Берия и Маленкову.

Возможно, конечно, и иное прочтение документа. Если его последняя фраза, как, впрочем, и само решение в целом, появилась вопреки воле Сталина или была принята им лично под сильнейшим давлением, она должна означать прямо противоположное. То, что в тот день первого секретаря ЦК ВКП (б), председателя Совета Министров СССР фактически, но отнюдь не юридически, отстранили от руководства. Но в любом случае, по доброй воле или нет, Сталину пришлось практически отойти от власти и остаться главой государства лишь символически.

Неудивительно, что та реформа государственного управления, проведения которой он так упорно добивался в течение почти двадцати лет, так и осталась до конца не осуществленной. После смерти Сталина партократия окончательно похоронила ее и тем самым нанесла непоправимый вред советской державе.

Примечания

1

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 208, 212.

2

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995, с. 240–241.

3

Сталин и Каганович… с. 199–200.

4

Сталин и Каганович…, с. 281.

5

Цит. по: Пленум ускоренной подготовки к боям за власть, за диктатуру пролетариата. — Коммунистический интернационал. 1932, № 27, с. 4–6.

6

Известия. 1932, 13 декабря.

7

Зиновьев О. Проблемы германской революции. Статья 9. — Правда. 1923, 31 октября.

8

Троцкий А. Малое и большое. — Правда. 1923, 18 октября.

9

«Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970, с. 142,

10

Там же, с. 151, 159, 812, 817.

11

«Документы внешней политики СССР… с. 846, 869; Известия. 1933, 5 мая.

12

Документы… т. XVI, с. 682–684.

13

Документы… т. XVI, с. 684–685.

14

Малая советская энциклопедия. Т. 4. М., 1929, кол. 631–632.

15

Документы… т. XVI, с. 695.

16

Там же, с. 724–725.

17

Документы… т. XVI, с. 736; Исторический архив. 1995, № 2, с. 199.

18

Исторический архив. 1995, № 2, с. 200.

19

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001, с. 305–306.

20

Документы… т. XVI, с. 772–773.

21

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 8, 11–12.

22

Там же, с. 11.

23

XVII съезд…, с. 13–14.

24

Там же, с. 14.

25

XVII съезд…, с. 15–16.

26

Подробнее см.: Костюк Г. Сталинизм на Украине, (на укр. языке). Киев, 1995, с. 164–198; Субтельный О. Украина. История. Киев, 1994, с. 494.

27

XVII съезд… С. 28, 32.

28

XVII съезд…, с. 34.

29

XVII съезд…, с. 528–529.

30

XVII съезд… С. 561–562, 672, 676.

31

XVII съезд… с. 680–681.

32

XVII съезд… С. 680–681.

33

Сталинское Политбюро 30-х годов. М., 1995, с. 141–142.

34

Правда. 1934, 13, 14, 15 и 16 февраля.

35

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 492–497, 516–521, 236–238, 627–628, 124–128, 209–212, 249–251.

36

РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, а- 944, л. 42.

37

Кен О. Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1. СПб., 2000, с. 566–568, 574.

38

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 939, л. 2.

39

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, **д.** 941, л. 20.

40

Там же, л. 21, 40; оп. 163, д. 1016, л. 143.

41

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, оп. 3, д. 944, л. 17.

42

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 943, л. 33; д. 944, л. 3; оп. 163, д. 1048, л. 26.

43

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, оп. 3, д. 953, л. 22.

44

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, оп. 163, д. 1047, л. 90.

45

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 941, л. 2–3.

46

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 942, л. 7–8.

47

Там же, оп. 163, д. 1023, л. 87, 92, 99.

48

Сталин И. Сочинения. Т. 14, М., 1997, с. 23.

49

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 950, л. 18.

50

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 950, л. 31.

51

Там же, д. 951, л. 19.

52

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 944, л. 63.

53

Документы внешней политики СССР. Т. XVII, с. 133, 139.

54

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 928, л. 4.

55

Кен О.Н., Рупасов А.М. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными союзными государствами. Ч. 1. М., 2000, с. 571.

56

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 945, л. 43; д. 943, л. 41; д. 947, л. 34; **д.** 950, л. 38.

57

Документы внешней политики СССР. Т. XVII, с. 775.

58

Правда. 1934, 11 октября.

59

Правда. 1934, 6, 7, 8 октября.

60

Там же, 13 октября.

61

Документы внешней политики СССР. Т. XVII, с. 686–687, 829.

62

Там же, с. 738–739.

63

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 947, л. 39–40.

64

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1028, л. 137–138.

65

Исторический архив, 1995, № 3, с. 131.

66

Документы… т. XVII, с. 312.

67

Основной закон. Конституция Союза Советских Социалистических республик. М., 1931, с. 5, 7.

68

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 1, д. 3275, л. 1—10.

69

Правда. 1935, 29 января.

70

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 958, л. 38.

71

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 2, д. 537, л. 1.

72

Правда. 1935, 6 февраля.

73

Правда. 1935, 6 февраля.

74

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1106, л. 134.

75

Сталинское политбюро… С. 142.

76

Сталинское политбюро… РГАСПИ, фонд Ежова.

77

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1055, л. 95.

78

РГАСПИ. Ф. 17, д. 1056, л. 199.

79

Там же, д. 1052, л. 132. Документы… т. XVIII, с. 117–118.

80

Там же, с. 250.

81

Правда. 1935, 1 апреля.

82

Правда. 1935, 4 мая.

83

Там же, 18 мая.

84

РГАСПИ. д. 107, л. 1—11.

85

РГАСПИ. д. 107, л. 4, 18, 76, 22.

86

Там же, л. 62.

87

Там же, л. 63.

88

РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 131–132.

89

РГАСПИ, ф. 671, оп. 1, д. 107, л. 147.

90

РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 959, л. 16.

91

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 960, л. 15; «Правда». 1935 г., 4 марта.

92

РГАСПИ, д. 108, л. 10–14.

93

РГАСПИ, л. 7–8.

94

Там же, л. 1–3, 18, 24; д. 107, л. 248–261.

95

РГАСПИ, д. 108, л. 67.

96

Там же, д. 108, л. 35–37.

97

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1057, л. 128–135.

98

РГАСПИ, д. 1058, л. 70, 69.

99

РГАСПИ, л. 32–33 об.

100

«Правда». 1935 г., 8 июня.

101

«Известия ЦК КПСС». 1989, № 7, с. 86–90.

102

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1061, л. 119–120.

103

«Правда». 1935, 6 мая.

104

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1074, л. 128.

105

Генрих Ягода… с. 465.

106

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1063, л. 136–138.

107

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1071, л. 178.

108

Там же, д. 1106, л. 134.

109

Цит. по: Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943, М., 1997, с. 179.

110

Пик В. Отчет о деятельности исполнительного комитета Коммунистического интернационала. М., 1935, с. 7, 85, 86, 98.

111

Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935, с. 32.

112

Димитров Г. Наступление фашизма… С. 41–42, 50.

113

«Правда». 1935, 29 августа.

114

Резолюции… с. 38.

115

Кабанов ВЯ. Из истории создания Конституции СССР 1936 года — История СССР 1976, № 6, с. 118.

116

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 1, д. 3275, л. 26.

117

Кабанов В.В. Указ. Соч., с. 118.

118

«Правда», 5 декабря.

119

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 949, л. 22.

120

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1091, л. 60.

121

Там же, д. 1086, л. 9, 11.

122

«Известия». 1936, 18 января.

123

Кабанов В.В. Из истории создания конституции СССР 1936 года. — История СССР. 1976, № 6, с. 120–121.

124

«Правда». 1936, 17 мая.

125

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1107, л. 78–79 об.

126

Там же, с. 43.

127

Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1931, с. 12.

Конституции и конституционные акты… С. 44, 182, 184.

128

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 572, л. 3–8.

129

Там же, д. 563, л. 4.

130

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2» д. 572, л. 5 об. — 6; д. 571, л. 2–3.

131

«Правда». 1936, 12 июня.

132

Берия. Новая Конституция и Закавказская федерация. — Правда. 1936, 12 июня.

133

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 630.

134

Сталин и Каганович. Переписка, с. 639–640.

135

Там же, с. 642, 645.

136

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001, с. 682–683.

137

РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1125, л. 74.

138

«Правда». 1936 год, 14 ноября.

139

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1128, л. 87.

140

См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999.

141

Там же.

142

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД.

143

Подробнее см.: Жуков Ю.Н. Так был ли «заговор Тухачевского»? — Отечественная история. 1999, № 1, с. 177.

144

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 13.

145

Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991, с. 234.

146

Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939, с. 509, 511.

147

Там же, с. 515–516, 525–526.

148

Сталин И. Вопросы ленинизма, с. 516, 522.

149

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1128, л. 60.

150

Там же, л. 88.

151

Правда. 1936, 27 ноября.

152

Там же.

153

Там же.

154

Там же. 29 ноября; полный текст см.: Документы…. т. XIX, с. 705—

155

Жданов А.А. Победа социализма и расцвет советской демократии. Речь на чрезвычайном VIII всесоюзном съезде Советов. М., 1936, с. 4–5, 13.

156

Жданов А.А. Указ. соч., с. 20–21.

157

Жданов А.А. Указ. соч., с. 20–21.

158

Молотов В.М. Конституция социализма. С. 6—21.

159

Правда. 1936, 2 декабря.

160

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 6–7.

161

Там же, л. 7–8.

162

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 29, 31, 33, 37.

163

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 73.

164

Там же, л. 91.

165

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 97, 103.

166

Там же, л. 107–108, 112.
РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 131, 135–136.

167

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 115–188, 122–127.

168

Документы… т. XIX, с. 650.

169

Известия. 1936, 11 декабря.

170

Документы… т. XIX, с. 679.

171

Документы… т. XX. М., 1976, с. 13.

172

Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937, с. 41, 56, 70, 130.

173

Судебный отчет… С. 222, 224, 232, 237, 239, 241.

174

Судебный отчет… С. 258.

175

Правда. 1937, 31 января.

176

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1130, л. 146.

177

Там же, оп. 163, д. 1138, л. 8–9.

178

Вопросы истории. 1992, № 2, с. 24–25.

179

Вопросы истории. 1993, № 5, с. 3—14.

180

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 18, л. 24.

181

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 18, л. 24.

182

Вопросы истории, № 6, с. 6, 17.

183

Там же. № 7, с. 23.

184

Вопросы истории, № 3, с. 3—15.

185

Вопросы истории, № 5–6, с. 3–8.

186

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 18, л. 130.

187

Вопросы истории, 1995, № 11–12, с. 11–22.

188

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 612. Вып. III, л. 49 об. — РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 56, л. 31–32 об.

189

Там же. Ф. 17, оп. 163, д. 1141, л. 68–69.

190

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 1147, л. 98.

191

РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 56, л. 6, 16, 19, 20, 27–28, 46, 81.

192

Ягода… С. 88—108.

193

Внешняя политика СССР. Т. IV. М, 1946, с. 245–246.

194

Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995, с. 33–34.

195

Шубин А. Анархо-синдикалисты в испанской гражданской войне 1936–1939 гг. М., 1997, с. 34.

196

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1147, л. 114, 142; Исторический архив. 1995, № 4, с. 51.

197

Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). М., 1924, с. 155.

198

Известия ЦК КПСС. 1991, № 3, с. 207–208. Колпакиди А, Прудникова Е. Двойной заговор. М., 2000.

199

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 14, л. 39. 12. Ягода… С. 149.

200

Источник. 1994. № 3, с. 73.

201

Там же, с. 76–78.

202

РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 1162, л. 77.

203

Исторический архив. 1995. № 4, с. 66.
